

Игорь Мирецкий

АРХИВАРИУС

ПРОЛОГ

15-го сентября 1017 года в Иерусалиме и на всей Святой Земле впервые после долгих месяцев изнурительного летнего зноя выдался облачный день.

Паломник, сидящий на берегу реки Иордан, уже не раз поблагодарил Небеса за эти густые облака, неторопливо проплывающие над его головой. Светлые волосы и голубые глаза сразу выдавали в нем человека, проделавшего сюда путь с далекого Севера. И ничто – ни болезни, ни скудная и непривычная еда, ни все прочие испытания, неизбежно выпадающие на долю путешественников, – ничто не доставляло ему такого мучения последние недели, как здешнее безжалостное солнце.

Вчера, в праздник Воздвижения Креста Господня, он поклонился в Иерусалиме Святому Гробу, а ближе к вечеру, когда жара начала понемногу спадать, вместе с девятью другими паломниками отправился совершить омовение в том месте Иордана, где по преданию был крещен Христос. Заночевав на полпути под открытым небом, на рассвете богомольцы продолжили свое путешествие и уже к полудню омылись в священных водах.

Сейчас же, когда все ушли осматривать пещеры Иоанна Крестителя и Илии Пророка, расположенные неподалеку, он остался дожидаться их тут... Виной тому было увечье, полученное им около года назад во время битвы на другом конце света. Правая нога его была ампутирована чуть выше колена. Путешествовал бывший воин верхом (осел был куплен в первый же день, как корабль причалил к Святой Земле, и сейчас сонно жевал траву, привязанный неподалеку), а лазать на костылях по пещерам было бы уже полным безрассудством.

На короткий миг выглянуло солнце и вновь скрылось за облаками. Паломник заметил, что в воде прямо перед ним что-то сверкнуло. Рядом росло ветвистое дерево, склонившееся сразу несколькими стволами к реке, и метрах в двух от берега что-то зацепилось между его ветвей и едва виднелось на поверхности.

Вооружившись одним из своих деревянных костылей – при всей их прочности не слишком массивными и не очень тяжелыми, – он вытянул что есть сил руку и попробовал подцепить концом костыля неизвестный предмет. Но тот тут же ушел на дно. Тогда, и не подумав так легко сдаваться, он разделся, зашел в мутную воду Иордана и, держась за распростершийся почти параллельно поверхности реки ствол дерева, доковылял до нужного места. Вода там доставала всего лишь до пояса, поэтому обшарить дно не составило большого труда.

Паломник извлек на поверхность увесистое распятие; один из концов креста, возле правой ладони Спасителя, был отколот.

И только он принялся отчищать находку от ила, чтобы посмотреть, не драгоценный ли это случай металл (впрочем, какой безумец швырнул бы в воду столько серебра или золота?), как внезапная невыносимая боль пронзила всё его существо... Из шеи паломника торчала стрела.

Рука разжалась сама собой, и распятие снова исчезло в воде. Перед глазами всё поплыло, однако он заставил себя развернуться всем телом и увидел, как кто-то убегает прочь. Убегавший – видно было только спину – держал в руке лук.

Истекая кровью, паломник каким-то чудом сумел достичь берега.

Он умер, едва выбравшись из воды.

ГЛАВА 1

Омерзительно пипикающий звук будит меня.

– Выключись, – хриплю я спросонья.

Не реагирует.

Ах да... Смутно что-то припоминая, я тяну руку к будильнику, но неловко задеваю его в темноте и опрокидываю на пол. Назойливый сигнал продолжает досаждать мне оттуда.

– Да чтоб тебя!

Еще толком не проснувшись, я еле-еле дотягиваюсь кончиками пальцев до откатившегося от кровати электронного будильника и, нащупав нужную кнопку, наконец выключаю его.

Впрочем, отреагируй он на мою голосовую команду – я бы сейчас, как обычно, смотрел сны дальше, повернувшись на другой бок. А в данный момент я уже сижу на краю кровати и засовываю ноги в тапки. Просто невероятно! Идея с доисторическим будильником, отключающимся вручную, была поистине гениальной.

Кромешную тьму нарушает лишь зеленоватое свечение цифр 07:03, исходящее от притихшей у меня в руках допотопной электроники.

– Убрать затемнение, – командую я.

В комнату через окно, на какой-то миг ослепляя меня, врывается яркое солнце.

Всё верно. Из прогнозов еще полгода назад следовало, что в Москве сегодня, 10-го июля, будет безоблачно и днем до плюс тридцати. Здешние предсказатели погоды не ошибаются.

– Разрешить прием гостя? – доносится до моих ушей немного неестественный голос, едва я успеваю встать и поставить раритетный будильник на место.

Говорил серебристый шкаф, возвышающийся до самого потолка в противоположном углу комнаты. Над его дверцей черными выпуклыми буквами сделана надпись, которую можно хорошо различить даже отсюда: «АТОМНЫЙ СИНТЕЗАТОР». Ниже указана серия и номер модели.

Я снова бросаю взгляд на часы. Что еще за гости в такое время?

Накинув халат и наскоро завязав на нем пояс, я с опаской подхожу к синтезатору. Но после беглого взгляда на дисплей, несколько озадаченный, киваю:

– Разрешаю.

Через мгновение из дверцы выходит она.

– С Днем рождения, милый! – Мирослава обнимает меня и целует в губы.

Ее густо подведенные глаза, хлопая огромными ресницами, смотрят на меня в упор. Пухленькие губки с перламутровой помадой расплываются в улыбке. Какая-то прядь, выбившаяся из копны каштановых начесанных волос, щекочет мне нос.

– Спасибо, дорогая, – отвечаю я. – Но зачем же было тратить деньги на андроида? Ведь ты могла поздравить меня сегодня вечером, когда вернешься из Рима.

Иллюзия, что передо мной стоит Мирослава, просто потрясающая.

Умом я, конечно же, понимаю, что Мирослава на самом деле сидит сейчас – или, может быть, даже лежит? – в тысячах километров от Москвы, надев на голову нейрошлем, в то время как меня обнимает неотличимый от нее внешне робот-андроид, синтезированный из атомов в этом самом шкафу

буквально минуту назад и теперь дистанционно передающий в ее шлем (и далее прямо ей в мозг) всё, что он здесь видит, слышит, осязает, обоняет и воспринимает на вкус, – а в ответ получающий от ее мозга сигналы к действию.

Но хоть умом я и понимаю всё это, мои чувства как будто отказываются верить...

– Нельзя так заикливаться на деньгах, Ингви, – обращается она ко мне по имени. Вместо привычного «милый» или чего-нибудь в этом роде. (Ясно, обиделась). – Просто я вдруг подумала, что тебе будет тоскливо проснуться в свой День рождения одному. И потом, у тебя сегодня юбилей.

Ну, двадцать пять лет я бы юбилеем не назвал...

А кстати, сколько из них я уже провел здесь? Среди всего этого технократического безумия.

Уже почти два года, как я являюсь полноправным гражданином Федерации Ремотус, а такого статуса оказавшиеся здесь удостоиваются ровно после года испытательного срока.

Неужели с того дня, как Судьба забросила меня в Москву, пролетели без малого три года?

– Я люблю тебя, – примирительно говорю я, покрывая поцелуями шею Мирославы, одновременно расстегивая пуговицы на ее блузке.

Мирослава одним ловким движением развязывает пояс на моем халате и сбрасывает его с плеч...

Когда я снова смотрю на часы, они показывают уже 07:30.

– Мне пора, любимый. – Мирослава встает с постели и направляется к шкафу-синтезатору, собирая свою разбросанную по полу одежду. – В Институте третьи сутки подряд работаем как проклятые! Я даже не успела выбрать тебе подарок, прости. – Открыв дверцу, она заходит внутрь. Одной ру-

кой сжимает скомканную одежду, а другой посылает мне воздушный поцелуй. – До вечера! Если не успею к десяти, начинайте праздновать без меня, ладно?

Дверца серебристого шкафа бесшумно закрывается. Еще пара мгновений – и андроид Мирославы, судя по загоревшейся снаружи лампочке, благополучно разложен обратно на атомы. Вместе со всеми его шмотками.

Кстати, а они-то на кой были нужны?!

Когда я захожу в ванную, мои губы сами собой принимают насвистывать какую-то грустную, но необычайно красивую мелодию. Где же я ее слышал? Ее исполнял, кажется, женский голос. Такой высокий и чуть резковатый.

Покончив с душем – но так и не вспомнив ни слов, ни названия песни, – еще из прихожей я громко кричу:

– Покажи каталог завтрака!

Подойдя к атомному синтезатору, которому была адресована команда, поднимаю и накидываю на плечи провалявшийся всё это время на полу халат.

– Нет, не надо, – передумываю я. – Убери каталог. Любая яичница и любой кофе.

«СТОИМОСТЬ: 4 РЕМО».

Сообщение загорается под описанием заказа, который синтезатор сделал за меня сам методом случайной выборки из сотен – или даже тысяч? – вариантов яичниц и кофе, содержащихся в его каталоге. Начинает настойчиво мигать оранжевый диск справа, и дисплей, как обычно, поясняет: «ОПЛАТИТЬ».

Я прикасаюсь к диску правой рукой.

«ПОДТВЕРДИТЬ ОПЛАТУ».

После повторного прикосновения дверца синтезатора любезно открывается – и я забираю оттуда яичницу-глазунью по-румынски и латте макиато. По крайней мере, так

следует из описания на дисплее. А не верить ему у меня вообще-то нет никаких оснований.

«Не закливайся на деньгах, Ингви». Кажется, так она сказала...

А кто закливается?! Если бы я действительно закливался, то неужели только что выкинул бы половину ремо – или что-то около того – на этот поднос, эту тарелку, на этот бокал, нож, вилку и даже на ложку с соломинкой для кофе?

Черта с два!

Хорошенько покопавшись в настройках, я бы непременно заставил синтезатор засунуть еду и напиток во что-нибудь, что сам бы предварительно туда поставил!

Согласен – половина ремо не стоит такой возни...

Но потратиться на андроид – совсем другое дело. Это же шестьдесят ремо! Немыслимый удар по нашему с Мирославой семейному бюджету! Даже на службе, согласно инструкциям, я могу без специального разрешения воспользоваться только двумя андроидами в течение одной смены. При реальной на то необходимости. Например, если происходит ограбление и мое моментальное появление там через уличный синтезатор, расположенный где-нибудь неподалеку, упростит дальнейшую работу и нам, и суду. Но для использования третьего андроида за день, что бы там ни происходило – хоть групповое изнасилование, – инструкции требуют связаться с шефом, обосновать необходимость и получить его формальную санкцию.

Государство, в отличие от Мирославы, умеет заботиться о своем бюджете.

– Первый новостной канал, – произношу я, ставя поднос с завтраком на круглый столик возле окна.

Точнее, возле абсолютно прозрачной внешней стены. Кажется, что стоит сделать шаг – и я полечу камнем в бездну с

нашего сто сорокового этажа. С счастьем, проектировщики не забыли предусмотреть в этом удивительном материале еще одно свойство. Те, кто глядят сейчас в мою сторону, завтракая в точно таком же небоскребе напротив, видят перед собой лишь отражение неба и солнца. Равно как и я могу различить повсюду на фоне неба лишь нечеткие контуры вознесшихся на километр над землей зеркал.

Одна из стен нашей комнаты превращается в экран. Сев лицом к нему, я беру в руки нож и вилку и принимаюсь за яичницу.

– Согласно последним опросам, – возбужденно рассказывает репортер, смотря на меня со стены, – за повторным запуском «Архивариуса» сегодня в прямом эфире собираются наблюдать почти две трети населения планеты! По словам специалистов, для стороннего наблюдателя всё будет выглядеть следующим образом. Аппарат, приблизившись к границе нашей Галактики...

– Любой спортивный канал, – обрываю я.

Как же они задолбали. Весь последний год только и разговоров, что об этом повторном запуске «Архивариуса».

И кстати, как она успеет вернуться из Рима к десяти? Американцы назначили старт на полдень по своему времени – в Москве уже будет восемь вечера. А Мирославе придется проторчать в обсерватории Общеввропейского Института Физики, если память мне не изменяет, по меньшей мере час. «В этот исторический момент», как она выражается. Надеется что ли успеть на прямой авиарейс?

Разделавшись с румынской глазунью и допив кофе под репортаж о 230-х Летних Олимпийских Играх – проходящих на этой неделе одновременно в двадцати городах планеты, – я закидываю грязную посуду в синтезатор, где ее немедлен-

но постигает та же печальная участь, что и андроид Мирославы.

Из компактной платяной тумбы, после нехитрого набора команд, появляется моя одежда... Быстро облачившись в безупречно чистые и словно только что отутюженные джинсы и футболку, я завязываю шнурки на кроссовках.

Неужели и правда минуту назад всё это хранилось там внутри в спрессованном виде?

В прихожей, уже открыв дверь, я кое-что вспоминаю:

– Сложи постельное белье и стань диваном!

Отсюда мне не видно, но нет сомнений, что кровать услышала команду и, как обычно, бесшумно ее выполняет.

Взгляд на часы...

Боже мой! Шеф меня убьет. Я должен быть на работе уже через десять минут!

Заперев дверь молниеносным прикосновением правой руки, я бегу по коридору к лифту. Выбежав из подъезда, несусь сломя голову к остановке общественного транспорта.

А ведь если бы Мирослава не синтезировала себе каждое утро шмотки, выбирая в меню атомного синтезатора новинки из модных каталогов, мы бы уже давно обзавелись персональным автомобилем...

Подходит автобус – и я беднею еще на три ремо, прикладывая всё ту же руку к оранжевому диску на турникете. Машина на магнитной подушке мягко трогается по команде искусственного интеллекта, пока я, запыхавшийся, еще бреду по салону в поисках свободного места.

Все пассажиры, будто сговорившись, держат правую руку на небольшом расстоянии от своего лица. На экранах – словно сотканых в воздухе пучком света, исходящим из центра ладоней, – все они, конечно же, смотрят сейчас ново-

сти, либо разглядывают обновления на страничках друзей в Сети.

Я плюхаюсь на свободное место.

Да, «имплант» – определенно одно из наиболее удобных здешних изобретений. Имплантированный в ладонь микрокомпьютер, давно заменивший собой и ключи, и кошельки, и паспорта, и телефоны...

Девушка, сидящая рядом со мной, всё никак не может налюбоваться исходящей из ее импланта фотографией ночной Москвы. Снимок сделан, судя по всему, этой ночью – с крутых скал, возвышающихся у южной границы города. На фотографии отлично виден весь Южный квартал. В зеркальных поверхностях небоскребов отражаются бесчисленные звезды и все три Луны...

Я пулей вылетаю из автобуса возле сквера, посреди которого, подобно навозному жуку на лужайке, расположилось невысокое круглое здание ярко-синего цвета. «ПОЛИЦИЯ. ЗАПАДНЫЙ КВАРТАЛ МОСКВЫ. ФЕДЕРАЦИЯ РЕМОТУС», – красуются золотистые буквы над его главным входом.

Нет, ну разве не чудаковатая это была идея? Дать здесь чуть ли не всему подряд земные названия: Москва, Рим, Европа, Америка... Даже естественные спутники Ремотуса они додумались назвать «Луна-1», «Луна-2» и «Луна-3»!

Дверь служебного входа, ощутив прикосновение руки с имплантом, принимается устанавливать мою личность и, удовлетворившись результатом, открывается.

9:00. Надо же. Я умудрился не опоздать.

– Доброе утро, Ингви! – Шеф крепко жмет мне руку. И едва я успеваю вставить «доброе утро», переходит к делу: – Поступил вызов о возможной смерти по неосторожности. Ты с Денисом съездишь проверить.

– Опять кто-то подавился косточкой от черешни?

Я говорю это, уже идя по залу дежурной части к платяной тумбе, которая стоит в небольшом закутке, отгороженном непрозрачной перегородкой.

– Не думаю, – звучит мне в спину бархатистый бас шефа. – Потерпевший находится у себя в квартире, лежит на кровати, накрывшись с головой одеялом, не двигается и не реагирует на попытки связаться с ним по импланту.

– Откуда такие подробности? – интересуюсь я из-за перегородки.

– К нам обратилась его сожительница. Она не может попасть в квартиру – но там установлены их private домашние видеокамеры, так что она всё видит.

Действительно, подавившись чем-нибудь, человек вряд ли ляжет на кровать и укроется одеялом. В том случае с черешневой косточкой, который имел место на прошлой неделе, мужчина был найден лежащим на полу в прихожей.

– Ясно. – Я стягиваю с себя футболку и джинсы и вешаю их на плечики в шкафчике, куда уже забросил расшнурованные кроссовки. – А почему сожительница не может попасть в квартиру?

– Сообщила, что несколько дней ее не было в Москве, только что вернулась, и за эти дни потерпевший поменял замок на входной двери на более новую модель. Он ее заранее предупредил об этом. И они как раз договаривались встретиться сегодня утром – прежде, чем он уйдет на работу, – чтобы внести ее данные в новый замок.

Я появляюсь из-за перегородки в извлеченной из платяной тумбы полицейской форме такого же точно ядовитого цвета, что и здание полицейского участка.

– Это вон там, – добавляет шеф, направляя лазерную указку на один из мигающих огоньков на карте Москвы.

Экран на противоположной стене дежурной части, как всегда, показывает круг, разделенный двумя линиями, проведенными по диагонали крест-накрест, на четыре равные доли. Вся западная четверть – наш административный квартал – пестрит множеством красок, резко контрастируя с бледными тонами остальных трех четвертей. (Они лежат вне нашей юрисдикции и, соответственно, не должны отвлекать на себя много внимания).

В самом центре Западного квартала синим огоньком обозначен наш участок. Один-единственный на четверть многомиллионной Москвы.

Город-круг. Кажется, еще древние греки считали эту фигуру совершенной? Какая-то нечеловеческая тяга к правильным формам и линиям, свойственная здешним архитекторам, привела даже к тому, что каждый мегаполис планеты возвышается своими зеркальными небоскребами на идеально плоской поверхности. Какой бы горный ландшафт ни был вокруг. Помнится, Денис рассказывал, что площадки под будущие города выравнивались лазерами еще до того, как приступили к созданию биосферы Ремотуса.

– Авторизация успешно пройдена, – бодро сообщает устройство, заведующее оружием и полицейскими жетонами, как только я прикасаюсь к нему правой рукой. – Поместите вашу левую руку в центральное отверстие.

Послушно последовав указанию, я вскоре вынимаю ее обратно – и вся поверхность левой ладони уже представляет из себя светящийся голубым светом полицейский жетон. Одновременно из бокового отверстия устройства появляется рукоятка парализующего пистолета.

Засунув его в предназначенный для оружия карман на брюках, спешу к парковке.

– С Днем рождения, дружище! – Денис крепко жмет мне руку, оставляя на ней следы кетчупа с горчицей.

Облокотившись всем своим телом, весящим не меньше ста килограммов, на капот, напарник с аппетитом дожевывал гамбургер.

– Привет! Спасибо.

– Ну что, уже придумал, где будем отмечать?

– Мирослава хотела в каком-нибудь из городских парков... – Я подношу жетон к двери автомобиля. – Она эту идею еще полгода назад высказала. Как только прогноз погоды на сегодня был опубликован.

– А давай в том парке, что рядом с вашим домом? – Денис открывает дверцу с другой стороны. – Я там видел ресторан натуральной кухни. «Усталый суслик» называется. Их сеть варит отличное пиво и продает его во всех своих точках. Образцы они даже запретили использовать для каталогов атомных синтезаторов, представляешь?

Мы оба усаживаемся на передних креслах, и Денис усмехается:

– Впрочем, и правильно сделали. Ты мое мнение насчет всей этой синтезированной дряни знаешь.

Ничто не имеет в жизни такого значения для Дениса, как еда. На его вкус всегда можно положиться.

– Да, давай в том ресторане, – соглашаюсь я.

Правда, если мне прямо сейчас подадут яичницу-глазунью по-румынски и латте макиато, приготовленные традиционным способом, то что-то сильно сомневаюсь, что мой язык почувствует хотя бы малейшее отличие от той «синтезированной дряни», которую я ел на завтрак.

Едва услышав команду «ехать», автомобиль на магнитной подушке – управляемый, как и весь здешний транспорт, искусственным интеллектом – немедленно набирает свою

обычную головокружительную скорость. Адрес потерпевшего был перенаправлен в его навигационный мозг из дежурной части, еще когда шеф посветил на карту указкой.

Денис уставился на экран, возникший в воздухе из его жетона, и просматривает информацию, которую я уже и так слышал от шефа.

– Странно всё это, – говорю я, когда экран скрывается обратно в жетоне.

– Что странно?

– Что он лежит на кровати под одеялом. Не мог же он просто взять и умереть во сне?

Вопрос, конечно же, риторический. Когда люди стареют и болеют, смерть во сне не является чем-то необыкновенным – это понятно...

Но что может случиться со спящим человеком, который здоров на все сто процентов?

Ведь даже если он уже не одну сотню раз встретил здесь свой День рождения, выглядит-то он всё равно как восемнадцатилетний. И тело его физиологически как у восемнадцатилетнего.

Здесь у всех так...

– Может, отравился? – высказывает Денис, очевидно, первую пришедшую ему в голову мысль. – Съел или выпил что-нибудь не то и пошел в постель. Ну, смерть и наступила в момент сна.

– Ага, – иронизирую я. – Вместо пива заказал в синтезаторе средство для очистки окон, выпил и не заметил.

– А у тебя есть более правдоподобное предположение?

– Начнем с того, – говорю я, – что еще не известно, является ли это смертью по неосторожности... Впрочем, зачем гадать? Скоро сами всё увидим!

Денис смотрит на меня как на ненормального.

Ну, если учесть, что последнее умышленное убийство в Москве произошло уже черт знает сколько лет назад...

Да, согласен – мое предположение выглядит даже поэзотичней, чем его.

– Войти в систему мониторинга, – обращается Денис к бортовому компьютеру, после чего называет адрес потерпевшего. – Показать окно крупным планом.

На дисплее появляется ничем не примечательный фрагмент зеркальной стены небоскреба, и напарник торжествующе обращается уже ко мне:

– Видишь? Окно цело. А дверь, как сообщила сожительница, заперта. Как мог убийца запереть ее, уходя? Для этого покойник должен был прикоснулся своей рукой с имплантом к замку снаружи.

Я пожимаю плечами:

– Может, никто и не открывал убийце дверь?

– Как это?

– Ну, жертва могла впустить в квартиру андроид, из своего атомного синтезатора.

– Кого-то из своих знакомых? Ну у тебя и фантазия, Ингви! Может, еще скажешь, что эта самая сожительница его и замочила?

– Но дверь же он, по-твоему, сам открыл кому-то посреди ночи? – возражаю я. – Почему бы и андроида не впустить?

Денис задумывается.

– А может, и не андроид... – продолжаю я. – Может, это вообще какой-нибудь псих, который после убийства так и остался в квартире? Сидит сейчас где-нибудь в ванной.

– Готов поспорить, что и ванную она прекрасно видит. По-твоему, зачем люди камеры у себя в квартире устанавливают?

– Не знаю... – Вопрос застал меня врасплох. – У нас с Мирославой их нет.

– Счастливый ты человек. А вот моя бывшая была такой ревнивой стервой... Чуть ли не силой заставила меня пойти на «добровольную активацию» маячка импланта, представляешь? Ну, чтобы всегда видеть, где я нахожусь. А поскольку оставалась возможность, что я приведу кого-нибудь прямо к нам домой, – напичкала всю квартиру этими чертовыми камерами!

Мы проносимся мимо одного из городских парков.

На траве уже расположились любители утреннего загара. Десятки полуобнаженных тел, мужских и женских, демонстрируют свои совершенные формы, являющиеся результатом труда специалистов по эстетической генетике.

– Причем ведь обычно, – захлебывается Денис от возмущения, – все устанавливают такие камеры без записи. Не знаешь же, когда глянет и проверит, правильно? А эта моя бывшая, представь себе, включала опцию записи и не ленилась потом всё-всё-всё прокручивать!

Парадоксально, но Денис со своей тучной и не вполне правильной фигурой пользуется неизменной популярностью у женщин. Идеальные тела, надо полагать, за много веков уже настолько здесь всем приелись, что обычное, не откорректированное генетической наукой тело производит на женщин такой неожиданный эффект. Неудивительно, что самого Дениса его фигура несколько не беспокоит.

– Этой сожительницы несколько дней не было в Москве, так? – не унимается Денис. – Вот она камер там и понатыкала. Можешь быть уверен. Я таких, как она, насквозь вижу.

Две или три узкие полосы света пробегают по газону, деревьям, озеру и дорожкам парка. Основная его часть находится в тени, отбрасываемой плотными рядами небоскребов,

которые из-за их зеркальных стен практически невозможно различить на фоне неба. Загорающие подыскали себе место в промежутках между тенями. Но через пару часов, когда солнце будет в зените, уже весь парк окажется залитым его ослепительным светом.

Словно наяву я вдруг вижу перед собой залитый солнцем луг, на котором лениво щиплют траву наши овцы. Вижу родительский хутор и водяную мельницу – внушительное свидетельство технического прогресса... ведь еще дед моего деда вращал жернова вручную. Я отчетливо ощущаю запах только что скошенной травы и слышу, как откуда-то доносится пастушеская свирель...

Вспомнил!

Вспомнил, что я непроизвольно насвистывал, принимая сегодня душ! Пару раз на соседском хуторе я слышал, как эту мелодию исполняли на скрипке... вернее, не на скрипке, а как же эта более примитивная штукавина называлась? Как-то на г...

– Приехали, – голос напарника возвращает меня к реальности.

Автомобиль уже выбрал себе место на парковке. От ближайшего подъезда к нам бежит высокая девушка с обесцвеченными волосами, смотрящимися из-за химической завивки точь-в-точь словно стог сена.

– Добрый день. – Я поднимаю левую руку со светящимся жетоном, как того требует инструкция, и Денис делает то же самое. – Скажите, эээ... Красимира, – подсматриваю я в жетоне ее имя, – в поле зрения ваших домашних видеокамер попадает вся квартира?

– Да, конечно.

– И никого постороннего там нет?

– Постороннего? – удивляется она. – В квартире только Радислав, мой гражданский муж. И он почему-то не... А почему вы спрашиваете?

– Да так. На всякий случай.

Денис бросает на меня взгляд, полный сарказма.

Проследовав за Красимирой в подъезд, мы поднимаемся в лифте и, быстро пройдя по коридору, оказываемся у нужной двери. Ощувив прикосновение жетона с только что поступившим на него ордером, дверная панель послушно отъезжает в сторону, целиком скрываясь в стене.

Я захожу первым.

Типовая однокомнатная квартира. Такая же точно, как у нас с Мирославой.

– Радислав! – громко говорю я, сам не знаю зачем, еще из прихожей.

Тишина.

Как и следовало ожидать.

– Не прикасайтесь ни к чему, пожалуйста! – Я успеваю помешать Красимире поднять скомканную черную ткань (ее чулок?), валяющуюся на полу у самой двери. – И подождите здесь в прихожей вместе с моим напарником. Да, и еще... Я попросил бы вас не смотреть сейчас, что показывают домашние камеры.

Убедившись, что экран скрылся в ее руке, я захожу в комнату и направляюсь к кровати. Взяв одеяло за край возле изголовья, осторожно отгибаю его.

Так я и думал...

Лежащее на спине бездыханное мужское тело устало в потолок застывшим взглядом. Рот широко открыт, и всё лицо искажено гримасой, которая красноречивее любых слов говорит о том, насколько небезболезненной была

смерть. Однако каких-либо видимых признаков насилия на теле нет. За исключением, пожалуй, одного...

Правая кисть руки отсутствует.

Место ее отчленения покрыто густым слоем хорошо свернувшейся крови.

ГЛАВА 2

– Всем немедленно выйти в коридор, – командую я, вернувшись в прихожую и постаравшись придать своему голосу максимально официальные нотки.

Красимира и Денис, явно не ожидав такого поворота, беспрекословно подчиняются.

Прикрыв дверь снаружи, я всё тем же тоном спрашиваю сожительницу покойного:

– Когда вы последний раз говорили с Радиславом?

– Около десяти вечера. После этого я легла спать, а когда проснулась и посмотрела... Вы наконец скажете, что с ним?

– У домашних видеокамер включена запись? – отвечаю я вопросом на вопрос, хотя это обычно не в моих правилах.

– Я... я не знаю. Радислав установил их буквально перед моим отъездом. Это была его идея.

Кажется, Денис не может поверить своим ушам.

– Вызывай криминалиста, знаток женщин, – говорю я ему, не в силах больше сохранять начальственный тон. – И проследи, чтобы никто не заходил в квартиру до его прибытия!

Денис кивает, поняв всё без лишних вопросов.

Уже у лифта я кричу ему:

– Еще раздобудь судебную санкцию на активацию маячка... имплант похищен. И заодно – санкцию на домашние камеры.

Вдруг они записывают? Впрочем, если и не записывают, большой роли это не сыграет. Мы с Денисом оба прекрасно понимаем, что я установлю личность убийцы и увижу его физиономию на дисплее нашего бортового компьютера уже через считанные минуты.

И как только до некоторых не доходит, что систему мониторинга не обмануть? Какие только трюки люди не выделывают! Интересно даже, что придумал этот тип. Последний раз то был фокус с переодеванием в «слепой зоне». Кажется, в общественном туалете. Да, тот фанатик именно так заявил в своем чистосердечном признании, пока я отвозил его в участок...

Помнится, на стене жилого небоскреба, выходящей на Центральную городскую площадь, на высоте более ста метров – по веревке спустившись из окна в спортивной куртке, капюшон которой скрывал почти всё лицо, – он выполнил баллончиком ту кривую, но поистине внушительного размера надпись: «АРХИВАРИУС – ЧАДО САТАНЫ!» Затем, поднявшись по веревке обратно и покинув здание через подъезд, напрямик направился в расположенный поблизости общественный туалет.

Он, конечно же, знал, что территории такого рода в соответствии с «Актом о частной жизни» не оборудованы средствами наблюдения.

Всех воскрешенных информируют об этом в первый же день – тогда же, когда предупреждают, что абсолютно каждый метр публичного пространства городов планеты находится под зорким и неусыпным наблюдением компьютерной системы.

А воскрешен он был на Ремотусе всего за неделю до этого инцидента...

И, по собственным его словам, проторчал он там в одной из кабинок около десяти минут, умудрившись за это время каким-то образом спустить в унитаз куртку, спортивные брюки, кроссовки и даже прихваченную с собой с места преступления трехметровую веревку. Выйдя из уборной в одних лишь шортах, вандал преспокойно направился босиком к себе домой... где я его и задержал в течение часа.

Ну как можно быть настолько тупым, чтобы не догадаться, что программа автоматического поиска сверяет количество всех зашедших и вышедших из таких «слепых зон» и сопоставляет их параметры? Методом исключения компьютер за какую-то долю секунды установил, что именно данный объект, появившийся в пляжном виде на выходе из здания общественного туалета, является тем, кто десятью минутами ранее заходил туда в спортивном костюме. С таким же успехом можно было вычислить его по «слепой зоне», где он надевал его.

Готов поспорить на миллион ремо, что сегодняшний убийца, совершивший преступление в частной квартире – то есть намеренно выбрав «слепую зону»! – тоже из тех, кого Судьба совсем недавно забросила сюда на Ремотус. Ибо прожив здесь хотя бы месяц, человек на такую тупость просто не способен.

– Войти в систему мониторинга, – говорю я, устраиваясь поудобней на сидении автомобиля. Сообщив бортовому компьютеру адрес Радислава, приказываю показать в ускоренном режиме входную дверь, начиная с десяти ноль ноль минувшего вечера.

На дисплее появляется уже хорошо знакомая мне дверная панель. Цифры в левом верхнем углу лихорадочно сме-

няют друг друга. К 00:00 перед дверью по-прежнему ничего не происходит. 00:30... 00:45... Я зеваю и потягиваюсь. 00:59... Внезапно запись перескакивает целый час и продолжается как ни в чем не бывало: 02:00... 02:15...

Что это было?!

– Стоп, – обрываю я. – Повторить с часа ноль ноль.

Отсчет вновь начинается с 02:00.

Какого черта? Такого еще ни разу не случилось.

Дурное предчувствие говорит мне, что самое интересное наверняка произошло в загадочно исчезнувший час. Однако я всё же решаю посмотреть запись дальше. И только зря трачу свое время. Перед дверью не происходит решительно ничего – до тех пор, пока без четверти девять там не появляется Красимира, безуспешно пытающаяся справиться с замком. А затем уже мы втроем.

– Филипп, доброе утро! – здороваюсь я с нашим компьютерным гением.

С экрана, возникшего из моего жетона, на меня смотрит худощавое лицо с орлиным носом. Значительную часть лица скрывает густая борода и длинные волосы. Они частенько бывают у него не особо расчесанными, но таким взъерошенным, как сейчас, я вижу его, пожалуй, впервые.

– Привет, Ингви, – рассеянно отвечает Филипп, покусывая губы. Такой привычки я за ним раньше тоже не замечал.

Похоже, про поздравления по случаю Дня рождения он забыл.

– Извини, что отвлекаю, – говорю я. – У меня тут бортовой компьютер глючит. Когда подключаюсь к мониторингу и хочу...

– Если бы твой компьютер! – не дослушивает он.

– В смысле?

Филипп нервно усмехается, после чего производит глубокий вдох, делает выдох и медленно, тщательно подбирая слова, произносит:

– Данные о том, что этой ночью с часа до двух происходило во всём Западном квартале Москвы, стерты.

– Стерты? Что значит «стерты»?! Кем стерты? Как это случилось?

– Пока сам не знаю, – выдавливая из себя Филипп. – Но похоже, что их не восстановить. Так что... если вдруг в это время в квартале произошло что-нибудь серьезное – у нас, похоже, будут проблемы.

«Вдруг». «Что-нибудь серьезное». Когда вообще на Ремонтусе последний раз происходило что-либо подобное?

Я спешу поделиться с Филиппом тем, что только что видел собственными глазами.

– Да уж, – мрачно произносит он себе под нос, – это определенно посерьезней, чем испорченное стекло.

Заметив мой вопросительный взгляд, Филипп быстро поясняет:

– Сегодня утром некая горожанка обнаружила, что стекло дверцы ее личного автомобиля разъедено кислотой. Офицер, которому шеф поручил это пустяковое дело, стал просматривать ночные записи и увидел, что с часа до двух данные отсутствуют. Он, как и ты, решил, что вышла из строя его техника, и обратился ко мне. Ну, я вошел в систему со своего компьютера – результат оказался тем же. И вот, буквально пять минут назад я установил, что данные за этот промежуток отсутствуют для всего нашего квартала.

– А мониторинг вообще работал?

– Ночной дежурный говорит, что поглядывал, как обычно, и ничего странного с изображением не было. Ой, прости... – Филипп смотрит куда-то в сторону. – Шеф опять

идет. Будет сейчас снова над душой стоять, будто это ускорит дело. Всё, давай, до связи!

Когда Филипп исчезает с экрана моего жетона, я замечаю сообщение от Дениса. Судебные санкции получены. Значит, шеф уже в курсе. Судебное решение автоматически перенаправляется главе полицейского участка. Понятно, почему он идет поторапливать Филиппа. Но он еще не знает, что убийство было совершено именно в этот промежуток времени...

Ладно, предоставляю шефу подробный отчет, как только соберу побольше информации. Покуда он висит над душой у Филиппа, а не у меня, можно хоть что-то успеть выяснить.

– Активировать маячок в похищенном импланте, – командую я, приложив к бортовому компьютеру жетон с только что полученными санкциями.

Несколько мгновений система проверяет правомочность запроса – перед тем, как включит встроенный в имплант Радислава маячок, что позволит немедленно определить его местонахождение. В какой бы точке планеты он сейчас ни находился.

Наконец на дисплее появляется карта, а на ней загорается отметка... Бог ты мой, это же буквально возле меня! Метрах в трех от автомобиля. Справа.

Я изумленно смотрю туда, но вижу только мусорный контейнер, стоящий у края парковки.

Натянув белые резиновые перчатки, лежавшие под сидением, и прихватив с собой пакет для вещественных доказательств, бегу к контейнеру.

Приходится изрядно покопаться во всевозможных объедках, прежде чем я нахожу то, что искал. Прохожие и так уже с интересом поглядывают на меня, поэтому я спешу засунуть зловещий вещдок в непрозрачный пакет.

Ну и в чем был смысл отрезать Радиславу руку с имплантом? Чтобы, уходя, запереть за собой дверь? Это лишь немного оттянуло обнаружение трупа. Может быть, чтобы воспользоваться его финансовыми сбережениями?

У другого края парковки я уже давно заметил атомный синтезатор – последнюю модель, но практически ничем не отличающуюся от той, что исправно служит нам с Мирославой дома. Подойдя к нему и воровато оглядевшись по сторонам, достаю вещдок из пакета.

Надеюсь, шеф про эту самодеятельность не узнает.

– Любые солнцезащитные очки, – называю я первую недорогую вещь, которая приходит мне в голову.

«СТОИМОСТЬ: 1,03 РЕМО», – сообщает синтезатор, после чего, как всегда, начинает мигать оранжевый диск справа от дисплея. «ОПЛАТИТЬ». Я прикладываю туда руку Радислава – в полной уверенности, что увижу сейчас сообщение про нехватку средств на счете. Однако вместо этого на дисплее появляется самая обычная завершающая команда: «ПОДТВЕРДИТЬ ОПЛАТУ».

– Отменить заказ, – разочарованно вздыхаю я, но не сдаюсь: – Любые солнцезащитные очки. Тысяча экземпляров!

И на этот раз средств на счете достаточно.

Отменив заказ, прячу руку обратно в пакет. Похоже, убийцу совершенно не интересовали деньги Радислава.

Может, имплант был нужен ему как идентификатор личности?

Как же жаль, что Парламентская комиссия по охране частной жизни запретила постоянную принудительную активацию маячков с записыванием маршрутов. Да мало ли, где эта рука могла побывать с часу до двух? Могла быть подброшена обратно к дому, чтобы мы подумали, будто это

лишь способ запереть за собой дверь. А интересоваться убийцу могло что-то, к чему Радислав имел служебный доступ.

Где он вообще работал? Если в лавке антиквариата или, скажем, в музее, то проникнув туда ночью, преступник легко мог завладеть каким-нибудь раритетом с Земли, стоящим многие и многие тысячи ремо...

Но только я собираюсь пойти обратно к автомобилю, чтобы пробить по полицейской базе род деятельности Радислава, как у синтезатора распахивается дверца. Из нее появляется девушка с азиатскими чертами лица, облаченная в снежно-белый скафандр и держащая в руке чемоданчик.

Отлично, криминалист прибыл.

– Здравствуйте. Заберите это себе. – Я протягиваю ей пакет. – Находилось вот в этом мусорном контейнере.

Девушка низко кланяется.

А, ну да, у китайцев так принято приветствовать. Боясь показаться невежливым, я тоже не всякий случай кланяюсь. Криминалист делает шаг вперед и забирает у меня пакет, широко улыбаясь и кланяясь еще раз.

Как мне когда-то долго пытались растолковать, убийства на Ремотусе стали до того редким происшествием, что иметь собственных криминалистов не только в каждом городе, но даже в каждом Штате Федерации было признано нерациональным. Пускай даже это такой огромный Штат как Россия. Кажется, уже последние лет сто департамент криминалистики функционирует у китайцев?

– Благодарю вас, – отвечает девушка, заглянув внутрь пакета. Судя по невозмутимому голосу, она в криминалистике не первый день. – Вы любезно сделали за меня часть работы.

Говоря на общем языке Ремотуса, она производит очень забавные интонации. Как будто бы поет. Скорее всего, это

влияние ее родного китайского. Мой общепланетарный, наверно, тоже кажется ей специфическим?

Черт, а всё-таки как же назывался тот музыкальный инструмент, напоминающий скрипку? Слово начиналось вроде бы на g... Или на d..?

Еще немного, и я совсем забуду здесь родную речь!

– Позвольте проводить вас к месту преступления, – предлагаю я.

Она кивает, и мы молча направляемся к подъезду. И только тут меня посещает мысль, что я так и не выяснил, чем же занимался убитый...

Ладно, спрошу у Красимиры, вряд ли она может этого не знать.

Стоя у входной двери в квартиру и не замечая нашего приближения, Красимира, трясая своей обесцвеченной шевелюрой, хохочет над какой-то шуткой, которую только что отпустил Денис. При этом она не сводит глаз со своего экрана, на котором, безусловно, прекрасно видно мертвое тело Радислава.

Нда... В былые времена такое поведение сожительницы убитого не могло не вызвать у стражей порядка определенных подозрений. А психологов, как рассказывал Денис, непременно наводило на мысль о нервной защитной реакции организма. Но только не теперь. Теперь... когда уже давным-давно изобретен «Архивариус» и когда в каждом городе планеты функционирует Архив-Служба, круглосуточная и безотказная... разве не более странной выглядела бы Красимира, обливающаяся слезами?

Не тратя времени на представление им китайки, я открываю дверь и жестом приглашаю ее внутрь.

– Там работают приватные видеокамеры, – говорю я, прежде чем она, как это заведено у криминалистов, оставит

нас троих дожидаться результатов снаружи. – Посмотрите, пожалуйста, записи с часа до двух ночи.

На экране, исходящем из руки Красимиры, нам всем троим хорошо видно, как китаянка, прикрыв за собой дверь, ставит свой чемоданчик на пол в прихожей и раскрывает его. Оттуда один за другим выкатываются маленькие роботы, напоминающие пауков с приделанными к кончикам лапок колесиками, и проворно разбредаются по квартире, сканируя всё на своем пути.

Китаянка тем временем методично обнаруживает одну за другой каждую из микроскопических видеокамер, спрятанных в стенах, и внимательно ее разглядывает. Но всякий раз отрицательно мотает головой, после чего отключает ее. Пока изображение на экране не исчезает совсем.

Увы, камеры не записывали. А Красимире действительно незачем подсматривать за криминалистическими процедурами.

– Где работал ваш гражданский муж? – спрашиваю я, осознав, что надежда на быстрое раскрытие преступления только что растаяла.

– Техником на энергостанции, – весело отвечает Красимира, всё еще улыбаясь после той шутки Дениса. – На нашей, Западного квартала.

Интересно, может ли кому-то прийти в голову украсть что-нибудь на энергостанции...

– А кем оказался убийца? – нарушает ход моих мыслей Денис. – И кстати, где он сейчас?

Ну что ж. Самое время поделиться с коллегами проблемой.

– Подождите нас, пожалуйста, здесь, – говорю я Красимире и, повернувшись к Денису, таинственно поясняю: – У меня есть кое-какая оперативная информация.

Мы оба заходим в прихожую и плотно закрываем за собой дверь.

Когда Денис и китаянка узнают от меня о том, что произошло, в квартире на секунду-другую воцаряется тишина, нарушаемая лишь еле-слышным потрескиванием пауков-сканеров.

– Срань Господня! – Денис хватается за голову.

– Не богохульствуй, – говорю я. – Ты же знаешь, что мне это неприятно.

– Не переживайте, – успокаивает нас китаянка, – никакой катастрофы не произошло. Раз вы не можете вычислить убийцу по системе мониторинга, мы вычислим его по геному. – Она делает паузу, словно ожидая, что кто-то из нас сейчас спросит, что это такое. Но мы молчим с умным видом, и она продолжает: – На основе собранной здесь роботами биоинформации можно будет расшифровать его геном и произвести реконструкцию внешности. Правда, есть одна проблема...

– Какая проблема?! – одновременно вырывается у нас с Денисом.

– Боюсь, что на это уйдет около шести часов.

– Шесть часов? – не понимаю я. – Как такое может быть? Разве эта процедура не занимает от силы десять минут?

– Вы правы. Но перед самым моим отбытием сюда... когда я уже заказала себе андроида и собиралась надевать нейрошлем... с нашими компьютерами произошел странный сбой. Я впервые с таким сталкиваюсь. Всё вскоре заработало снова, но оказались повреждены несколько программ – и среди них как раз та, которая производит реконструкцию по геному.

– Ну так связались бы с Резервным фондом, – резонно замечает Денис, – и получили бы копию программы.

– Вы забываете, что у них сейчас глубокая ночь. Да, когда через шесть часов начнется их рабочий день, мы непременно так и сделаем.

Сказав это, китаянка нагибается и поднимает с пола ту скомканную черную ткань, которую я не позволил поднять Красимире.

– Впрочем, кое-что о внешности убийцы, – продолжает она, разворачивая ткань, – я вам могу рассказать уже сейчас.

Перед нами возникает черная шапочка-маска с прорезями для глаз.

У меня непроизвольно вырывается громкий смешок. Возможно ли, чтобы убийца обронил ее? Осуществить тщательно спланированное преступление, каким-то неведомым образом стерев записи в системе наблюдения целого квартала... и вдобавок лишив криминалистов программы по геномной реконструкции... но при этом обронить маску на месте преступления!

Похоже на откровенную издевку. Или, может быть, он подбросил ткань с чужим биоматериалом, рассчитывая повести нас по ложному следу?

– Роботы просканировали маску, – китаянка словно прочитала мои мысли, – и мобильная лаборатория в этом чемоданчике уже сопоставила данные с другим биоматериалом, обнаруженным в квартире. Маска безусловно была на человеке, приходившим ночью к жертве. И взгляните... – Она держит пинцетом волос. – Это из его усов. Длинные пышные усы, их концы он закручивает кверху.

– А что насчет прически? – интересуется Денис.

– Бреется налысо. Согласно имеющимся данным, это тоже можно утверждать с полной уверенностью.

Китаянка возвращается к работе. Сначала она сканирует нас с Денисом, чтобы биоматериал, которым мы успели на-

следить тут, не попал в перечень улик. Затем отправляется к телу, оставляя нас в прихожей одних.

– Чисто теоретически, – шепчет Денис мне на ухо, – можно взглянуть на эту усато-лысую физиономию еще до обеда.

– Как это?

– Ну, если кто-нибудь из жильцов подъезда случайно наткнулся на него в лифте или коридоре, то у такого свидетеля, – Денис подносит пухлый палец к своему виску и постукивает по нему, – можно прямо у нас в участке, в лаборатории, достать из мозга зрительный образ.

Как же я сразу не сообразил!

Всё верно. Разумеется, из-за стертых файлов система мониторинга не сможет указать на жильцов, которые с часа до двух зашли к себе домой и снова куда-то убежали... либо вышли из квартиры и успели вернуться... Однако она элементарно вычислит каждого, кто в этот промежуток пришел к себе домой и так и остался там до утра, либо вышел из квартиры, а вернулся уже после двух! Элементарно сопоставив их местонахождение до стертого периода и после! Останется только связаться с такими жильцами по их имплантам и поинтересоваться, не встречался ли им данный тип.

А что-либо иное спрашивать у жильцов, пожалуй, просто глупо. С такой звукоизоляцией, как в здешних домах, даже соседи Радислава не могли ничего слышать. Ни разговоров, ни криков. Ровным счетом ничего.

– Правда, что-то я сомневаюсь, – добавляет Денис, – что свидетель, если таковой обнаружится, согласится всё бросить и...

Он замолкает, так как в прихожей снова появляется китаянка.

– Смерть наступила в час двадцать в результате остановки сердца, – сообщает она профессионально бесстрастным голосом. – Перед этим Радислава привязали к стулу и пытались. Электрическими разрядами, не оставляющими заметных следов. Кисть руки была отрезана, когда он еще был жив, при помощи бытового лазера. Кровотечение моментально остановлено обычным средством, которое применяется в медицине.

Все роботы-пауки закатываются обратно в чемоданчик, и китаянка закрывает его.

– Я закончила. Можете вызывать Архив-Службу. Руку с имплантом я им оставила на кровати, возле тела.

– Денис, свяжись с ними, – команду я, открывая дверь и пропуская даму вперед. – И пока они едут, порасспрашивай Красимиру, не пропало ли что-нибудь из квартиры. Пускай походит и посмотрит внимательно, окей? А я попробую найти свидетеля.

Мы с китаянкой спускаемся на лифте и прощаемся возле парковки.

Когда она исчезает в атомном синтезаторе, я вновь усаживаюсь за бортовой компьютер. Спустя пару секунд он немало удивляет меня тем, что в загадочный промежуток ночи никто не покидал своих квартир. И всего двое пришли за это время домой – мужчина и женщина с разных этажей.

Два человека на целый подъезд небоскреба?!

Впрочем, я перестаю удивляться, как только вспоминаю, что сегодня утром говорили по спортивному каналу. В программу 230-х Летних Олимпийских Игр вчера впервые была включена «тлачтли» – игра в мяч, широко распространенная у майя, ацтеков и всяких прочих индейцев. Соревнования проходили в Мексике, по нашему времени это было уже но-

чью, и все, кому не надо было утром на работу, смотрели трансляцию либо у себя дома, либо где-то в барах.

Выходит, мне еще повезло, что я нашел даже двух потенциальных свидетелей...

Один из них – женщина – физически присутствует сейчас, согласно вычислениям системы, в своей квартире, расположенной двумя этажами прямо над квартирой Радислава. Однако ее андроид катается на горных лыжах за Полярным кругом.

Мужчина в данный момент телесно находится вне своей квартиры. На городском стадионе он усердно готовится к рыцарскому турниру, который традиционно состоится завтра в рамках Олимпиады.

В ответ на мои многочисленные попытки связаться с ними по имплантам автоответчики каждый раз любезно предлагают оставить сообщение. Гребаный спорт! Сегодня из-за за него одни проблемы. Похоже, мне придется воспользоваться андроидами... Хорошо еще, что на два сеанса не требуется согласований с шефом.

Еще раз крепко выругавшись, я запускаю программу по синтезу моего андроида. Решив начать с лыжницы – ибо каковы шансы оторвать того рыцаря от подготовки к Олимпиаде и немедленно доставить к нам в участок? – я выбираю атомный синтезатор, находящийся ближе всего к горнолыжному спуску, на котором ее андроид катается в данный момент.

Нащупав под сидением нейрошлем, достаю его.

В этот момент из подъезда появляются Денис с Красирирой. Следом за ними, в комбинезонах алого цвета, выходят два парня-близнеца (или это девушки? по лицу и фигуре не понять), осторожно несущие за оба конца огромный чер-

ный мешок. «АРХИВ-СЛУЖБА», – гласят белые буквы на комбинезонах.

Надо же, как оперативно. Я даже не заметил, когда они приехали.

Приостановив программу и положив шлем на сидение, выхожу из автомобиля.

– Я вам еще нужна? – кричит Красимира, обращаясь ко мне.

Денис за ее спиной качает головой, давая мне понять, что уже спросил ее обо всем.

– Нет, благодарю вас за показания, – кричу я в ответ. – Остальное мы узнаем у самого Радислава, как только он будет воскрешен.

Близнецы, не обращая на меня никакого внимания, кладут мешок в припаркованный неподалеку фургон такого же алого цвета, что и их форма, и уносятся прочь.

Помахав мне рукой, Красимира исчезает в подъезде.

– Ты уточнил на всякий случай, когда они завершат воскрешение Радислава? – интересуюсь я у подошедшего Дениса.

– Да всё как всегда: через четыре часа, – отвечает он и вздыхает: – Замечательно, конечно, что наука научилась воскрешать умерших... Вот только нам от этого в данном случае мало толку.

– Ты про маску? – не сразу улавливаю я его мысль.

– Про что ж еще? Если бы убийца не был в маске, мы бы извлекли у ожившего Радислава зрительный образ этого гада! Кстати, как прошел опрос соседей?

Я ввожу напарника в курс дела.

И как только мы снова оказываемся в машине, активирую приостановленную программу. Перед тем, как надеть на голову нейрошлем, я стараюсь полностью расслабиться и

пару минут ни о чем не думать. Так настоятельно рекомендуется в инструкции.

– Gigja! – вырывается у меня непроизвольно.

Ну почему всегда то, что никак не можешь вспомнить, сколько бы усилий для этого ни прикладывал, вспоминается совершенно неожиданно – когда об этом думаешь меньше всего?

Я чувствую на себе взгляд Дениса. Но он, похоже, решает не отвлекать меня расспросами. Краем глаза мне видно, как он, заинтригованный, подносит свою правую ладонь ко рту и повторяет услышанное слово. Через мгновение имплант выдает вслух краткую справку:

– Название струнного смычкового инструмента древних скандинавов.

Всё верно. Именно так мы его и называли.

Я надеваю шлем.

ГЛАВА 3

18-го октября 1016 года тихое местечко Ассандун на юго-востоке Англии превратилось в арену кровопролитного сражения.

Юный конунг Кнуд, возглавлявший войско датских викингов, намеревался любой ценой вырвать у англичан победу. Еще в декабре 1013 года его отец, конунг Свен Вилобородый, – в очередной раз вторгшийся в Англию, но на этот раз, не ограничившись сбором дани, вынудивший позорно бежать оттуда короля Этельреда Нерешительного, – был признан английской знатью и духовенством единственным властителем всей их страны; однако он отошел в мир иной

всего пять недель спустя. Восемнадцатилетний Кнуд, бесстрашно сражавшийся вместе с отцом во время его последней военной кампании, был тут же провозглашен войском викингов новым королем Англии. Сами же англичане имели на этот счет другое мнение. Не желая более мириться с господством иноземцев, они вновь призвали на трон укрывшегося в Нормандии Этельреда... Увидев, что для подавления восстания сил его не хватает, Кнуд поспешил вернуться в Данию, где при содействии старшего брата (после смерти Свена Вилобородого перенявшего, как и полагалось ему по старшинству, бразды правления в родной стране) собрал намного более многочисленное, чем мог похвастать их отец, войско и флот, – и в августе 1015 года снова ступил на английскую землю. И когда в апреле следующего года Этельред, всё это время едва-едва сдерживавший натиск Кнуда, умер от болезни, бремя противостояния неумемным аппетитам викингов легло на плечи его сына-наследника Эдмунда...

В этот самый день и в этом самом месте, 18-го октября 1016 года в Ассандуне, датский конунг рассчитывал взять у Эдмунда реванш за неожиданный разгром, который потерпел от него во время их последней битвы.

– Посмотри-ка туда! – слова Кнуда были обращены к Ингви, сыну Аки, внуку Палнатоки; его личному телохранителю. – Мне привиделось или сам Железнобокий вышел сражаться в первых рядах?

Ингви привстал в стременах и, прищурившись, посмотрел туда, куда указывала увешанная серебряными кольцами рука конунга.

И правда, Эдмунд – который за свое упорство и отвагу, проявленные за эти месяцы в боях с датчанами, уже успел получить в народе прозвище «Железнобокий» – был сейчас

виден спешившимся и орудующим мечом в самом пекле сражения. И в словах Кнуда, как показалось Ингви, вовсе не звучало ноток сарказма. Похоже, он назвал его этим новым прозвищем, искренне восхищаясь таким соперником.

– Полагаю, что это он, – мрачно ответил Ингви, уже догадываясь, чего теперь ожидать от конунга.

– Тогда и мне не престоало более оставаться здесь, – промолвил Кнуд и тут же прищпорил своего коня.

Оба всадника покинули холм, с которого было удобно наблюдать за ходом сражения, и помчались к передовой. Вслед за ними, недоумевая и переглядываясь, поспешили остальные пятеро конных охранников Кнуда.

И когда они были уже на расстоянии брошенного камня от рядов противника, до их ушей донесся громкий возглас. Кто-то кричал с той стороны на английском, однако эти простые слова были бы понятны даже датчанину, прожившему здесь всего пару недель:

– Бегите, англы! Бегите, англы! Эдмунд мертв!

Прокричавшим это был военачальник Эадрик Стреона. Ополченцы из подчинявшейся ему Мерсии храбро сражались – вплоть до этой самой минуты – в рядах английского войска; но теперь были вынуждены выполнять приказ командира. Увидев, что Эадрик со своими людьми покидает поле боя, к бегству один за другим присоединились и остальные.

Ингви взглянул на небо и мысленно поблагодарил Господа. Исход битвы был предрешен. Войско викингов, издавая оглушительный победный рев, бросилось преследовать противника. И кто-то наверняка воздавал сейчас хвалу богу Одину... или, может быть, Тору... живо представляя себе при этом, как валькирии подбирают с поля боя души его павших товарищей и уносят их в Вальхаллу.

Впрочем, вряд ли язычников здесь было много. Крещение Дании было проведено еще Харальдом Синезубым – дедом Кнуда, – и за прошедшие полвека народ с необычайной легкостью перешел в новую веру. Викинги-язычники, на протяжении двух столетий наводившие ужас на весь христианский мир, продолжали привычные свои занятия, вознося хвалу Христу.

– Я хочу видеть тело Железнобокого, – нахмурился Кнуд.

Оставаясь верхом, он вместе с шестью окружавшими его всадниками стал медленно передвигаться среди окровавленных трупов. Ингви, как и подобает личному телохранителю, следовал по правую руку от конунга, один из охранников – слева, а еще по двое – спереди и сзади. У всех шестерых, помимо свисающего с пояса меча, было в руке наготове длинное копье. При помощи него двое движущихся спереди время от времени переворачивали какое-нибудь лежащее вниз лицом тело, чтобы убедиться, что это не Эдмунд.

Внезапно Ингви увидел, как справа от него, буквально из-под самых копыт коня, кто-то стремительно вскочил с земли и замахнулся мечем. И прежде, чем он успел что-либо предпринять, меч английского солдата глубоко вошел ему в ногу ниже колена. Нападавший тут же отбросил оружие в сторону и, подпрыгнув, с невероятной энергией выхватил у Ингви копье. Обежав коня спереди, он оказался прямо напротив Кнуда и уже целился в него острием.

Всё произошло так быстро, что никто из охранников не успел ровным счетом ничего предпринять. Осознав, что жизнь конунга висит на волоске, Ингви, преодолевая боль в ноге, прыгнул на отчаянного английского солдата, даже не успев вынуть из ножен меч, – и повалил его на землю. Тот сумел достать кинжал и пырнул им датчанина в живот; но это не ослабило стальной хватки вокруг его шеи. От следую-

щего удара в живот телохранителя конунга спасло только то, что один из подоспевших наконец охранников проткнул англичанина копьем.

* * *

Тусклый свет проникал внутрь дома через крошечное оконце и падал на кровать, на которой под теплым пледом из овечьей шерсти, находясь в глубоком бреде, ворочался Ингви.

Ранение, полученное им неделю назад в живот, оказалось на удивление не опасным – кинжал вошел не глубоко и, по всей видимости, не задел никаких жизненно важных органов. Совсем иначе обстояли дела с полученным тогда же ранением в ногу. Уже на третий день конечность была поражена гангреной. Полевой хирург немедленно произвел ампутацию парой сантиметров выше колена, и вот уже четыре дня как новых признаков страшной болезни не появлялось. Однако сильный жар всё не унимался, пациент все последние дни практически не выходил из бреда, в связи с чем врачи не питали на его счет никаких иллюзий. Конунгу, пришедшему проведать своего верного телохранителя, оба врача – разрывающиеся между многочисленными ранеными, доставшимися им после сражения в Ассандуне, и сами уже в результате бессонных ночей выглядящие как нежилыцы, – в один голос сказали, что сделано всё возможное и что жизнь больного зависит теперь исключительно от воли Всевышнего.

В те редкие минуты, когда бред отступал и сознание Ингви прояснялось, перед его мысленным взором проносились обрывки случайных воспоминаний...

Вот он – десятилетний мальчишка – стоит перед отцом, виновато опустив голову. Рядом, также не смея поднять глаза и дрожа от страха, стоит Кнуд со своим старшим братом, Харальдом. Когда они все втроем играли этим теплым весенним днем на берегу, соревнуясь, у кого быстрее получится вызвать в сухой деревяшке огонь при помощи осколка стекла, Кнуд каким-то неведомым образом умудрился поджечь находящийся на берегу сарай с лодками. Стремительно распространяющееся по постройке пламя лишь благодаря близости к воде было быстро потушено прибежавшими взрослыми, и ни одна из лодок, к счастью, не успела пострадать.

– Я последний раз спрашиваю: кто из вас это сделал? – кричит взбешенный отец. – Если будете продолжать молчать, выпорю всех троих, клянусь Богом! Начну с тебя, – отец сурово смотрит на Ингви, – а потом ровно по столько же ударов достанется и вам двоим, хоть вы и сыновья конунга.

Ингви в ужасе взглянул на березовый прут в руке отца; но не проронил ни слова. Тогда, без дальнейших увещаний, отец приступил к делу.

После пятого удара – перенесенного Ингви с той же стойкостью, что и все предыдущие, – Кнуд расплакался и во всем сознался. Несколько мгновений отец растерянно смотрел то на покрасневшие ягодицы сына, то на прут, то на Кнуда. Затем – осознав, наконец, что к чему, – приказал Ингви надеть штаны и, ласково потрепав сына по волосам, похвалил его за то, что не выдал друга и повел себя как настоящий мужчина. Уже сегодня, сказал отец, он в вознаграждение получит то, что безрезультатно выклянчивал весь последний год: первый в его жизни настоящий, не игрушечный, боевой меч превосходной работы рейнских мастеров.

А Кнуду запоздалое признание не помогло избежать заслуженной порки. (И только Харальд отделался легким испугом). Сыновья конунга в соответствии с древней традицией были отданы на воспитание в чужую семью, и глава семейства не должен был делать никаких различий в отношении к собственным отпрыскам и к наследникам престола. Аки, сын Палнатоки, которому конунг Свен Вилобородый доверил воспитание Кнуда и Харальда, никогда не забывал об этом мудром правиле...

* * *

В один из тех моментов, когда сознание Ингви снова обрело ясность, он, едва двигая пересохшими губами, прошептал, уставившись в потолок:

– Господи! Если Ты исцелишь меня, чтобы я смог вернуться домой, за море, и обнять там родных моих...

Ингви умолк, испугавшись своих слов.

В комнате никого не было. Никто не мог его слышать, кроме Того, кому это предназначалось. Но страх не выполнить то, что он вот-вот собирался пообещать, был именно перед Ним.

– ...то вот мой обет Тебе...

И снова сомнения заставили его замолчать.

Однако, поборов себя, он, тщательно обдумывая каждое слово, закончил:

– ...немедля после возвращения я совершу паломничество на Святую Землю, в Град Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Твоему Святому!

Чего-то еще не хватало.

Ингви хмурил лоб, по которому крупными каплями бежал пот, мучительно пытаюсь вспомнить. Ах да...

– Аминь.

* * *

Восемью месяцами позже, 5-го июня 1017 года, небольшая торговая ладья шведского купца, идущая на веслах по реке Волхов, приближалась к Новгороду. Был на ней и праздный пассажир, которого купец после долгого торга о плате согласился взять на борт вместе с его конем. Положив возле себя деревянные костыли, пассажир сидел на палубе среди тюков с янтарем, кожей и воском, вытянув свою единственную ногу, сильно затекшую после многочасового пребывания без движения, и с улыбкой наблюдал, как конь хвостом пытается расправиться с назойливой мухой.

– Эй, датчанин! Ты не мог бы привязать эту чертову тварь от меня подальше? – рявкнул ему один из гребцов, когда конь задел его хвостом то ли по спине, то ли по шее.

Ингви поспешил громко извиниться и проковылял к животному, чтобы привязать его подальше от несчастного норвежца (судя по его диалекту), измотанного – как и остальные гребцы – долгим ходом ладьи против течения и находящего в себе последние силы при виде, еще пока вдалеке, стен Новгорода...

Выздоровев вскоре после данного Богу обета, Ингви, преисполненный благоговейного трепета, при первой же встрече с Кнудом поведал ему о своих планах. Обнимая спасшего его друга и плача одновременно от радости за неожиданное его исцеление и от горечи предстоящей сразу же разлуки, Кнуд приказал дать Ингви с собой столько серебра и золота, сколько тот сможет унести, и попросил Ингви помолиться за него самого у Гроба Господня, если Божья воля бу-

дет на то, чтобы паломник-калека с другого конца света достиг своей цели.

Спустя две недели после своего чудесного исцеления Ингви уже был на родном хуторе на острове Фюн, расположенном в самом центре Дании.

– Как ты мог пообещать Всевышнему такое безумие? – не унимался отец. – Ты разве не видел, что тебе уже оттяпали ногу? Да ты вообще слышал, чтобы хоть кто-нибудь из датчан совершил паломничество на Святую Землю?! Даже на двух ногах! Ты явно был в бреду. Поэтому объясняю тебе еще раз: ничего страшного, если ты не выполнишь этот свой так называемый «обет».

Ингви был непреклонен. И отец мало-помалу понял, что спорить бесполезно. Удалось лишь убедить сына отложить начало паломничества до весны, так как вскоре холода скупют реки льдом и придется неизвестно как зимовать в пути, всё равно тратя время впустую.

Будучи наследным правителем острова Фюн, подчиняющимся напрямую конунгу (которого, к тому же, когда-то сам и воспитывал), отец Ингви обладал большими связями как в самой Дании, так и у ее ближайших соседей. И после долгих просьб сына он пообещал ему договориться с кем-нибудь из наемников, отправляющихся на службу в многотысячный корпус скандинавов-«варангов» при императоре Византии, что уже с началом весны на одном из их кораблей – идущих через Балтику, а затем по русским рекам и по Черному морю – Ингви сможет добраться до Константинополя, после чего, примкнув к греческим паломникам, отправится на Святую Землю. Вернуться из Константинополя в Данию он смог бы вместе с наемниками, чей срок службы окончился.

Однако, когда весна была уже в полном разгаре, отец по-прежнему отвечал, что найти подходящих людей никак не

получается, что надо еще немного подождать. И Ингви понял, что отец просто тянет время, не желая отпускать его. Тогда, уличив момент, – не попрощавшись ни с отцом, ни с матерью, ни с братьями и сестрами – он тайно покинул хутор верхом на коне и, сев на первую попавшуюся ладью, направляющуюся в Швецию, начал свое паломничество. В Бирке, куда причалил корабль, Судьба благоволила ему в тот же день договориться с купцом, везущим свой товар в Новгород...

И вот теперь, когда стены Новгорода уже были видны вдалеке, Ингви гадал, как скоро и за какую сумму ему удастся уломать какого-нибудь местного торговца, направляющегося в Константинополь, взять его с собой.

Двумя часами позже, попрощавшись со всеми на берегу и оставив их разгружать ладью, Ингви уже ехал верхом по улочкам города, нетерпеливо оглядываясь по сторонам в поисках местечка, где можно было бы наконец-то поесть горячего. Накрапывающий весь день дождь стал очень не кстати усиливаться. Кроме того, был уже вечер, и не помешало бы подумать о месте для ночлега.

Увидев корчму, он спешил и начал привязывать коня возле входа.

– Какой маленький лошадка! – прозвучал у него за спиной звонкий женский голос.

Девушка, сказавшая это на ломаном скандинавском, стояла и улыбалась, держа на плечах коромысло с ведрами. Скандинавские кони и правда были карликовыми. Наверно, она впервые видит их, подумал Ингви. Сняв с плеч тяжелое коромысло и пододвинув одно из ведер к «лошадке», девушка принялась гладить животное – в то время как конь, засунув морду в ведро с водой, пил и фыркал с явным удовольствием.

– Я немного говорить ваш язык... немного понимать наш посетитель, – пояснила девушка и, убежав к другому концу корчмы, стала проворно отпирать боковую дверь ключом из висящей у нее на поясе связки. – Лошадка лучше тут, – крикнула она, сделав знак рукой, и исчезла внутри.

Ингви сообразил, что девушка, должно быть, дочка владельца корчмы или же просто работает в ней по найму. А поскольку нередкими посетителями здесь являются заезжие шведы, то нет ничего удивительного в том, что она выучилась у них каким-то скандинавским словечкам и фразам. Выглядела она лет на пятнадцать, а в таком возрасте, рассуждал Ингви, чужеземный язык учится намного легче, чем... Ингви вдруг подумал о том, что ведь уже через месяц ему стукнет двадцать два.

– Спасибо, я сейчас! – крикнул он ей вслед.

Придумав, как лучше разместить коромысло на спине коня, он осторожно – боясь расплескать воду из ведер, одно из которых по-прежнему было полно до краев, – заковылял к отпертой двери, одной рукой опираясь на костыль, а другой придерживая движущуюся конструкцию.

Там, в просторном сарае с окном, под суетливое кудахта-нье кур девушка показала, куда можно привязать коня.

– Мирослава! – донесся снаружи, откуда-то издалека, грозный женский окрик.

Он повторился еще раза два или три.

– Это мой мама, – сказала девушка. – Я надо работать. Пойдем!

Оставив коня наслаждаться свежим сеном, они вместе отправились в главный зал корчмы. Вскоре, сидя за столом на широкой скамье, Ингви уплетал поданный Мирославой ужин, запивая его медовухой, сваренной здесь же, в их семейной корчме.

И, как оказалось, опасения насчет ночлега были совершенно напрасны. Ближе к полночи, как он понял из объяснений Мирославы, столы в этом просторном зале сдвигаются в угол и помещение за небольшую сумму сдается под ночлег любому, кто готов спать на полу. Обычно набирается не меньше пяти путников, а в некоторые дни даже до двадцати. Матрас и одеяло выдаются за отдельную плату.

– Кстати, меня зовут Ингви, – улыбнулся он, протягивая Мирославе деньги за ночевку на матрасе с одеялом.

– А я Мирослава, – ответила она ему белоснежной улыбкой и почему-то покраснев.

Следующий день Ингви безрезультатно провел в поисках купца, который в ближайшее время вез бы свой товар на рынки Константинополя. Пообщавшись через нанятого переводчика с людьми, которые, по мнению Мирославы, могли что-то знать, а затем с людьми, к которым отослали люди, которые, по мнению Мирославы, могли что-то знать, – и даже с теми, к кому и они в итоге отослали, – Ингви уже был близок к отчаянию. Но на второй день удача вновь улыбнулась ему.

– Только про скотину на моем корабле забудь, – ударил купец кулаком по столу, смотря одним глазом куда-то направо от Ингви, а другим налево. – Не хочу больше слышать об этом. Переведи ему.

Переводчик перевел, и Ингви решил больше не искушать судьбу. Страшно уродливый и в добавок косоглазый купец уже завтра утром отправлялся с двумя своими судами в Витичев под Киевом, где в течение пары дней соберется торговый флот для совместного плавания в Константинополь. И путешествие это займет, по его словам, полтора месяца.

На изумленный вопрос Ингви, почему так долго, купец во всех красках описал ожидающие их на пути препятствия,

сложнейшим из которых – но далеко не единственным – будет шестидесятикилометровый отрезок Днепра, где из-за порогов всем придется раздеваться и лезть в воду, чтобы кто-то нащупывал путь, а кто-то осторожно волок корабли, держа их за нос, борта и корму. Местами придется вообще вытаскивать корабли на берег и катить их, подкладывая брусья... одновременно отбиваясь от воинственных печенегов, обожающих устраивать в таких местах засады... В общем, подытожил купец, пользы от Ингви всё равно не будет никакой, поэтому пусть радуется, что его берут даже за деньги.

Поразмыслив, как лучше поступить с конем, Ингви решил временно оставить его у Мирославы, заплатив её отцу столько, сколько он за это потребует, и дав наперед столько денег на корм, сколько может понадобится до наступления следующего лета. Возвратиться раньше – как уже понял Ингви – у него может не выйти. Днепр зимой замерзнет, а вернуться в Константинополь, совершив паломничество на Святую Землю, ему удастся, быть может, только поздней осенью.

– Если я вдруг вообще не вернусь... – хотел он было что-то сказать Мирославе, когда они оба стояли в сарае возле коня, поглаживая его по спине; но она не дала договорить.

– Я не хочу, чтобы ты завтра ехать.

Она коснулась его руки. Как будто случайно.

– ...чтобы ты... никогда... ехать.

Ингви, поборов нерешительность, сжал ее ладонь в своей, и Мирослава, сделав шаг, прижалась к нему всем телом.

Затем, ни произнося больше ни слова, она ловким движением задвинула на двери засов и повела его за руку в дальний угол сарая – туда, откуда доносился запах стогов только что скошенной травы...

* * *

14-го сентября 1017 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, в Иерусалиме можно было встретить сотни христианских паломников, прибывших сюда, в основном, из соседнего Египта и ближайших областей Византии.

Поток богомольцев почти полностью прекратился в 1009 году, когда халиф аль-Хаким в разгар гонений на христиан повелел стереть с лица земли как сам Гроб Господень, так и возведенный вокруг него храмовый комплекс. К счастью, несмотря на все прикладываемые усилия, рабочие халифа, разрушив Храм, так и не смогли разломать до основания гробницу. И когда в 1012 году матери аль-Хакима, исповедующей христианство, удалось наконец убедить сына прекратить преследования ее единоверцев и разрешить византийским священникам отстроить Храм – Гроб Господень был восстановлен довольно быстро и паломничества возобновились.

Проведя в этот праздничный день, 14-го сентября 1017 года, более часа в молитве у каменной плиты, на которой тысячу лет назад, согласно преданию, лежало тело Спасителя – и которая теперь, по мнению всех, лишь чудом избежала уничтожения, – Ингви вышел наружу на не по-осеннему свирепствующую здесь жару.

– Филипп, ты где? – прокричал он по-славянски, пройдясь взад-вперед вдоль строительных лесов, опоясывающих храмовый комплекс, и нигде не обнаружив друга.

Те шесть долгих недель, что длилось путешествие из Киева в Константинополь, Ингви провел в обществе людей, говорящих исключительно на славянских диалектах. И хотя многие с гордостью рассказывали ему о своих скандинавских корнях (ибо прадеды их были ни кем иным, как швед-

скими торговцами, поселившимися на Руси и взявшими себе там жен), смешение со славянским населением зашло уже так далеко, что скандинавский язык был позабыт еще их отцами.

Каково же было облегчение Ингви, когда, отправляясь с группой греческих паломников в плавание на Святую Землю, он случайно выяснил, что один из них – монах, зовущийся Филиппом, – владеет как греческим, так и славянским языком! Попытаться с нуля понять еще и греческий у Ингви, наверно, лопнула бы голова.

Филипп был уроженцем Салоник, города со смешанным греко-славянским населением; грек по отцу и македонский славянин по матери, проведенный всё свое детство и отрочество среди людей, говорящих на двух языках. Отец, служивший в Салониках обычным дьяконом, перебрался затем в Константинополь и, как понял Ингви, стал там со временем какой-то важной шишкой при Патриархе. Сам же Филипп совсем недавно принял обет монашества и совершал паломничество на Святую Землю перед тем, как навсегда заточить себя в монастыре на Афоне.

– Здесь я, здесь, – сказал, запыхавшись, прибежавший откуда-то Филипп. – Я нашел, кто идет на Иордан. Восемь человек. С нами будет десять.

Ингви потерял висящий на шее амулет. Его дала ему в дорогу Мирослава.

Еще неделю назад он был твердо настроен на то, чтобы в тот самый день, как он исполнит свой обет, примкнуть к паломникам, держащим путь домой в Константинополь. Но Филипп всё-таки сумел уговорить его. В конце концов, дорога из Иерусалима на место крещения Иисуса и обратно займет не более двух дней – а разве способны эти два дня

как-то повлиять на то, успеет ли он вернуться к Мирославе до зимы?

Сам Филипп намеревался путешествовать по Святой Земле не меньше месяца и горячо убеждал Ингви отправиться вместе с ним сначала к Мертвому морю, а затем посетить Галилею на севере. Где это видано, восклицал он, чтобы человек, проделавший сюда путь с другого конца света, ограничился лишь Иерусалимом и окрестностями?

Но больше двух дней Ингви медлить был не намерен, не смотря ни на какие уговоры друга.

Вечером, когда жара спала, они, примкнув к восьми другим паломникам, отправились на Иордан. Ингви ехал верхом на осле, остальные шли пешком.

– Как ты думаешь, – спросил он Филиппа, смотря на яркие звезды на черном небе, когда они, сделав привал на половине пути и совершив вечернюю молитву, легли спать, – она согласится поехать со мной в Данию после того, как мы поженимся?

Филипп пробормотал что-то. Наверняка уже во сне. Все были так измотаны многочасовой ходьбой по пыльным дорогам, что погрузились в сон, едва накрывшись плащом и подложив, кто что мог, под голову.

И только Ингви, ехавший верхом и потому не так уставший, всё лежал и смотрел на эти звезды – такие огромные, что, казалось, до них можно дотянуться рукой, – прижимая к сердцу подаренный Мирославой во время их последней встречи амулет.

ГЛАВА 4

– Денис, выключи ты уже эту дрянь! – не выдерживаю я, когда из динамиков автомобиля второй раз подряд раздаётся похожий на пороссячий визг голос: «We are animals».

Напарник неохотно выключает музыку. И какое-то время мы несемся по шоссе, каждый молча думая о своем.

Ох уж эта мода на 80-е двадцатого века... Этот жуткий макияж Мирославы. Эти уродливые прически. Когда месяц назад на всей планете была мода на эпоху Барокко, это еще как-то можно было вытерпеть. Но как можно видеть и слушать такое?! Кажется, Денис как раз из двадцатого столетия...

– Слушай, неужели при твоей жизни и правда такое всем нравилось?

Денис пожимает плечами.

– Если честно, я уже и не помню. Я же тебе говорил: прожив тут после воскрешения столько столетий, сколько я, перестаешь что-либо помнить из предыдущей жизни. Словно и не было ее вовсе. Кстати, ты уже последовал моему совету? Записываешь свои воспоминания, пока они еще не исчезли?

– А как же! Вот, послушай.

Я быстро нахожу на импланте файлы и, выбрав случайный фрагмент, читаю вслух и с выражением:

«Филипп пробормотал что-то. Наверняка уже во сне. Все были так измотаны многочасовой ходьбой по пыльным дорогам, что погрузились в сон, едва накрывшись плащом и подложив, кто что мог, под голову.

И только Ингви, ехавший верхом и потому не так уставший, всё лежал и смотрел на эти звезды – такие огромные, что, казалось, до них можно дотянуться рукой, – прижимая к

сердцу подаренный Мирославой во время их последней встречи амулет».

– Ну как? – интересуюсь я.

– Я что-то не понял, – говорит Денис, – почему ты о себе в третьем лице пишешь?

– А у нас истории только так рассказывались. Предания там всякие, саги. Такой-то пошел туда-то и сделал то-то и то-то. Никогда не слышал, чтобы рассказывали «я пошел и я сделал». Рука не поворачивается так писать. А какая разница? Я же для себя пишу. Как мне удобней, так и пишу.

– Я всё понял, – ехидничает Денис. – Тебе завидно, что о твоём братце Вагне сложили саги, а о тебе – нет. Вот ты и решил самостоятельно исправить историческую несправедливость.

– Очень смешно... Кстати, а вот и персонаж «саги».

Со мной по жетону связывается Филипп.

– У меня хорошие новости, – улыбается он с экрана.

– Я знал, что ты восстановишь стертые данные! – радуюсь я. – Ты настоящий компьютерный гений.

– Нет, погоди. Данные не восстановить. Но оказывается, такая же точно штукавина с утратой данных произошла в системе наблюдения двух других городов – в Риме и Париже. В одном из кварталов каждого города. И за тот же самый период – с часа до двух ночи! Ну, если считать по нашему времени. У них это было с одиннадцати до двенадцати.

– Что же здесь хорошего? Я не пойму.

– А то, что это указывает на какой-то синхронный сбой в системе. Непреднамеренный сбой, понимаешь?

– Непреднамеренный?!

– Ну да. Разве поступали сообщения об убийствах в Риме и Париже? Или каких-то других серьезных преступлениях, совершенных там с одиннадцати до полуночи?

– Эээ... нет вроде.

– Ну так вот. Ты ведь не думаешь, что в Риме и Париже данные были стерты специально для того, чтобы мы подумали, будто это непреднамеренный сбой?

– Послушай лучше, что я тебе скажу, Филипп. Десять минут назад я через андроида говорил со свидетелем. Денис вот уже знает...

Я киваю головой в сторону напарника, и Денис машет ему рукой. Филипп с экрана тоже здоровается с ним.

– Это его идея была, – продолжаю я. – Короче, поговорил я с одним мужиком, который ночью натолкнулся на предполагаемого убийцу в подъезде. Лысый, говорит, и с пышными усами. А приметы нам криминалист сообщила. И был тот тип не один, а вместе с рыжеволосой девицей. У нее длинные огненные волосы – до попы, говорит. Они стояли там в подъезде и спорили о чем-то, крича друг на друга. Он орал: «Надо вернуться за ней», а она ему: «Нет времени, не успеем до двух». Свидетель это хорошо запомнил.

– И это однозначно наш клиент, – встречается Денис. – «Вернуться за ней» означает: вернуться за маской, которую он обронил в квартире. Тут и думать нечего. Собственно, благодаря маске, мы и узнали от криминалиста приметы.

– Да, ты ведь еще не знаешь, – подхватываю я, – у криминалистов произошел компьютерный сбой. Пострадала программа, реконструирующая внешность по геному. Поэтому мы до сих пор и не поймали гада. А свидетель сможет прибыть в участок для изъятия зрительного образа только через два часа. Он сейчас к Олимпиаде готовится, рыцарь хренов... Филипп, будь добр, свяжись с китайцами в департаменте криминалистики, ладно? Узнай, что там у них и как. Ясно же, что их компьютеры и нашу систему мониторинга взломали из одного и того же места.

Филипп – переубежденный, по всей видимости, нашими совместными усилиями – кивает и уже собирается отключиться.

– Чуть было не забыл, Ингви. С Днем рожденья тебя! Долгих лет жизни! Надеюсь, мне никогда больше не придется тебя хоронить.

Полицейский автомобиль несет нас по кольцевой дороге к западному выезду из Москвы, и посреди зеленого поля уже виднеется белое здание энергостанции.

Там работал Радислав...

Туда выведавший у него что-то посредством пыток убийца мог добраться за десять минут...

(Ровно за столько дотуда от злополучного дома доедет наш автомобиль, судя по цифрам на дисплее. И это днем, при оживленном движении. Ночью наверняка и того быстрее).

Туда он мог проникнуть при помощи импланта Радислава в его отрезанной руке, украсть там что-то, а затем – за те же десять минут – вернуться обратно к дому и выбросить руку в мусорный контейнер...

Смерть, по словам криминалиста, наступила в час двадцать. А это означает, что всё вышперечисленное убийца спокойно мог успеть проделать до двух.

И поскольку из квартиры Радислава ничего не пропало – об этом с уверенностью заявил Денис, поручивший Красимире тщательно осмотреть всё, пока я в андроиде искал свидетелей, – то не заглянуть на энергостанцию было бы просто глупо.

Не сидеть же сложа руки и не ждать целых два часа, пока мы получим зрительный образ!

– Давай-ка глянем, кем Радислав был в той жизни, – предлагает вдруг Денис.

– Зачем?

– Может быть, всё сразу прояснится. Ты, например, в курсе, сколько раз у нас тут Гитлера убивали?

– Нет. А кто это?

– Скажем так, крупнейший говнюк из моего времени. Ну, почти из моего. А ты что, совсем что ли историей не интересовался, когда тебя воскресили?

Я чувствую себя пристыженным.

– Впрочем, не суть, – говорит Денис. – Говнюк он и есть говнюк. Тиран, короче. Так его аж четыре раза Архив-Службе воскрешать приходилось! Представляешь, сколько человек на него зуб имели? Все убивавшие его были, конечно же, новичками на Ремотусе. Воскрес какой-нибудь немец, семью которого этот говнюк сгноил в концлагере, пожил денек-другой в Германском Штате, еще толком не адаптировался, не изжил все свои психологические травмы – и тут, бац, встречает на улице жизнерадостного такого и улыбающегося Гитлера, идущего по своим делам... И как только его не убивали! Последний раз, помнится, человек отодрал железный прут из ограждения, повалил этого говнюка на землю и бил по голове, пока все мозги не разлетелись по сторонам. После этого инцидента Гитлер сам попросил о смене внешности и имени.

– Ты что, полагаешь, Радислав тоже был каким-нибудь царем-засранцем?

– Вот сейчас и проверю. Одну секунду.

Автомобиль уже припарковался возле главного входа в энергостанцию, и я – оставляя напарника за бортовым компьютером проверять по полицейской базе данных эту дурацкую версию – выхожу из машины и направляюсь к двери.

Когда она открывается, без вопросов отреагировав на полицейский жетон, Денис уже догоняет меня:

– Он был на Руси обычным торгашом. Из твоего времени. Ничего примечательного.

– Ясно. Но всё равно хорошо, что ты посмотрел, – утешаю я. – Одной гипотезой меньше.

На пути у нас возникает турникет, и из будки выскакивает взволнованная охранница.

Из-за короткой стрижки я даже не сразу понял, что это девушка.

– С Радиславом что-то случилось? – переводит она беспокойный взгляд с меня на Дениса и обратно. – Его смена началась уже полтора часа назад, а его всё нет. Не выходит на связь. Я уже собиралась сообщить в полицию!

– Он умер, – отвечаю я. – Будет воскрешен приблизительно в два часа дня. Скажите, пожалуйста, этой ночью на станции происходило что-нибудь странное? Возможно, проникновение посторонних или попытка проникновения?

– Ночной охранник, передавая мне утром вахту, ни о чем таком не сообщал.

– А сколько всего человек работало здесь ночью?

– Двое. Охранник и техник. Так всегда в ночную смену. Днем работают трое – главный техник, техник и охрана. А что, собственно, случилось?

Я делаю Денису знак, и он вводит охранницу в курс дела, пока я осматриваю ее будку.

– Это ваше видеонаблюдение, – показываю я на дисплеи, на которых видно, что сейчас происходит во всех уголках станции, – оно автономно или вы подключены к мониторингу Западного квартала?

– Подключены к мониторингу.

– Понятно...

– Может быть, – предлагает охранница, – вам лучше поговорить с главным техником? Он заступил на дневную сме-

ну полтора часа назад – в девять ноль ноль, как и положено. Если за ночь и правда произошло что-то необычное, он наверняка это заметил.

Спустя минуту мы с Денисом, проследовав по длинному коридору в диспетчерскую и поделившись с главным техником нашими опасениями, слышим его заверения:

– Самое главное на месте, ребята. Не беспокойтесь.

Он подходит к едва незаметному люку в стене и, приложив к нему правую руку, набирает код.

– Вот, убедитесь сами.

– Что это? – спрашиваю я, когда дверца люка открывается и перед нами на выдвижной панели предстает желтый, с черными полосками ящичек.

– Батарея. Больше тут красть злоумышленникам нечего. Да и то, если красть, то уж сразу на пяти станциях.

– Стоп, стоп, стоп, – обрываю я. – Нельзя ли всё по порядку? Для чего батарея? Почему пять станций?

В глазах техника явственно читается мысль: «О Боже, еще один недавно воскрешенный болван».

– Хорошо, посмотрите вон туда, – он показывает рукой на стеклянную стену, отделяющую диспетчерскую от соседнего помещения. – Видите там такую же точно батарею, подсоединенную к куче кабелей?

– Вижу, – киваю я.

– Именно из нее в эту самую минуту получает энергию весь Западный квартал Москвы. Вы представляете себе, сколько гигаджоулей ежесекундно сжигают все эти атомные синтезаторы, автомобили, иллюминация мегаполиса и еще черт знает что? А, не представляете, конечно... – машет он рукой. – В общем, другие три квартала сосут энергию из своих энергостанций, из таких же точно батарей. И анало-

гичным образом всё устроено в любом городе по всему Ремотусу.

– А первая батарея? – всё равно не понимаю я. – Та, которую вы извлекли из люка. Она-то для чего?

– Резервная. Доставляется на энергостанцию ровно за сутки до того, как, согласно компьютерному прогнозу, запас энергии в рабочей батарее будет исчерпан. Мы получили ее вчера вечером. И сегодня, ближе к полуночи, должны произвести замену.

– Энергию по-прежнему из звезд качают? – интересуется Денис.

Похоже, он более в теме, чем я.

– Да, пока что ничего более эффективного человечество не изобрело, – заметно оживляется техник. – И начинка в батареях всё та же. В космосе рядом с десятком звезд, – поясняет он, повернувшись ко мне, – размещены огромные, многокилометровые в диаметре, светочувствительные батареи, которые и добывают энергию. Затем полученную энергию... как бы вам это подходчивей объяснить-то... ну, скажем так, расфасовывают по таким вот ящичкам-батареям для использования на энергостанциях. Понятно? И одной батарее хватает где-то на год.

– Всего на год? – удивляюсь я. – А почему не «расфасовывать» по батареям, которые были бы раз в сто больше? Место здесь, я смотрю, для этого найдется. Ну, в крайнем случае строили бы энергостанции покрупнее. И тогда не нужно было бы каждый год производить замену рабочей батареи.

– Это очень интересный вопрос, – кивает техник, по-видимому, уже не считающий меня полным болваном. – Разумеется, так бы и сделали. Но всё дело в свойствах вещества, которым заполнена батарея. Это вещество было созда-

но физиками специально для хранения огромного количества энергии в малых объемах. И математические модели, когда данное вещество еще только задумывалось, показали одну очень странную вещь... Вы знаете? – спрашивает он, переводя взгляд на Дениса.

– Ну да, – не задумываясь, отвечает напарник. – Если эта дрянь внутри батареек будет превышать некое критическое количество, то при хранении в ней энергии начнутся энергопотери. Что невыгодно. Вроде бы так.

– Энергопотери? Это вы где-то так и прочитали: энергопотери? – Техник хватается за живот и разражается гомерическим хохотом.

Минуту-другую он не может прийти в себя, хохоча так, что по лицу его обильно текут слезы, и повторяя снова и снова: «Энергопотери!»

Наконец, он берет себя в руки:

– Прошу прощения, не хотел вас обидеть. Я просто обожаю эту официальную версию! Энергопотери... Ну, можно, конечно, и так это назвать, – ухмыляется он и продолжает уже с абсолютно серьезным лицом: – Математические модели показали, что если взять данное вещество в критическом количестве и закачать в него до отказа энергию, то произойдет неконтролируемый выброс всей закаченной энергии. Другими словами: взрыв, превосходящий по мощности миллионы ядерных взрывов.

– Что за критическое количество? – спрашивает Денис.

– Как в пяти батареях? – догадываюсь я, вспомнив слова техника: «Да и то, если красть, то уж сразу на пяти станциях».

– Совершенно верно. По крайней мере, по слухам. Поймите правильно, – техник разводит руками, – я же не физик.

Да и не уверен, что каждый физик получит доступ к такой информации. Но версию с другим количеством я не слышал.

– То есть, если я правильно понял, – подытоживаю я, – существует теоретическая вероятность, что, раздобыв пять таких резервных батарей, кто-то сложит их содержимое вместе и отправит всю планету к чертям собачьим?

– Грубо говоря, да, – соглашается техник. – Но всё, конечно же, не так просто. Ведь неизвестно еще, что за оборудование потребовалось бы для осуществления такого плана... не голыми же руками содержимое батарей вычерпывать. Полагаю, вероятность того, что злоумышленники превратятся в пепел в момент вскрытия одного такого ящичка, в разы превышает вероятность каких-либо более серьезных последствий для человечества. Да и вообще... ни на одной станции ничего ведь не пропало, не так ли? Так к чему все эти пустые беспокойства?

Поблагодарив техника за информацию, мы обещаем больше не отвлекать его. А если он вдруг всё-таки заметит что-то странное, то, в свою очередь, обязуется немедленно сообщить нам.

На выходе из станции Денис задерживается возле атомного синтезатора, соседствующего с будкой охраны.

– Заказать тебе что-нибудь поесть? – бросает он мне вслед.

Я мотаю головой.

Может, всё-таки сообщить в Агентство Безопасности? Терроризм – это вообще-то по их части. Но, с другой стороны... на станции ведь ничего не пропало. И вообще, тут не происходило абсолютно ничего странного. Зачем же зря дергать людей?

Как же хорошо, что я нашел свидетеля! Очень скоро всё прояснится.

– Странные дела, – Денис забирается в машину с куском пиццы и стаканом колы. – Я просмотрел список последних заказов в синтезаторе. Ну, чисто по привычке. Интересно же, вдруг в каталогах появилось что-нибудь новенькое из съестного? Короче... кто-то в час и двадцать пять минут ночи заказывал морфедон.

– Это еда или напиток?

– Да нет, это снотворное. Вырубает моментально, сам когда-то пробовал. По дозировке можно четко рассчитать, сколько минут или часов продлится действие на нервную систему. Заказан был морфедон пятнадцатиминутного действия.

– Зачем это ночной смене?!

– Вот и я о том же.

– В час двадцать пять, говоришь? Так это же через пять минут после смерти Радислава!

– Именно.

– Вот это да. Ночной охранник собирался усыпить техника? Или техник – охранника?

– Чтобы через несколько минут впустить на станцию убийцу...

Пока Денис еще дожевывает свою пиццу, я уже устанавливаю по полицейской базе данных личности обоих, а затем, войдя в систему мониторинга, даю команду вычислить их местонахождение в настоящую минуту.

Техник, как мы вскоре узнаём, расслабляется в одном из московских клубов. Туда он направился сразу после того, как в девять ноль ноль закончилась его смена. Охранник, сдав в это же время вахту, нырнул в метро и, доехав до остановки «Белый водопад», отправился на природу, исчезнув из поля зрения системы мониторинга.

– Денис, – говорю я, вылезая из машины, – получи разрешение на подключение к спутнику.

– Ты куда?!

– На Белый водопад, – кричу я уже у входа в метро, который находится всего в нескольких шагах от парковки. – Поищу его там. А ты оставайся, будешь координировать, когда увидишь нас со спутника.

– Да это же юрисдикция Северного квартала! Как я получу разрешение на операцию слежения?

– Не знаю, придумай что-нибудь.

Природа...

Десятки и сотни километров, отделяющие мегаполисы друг от друга, отведены на абсолютно дикую природу. Такую, какой она была задумана при создании биосферы Ремотуса. Медведи, лоси, тигры, крокодилы и прочие твари – соответствующие спроектированному для конкретных широт климату – живут там своей собственной жизнью, не смея нарушить пределы обитания человека из-за отпугивающего биоизлучения, которое безотказно действует на них по всему периметру цивилизации.

Благодаря разветвленной сети скоростного метро, раскинувшейся подобно паутине вокруг каждого города планеты, можно легко очутиться в самых укромных уголках природы. Лишь небольшая территория возле выходов на поверхность отведена под рестораны, поля для гольфа, горнолыжные спуски и тому подобные места развлечения. Дальше – человек вступает в царство животных, где ему разрешено передвигаться только на своих двух.

Впрочем, при покидании территории, прилегающей к метро, автоматически активируется встроенное в каждый имплант биоизлучение, так что никакой волк или комар не рискнет даже приблизиться к человеку.

– Ингви, я вижу его со спутника, – раздаётся из жетона довольный голос напарника, когда я выхожу из поезда в подземном вестибюле «Белого водопада». – Поднимайся наверх, он идет от водопада в сторону метро.

Поднявшись на эскалаторе, растеряно озираюсь по сторонам.

– Куда идти?

– Видишь лес справа от тебя? Иди прямо туда, там будет тропинка. Иди по ней. Два человека движутся навстречу, один за другим. Их пропусти. Третий – он.

И правда, вскоре мимо проходят двое мужчин, как-то странно разглядывающие меня с ног до головы.

Ну, наверно, весьма необычно встретить посреди леса человека, прогуливающегося в полицейской форме.

– Денис, не напомнишь мне его имя? – прошу я, когда они оба остаются у меня за спиной.

– Сейчас, одну секунду...

Навстречу мне идет парень в джинсовом костюме и бейсболке.

– ...Олег.

– Я его вижу.

И когда нас отделяют друг от друга какие-то метры, я, следуя инструкциям, поднимаю левую руку со светящимся жетоном.

– Олег, у меня есть к вам пара вопросов.

Внезапно он разворачивается и сломя голову бросается наутек в обратном направлении.

– Стоять!

Я немедленно выхватываю из кармана брюк парализующий пистолет и произвожу серию выстрелов ему вслед.

Поняв, что промахнулся, бросаюсь вдогонку.

– Ну и драпанул, – слышу я в жетоне. – Он уже выбегает из леса и направляется к мосту через водопад.

Когда я сам оказываюсь на мосту, пятки Олега сверкают уже на том берегу и снова исчезают между сосен и елей.

– Где он сейчас? – спрашиваю я, наконец-то преодолев мост через бурный речной поток, становящийся справа от меня живописным водопадом.

– Пробежал немного по лесу, а потом зачем-то понесся направо. К обрыву.

Я несусь вдоль отвесного обрыва, выкладываясь из последних сил.

Лишь в шаге справа от меня лес заканчивается – и продолжается уже метрах в ста под ногами. Как-то раз мы гуляли тут с Мирославой, наслаждаясь открывающимся видом. Ближайший город, находящийся всего в двух десятках километров отсюда, абсолютно не портит перспективы. Из-за зеркальных стен его небоскребы в обычную погоду просто не различить на фоне затянутого облаками неба. А в такой солнечный день, как сегодня, он подобен огню, полыхающему у самого горизонта.

– Ингви, вы с ним вот-вот столкнетесь! Еще метров пятьдесят.

Спустя мгновения в жетоне раздается возглас:

– Он исчез!

– Как это исчез?! – Я останавливаюсь. – В каком месте исчез?

– Вот где ты сейчас стоишь, под этой елью, там он и исчез только что.

Я недоуменно осматриваюсь вокруг.

Неведомая сила сбивает меня с ног, и – не успев ничего понять – я лечу вниз с обрыва...

Пролетев не меньше трех метров, я всё же ухватываюсь обеими руками за торчащий корень, который лишь чудом не пропарывает мне живот.

Подняв голову, вижу, как из пещеры прямо у меня над головой вылезает Олег. Подтянувшись на руках, он забирается наверх, после чего производит смачный плевок мне в лицо и снова бросается наутек.

– Ингви, ты в порядке? – слышу я в жетоне.

– Этот засранец прятался в пещере и за ногу пытался скинуть меня с обрыва!

– Он сейчас движется обратно к мосту.

– Денис, возле выхода из метро есть атомный синтезатор. Будь у водопада в андроиде, немедленно! Слышишь меня? А я побегу следом за Олегом. Прижмем его на мосту!

И когда я, изловчившись, встаю одной ногой на спасший меня корень, имплант сигнализирует о входящем вызове.

Мама?

– Сынок, с Днем рождения тебя!

– Мама, спасибо большое. Я тут... это самое... не могу сейчас говорить... я на службе...

– Хорошо-хорошо. Позвоню вечером. Вагн, твой брат, передает тебе поздравления! Он сейчас гостит у нас.

– Мам, я лучше сам вечером позвоню. Передавай привет Вагну!

Выбравшись наконец на поверхность, я, весь мокрый от пота, бегу обратно той же самой дорогой вдоль обрыва.

Неужели мама по-прежнему живет в Рейкьявике с придурком-исландцем?

Жаль отца. Он рассказывал, что очень хотел жить с ней и после воскресения. Но этот исландец, как выражается мама, был ее «первой любовью». Еще когда они оба были под-

ростками. Тогда Судьба не позволила им быть вместе, а вот как только встретились здесь...

– Денис, вижу тебя! – кричу я в жетон, когда тучный андроид появляется из лесной чащи на другом берегу.

Олег в этот момент находится уже на середине моста.

– Я вас обоих тоже. Он попался.

Заметив Дениса, охранник останавливается и оглядывается назад. Я захожу на мост.

Словно затравленный зверь, Олег отчаянно озирается по сторонам. Мы с Денисом неумолимо приближаемся с обеих сторон.

Неожиданно наша добыча заскакивает на перила и бросается головой вниз прямо в грохочущие воды водопада.

Мы с Денисом подбегаем к перилам.

Олега поглощает бурлящий поток. Его бейсболка парит еще некоторое время над водой, но вскоре тоже исчезает из виду.

– Прыгай за ним! – командую я. – Тебе ничего не будет. А его, может, еще удастся откачать. Надо как можно скорее узнать всё, что знает он. Ждать четыре часа его воскрешения я не собираюсь.

– Ладно, ладно. – Денис, пыхтя, забирается на перила и слишком долго стоит там в нерешительности, с ужасом смотря вниз.

Я коварно толкаю его.

И андроид напарника, размахивая руками, тут же исчезает в бурлящих водах.

ГЛАВА 5

15-го сентября 1017 года, на следующий день после праздника Воздвижения Креста Господня, во втором часу после полудня к берегу реки Иордан, сжимая в руке лук и стрелы, осторожно подкрадывался человек в длинном черном плаще.

Ингви, стоявший в это время по пояс в воде, с интересом вертел в руках только что сделанную им находку: большое металлическое распятие с отколотым концом. Филипп и восемь других паломников ушли осматривать расположенные неподалеку пещеры, в которых, по преданию, некогда жили Илия Пророк и Иоанн Креститель, и оставили Ингви в одиночестве дожидаться их возвращения. Забираться внутрь пещер и лазать по ним, имея лишь одну ногу, он всё равно бы не смог.

Человек в черном плаще выждал момент, когда Ингви повернулся к берегу спиной. Выйдя из-за кустарника, он натянул тетиву и, хорошо прицелившись, пустил стрелу паломнику в шею.

Убедившись, что жертва ранена смертельно и второй стрелы не понадобится, он бросился убежать.

* * *

Ингви очнулся в ослепительно белой комнате.

Вскочив на кровати, он первым делом судорожно ухватился за горло – но ни капли крови на руках не было.

И только теперь он заметил, что под белой одеждой, в которую его кто-то одел, проступают две абсолютно целые ноги...

Всё еще не веря в происходящее, он медленно встал с кровати и несколько раз обошел ее кругом, неуверенно ступая на обе одинаково здоровые ноги.

– Неужели я в раю? – пробормотал Ингви, оглядывая комнату.

Всё в ней было ослепительно белым. И стены, и пол, и потолок, и даже сама кровать. Ни окон, ни двери в комнате при этом не было, и Ингви никак не мог понять, откуда же льется этот нестерпимо яркий свет.

– Нет, это не рай, – услышал он чей-то голос.

Рядом никого не было. Как и в случае со светом, источник голоса был совершенно непонятен.

– Ты по-прежнему в материальном мире, Ингви, – пояснил Голос. – Вот, посмотри сам!

В одной из стен, неизвестно каким образом, появилась открытая дверь.

Ингви подошел к ней и, сделав шаг, оказался в самом обычном саду с цветами и деревьями. Под ногами зеленела трава, а высоко над головой по синему небу проплывали белые облака.

– Ты Бог? – не удержался Ингви.

Голос, звучавший до этого в белой комнате, теперь всё так же раздавался совсем рядом и непойми откуда:

– Нет. И даже не дьявол. Ты не видишь меня, но я обычный человек.

– Я не умер?!

– Ты умер, Ингви. Но был возвращен к жизни. Спустия много... очень много, – подчеркнул Голос, – времени. Прошли века.

Ингви опустился на скамейку возле пруда, в котором безмятежно плавали утки. «Должно быть, я в бреде», – подумал он. Всё это никак не укладывалось в голове.

– Спустя шесть веков после твоей смерти, – невозмутимо продолжал Голос, – стала стремительно развиваться наука. Ну, ты же знаешь: все эти врачи, все эти наблюдатели за звездами и всякие прочие ученые, пишущие толстые-толстые книги, пытаюсь объяснить, как, по их мнению, устроен человек и весь мир вокруг. И вот, в начале двадцать второго столетия от Рождества Христова человечество, благодаря этим самым ученым, сумело – ни много ни мало – избавиться от старения и болезней. А сделав бессмертными себя, люди задумались над тем, как вернуть к жизни и ушедшие поколения.

– Да что же это за богохульство? – Ингви схватился руками за голову. – Одному только Господу подвластно такое! И Он сам воскресит всех перед Судным Днем!

– Всё зависит от толкования Писаний, – уклончиво сказал Голос. – Во многих церквях священники стали объяснять пастве, что никакого противоречия тут нет. Бог властен как сам даровать вечную жизнь и совершить всеобщее воскрешение умерших, так и сделать это руками людей. И никто не посмеет запретить Ему.

– Но как же такое возможно? – не сдавался Ингви. – Как может человек, пускай даже ученый, который своим умом постиг всю природу вещей... как он может воскресить другого человека, умершего много веков назад?!

– Да, это тебе не просто будет понять, – согласился Голос. – Но я помогу тебе. В какой-то момент физики выяснили, что время и пространство являются всего-навсего свойствами материи и, соответственно, на них можно воздействовать материальными методами...

Ингви слушал Голос и, к своему удивлению, понимал его. Будто смысл сказанного напрямую, в обход слов, стал проникать в его мозг. Не это ли имел в виду Голос, когда ска-

зал: «Но я помогу тебе»? Для многих понятий, которые теперь слышал Ингви, на его родном языке не нашлось бы, пожалуй, даже подходящих слов. Да и сам язык, на котором звучал Голос (Ингви только сейчас об этом подумал), это был точно не скандинавский и не славянский. Однако он понимал его и, более того, думал на нем.

– Путем наложения пространств, – продолжал Голос, – сначала была найдена возможность мгновенно перемещаться из одного места в другое, сколь угодно отдаленное. Такой способ передвижения называли телепортацией. Но намного важнее оказалась технология, позволившая перемещаться во времени. Правда, только в прошлое. Путешествие в будущее... – тут Голос замялся. – Ну, если не учитывать, что мы с каждым мгновением немного перемещаемся в будущее... Такое путешествие до сих пор остается, увы, лишь научной теорией.

– То есть теперь, – Ингви показалось, что он начал догадываться, – эти ваши ученые могут отправиться в прошлое и, например, не дать тому ублюдку прострелить мне шею?

– Нет, изменить ход истории нельзя. Попытки были, но каждый раз что-то шло не так. То засланный аппарат оказывался не в том времени, то ученым казалось, будто исторические события изменены, – но впоследствии выяснялось, что исходные сведения были неточными и что на самом-то деле события в прошлом изначально именно так и развивались, как они якобы были изменены. Физики до сих пор не могут дать объяснения этим неудачам. А богословы, к слову сказать, используют теперь это как один из аргументов в пользу существования Бога.

– Тогда как происходит воскрешение? Почему речь зашла о перемещении во времени? Если изменить прошлое нельзя, то при чем тут это?

– Я не говорил, что изменить прошлое нельзя, – возразил Голос. – Я сказал: «Изменить ход истории нельзя». Давай я объясню разницу на примере. Предположим, я перемещаюсь в 15-е сентября 1017 года, когда ты умер, и незаметно для убийцы делаю слепок с его стрелы. Затем возвращаюсь в настоящее и по слепку изготавливаю точную копию. Наконец, снова отправляюсь в 15-е сентября 1017 года и незаметно для убийцы произвожу подмену его стрелы на изготовленную мною копию, после чего благополучно возвращаюсь в настоящее с оригинальной стрелой. Скажи мне, я изменю ход истории?

– Нет, конечно. Меня ведь всё равно подстрелят.

– Верно. Но я изменю при этом прошлое?

– Ну, из моей шеи будет торчать уже не его стрела, а сделанная тобою, – ухмыльнулся Ингви.

– Именно! И как показали эксперименты – такого рода фокусы с подменой объектов каждый раз увенчиваются успехом. Ты уже понял, как совершается воскрешение человека, умершего сколько угодно веков назад?

Ингви сидел на скамейке в саду, нахмутив лоб и отсутствующим взглядом уставившись на уток, плескающихся в воде.

– Не мог же кто-то создать мою... мою... копию, – выдал он из себя, – ...оставить ее там истекать кровью на берегу... а меня... еще живого, забрать с собой сюда... и исцелить?

– Не совсем так. Но суть ты уже уловил, – облегченно сказал Голос. – Ты даже не представляешь, на что способна нынешняя медицина! Переливание крови, выращивание новой ноги из стволовых клеток... Всё это ей как раз плюнуть. Кстати, целиком никого не забирают. Подменяют только мозг.

– О Господи, – застонал Ингви, снова схватившись за голову.

– ...а тело, абсолютно здоровое тело, в котором ты сейчас находишься, было элементарно выращено здесь на основе твоего ДНК. И твой мозг вживлен в него. На самом деле главная сложность Проекта всеобщего воскрешения заключалась совсем в другом. Сложнее всего было придумать, каким образом раздобыть информацию. А информации требуется поистине немало. Необходимо знать точный момент смерти мозга, его точное местонахождение и его точную структуру – конфигурацию всех атомов! – на тот момент. И так с мозгом каждого человека, когда-либо жившего и умершего на Земле. Ты можешь себе это представить?

Ингви, конечно же, не мог. Впрочем, вопрос был риторическим.

– Но решение было найдено, – продолжал Голос. – Был создан «Архивариус» и отправлен в доисторические времена. Я скажу тебе, что такое «Архивариус»... Это аппарат, летающий так далеко от людей, что его не видно. Выше, чем летают птицы, Ингви. Намного-намного выше.

– У самой тверди небесной?

– Гм...ну... – замялся Голос, – считай, что у тверди небесной. Это сейчас не так важно. Важно то, что из «Архивариуса» исходят сканирующие лучи, настроенные на поиск нейронных сигналов. Эти лучи мгновенно обнаруживают мозг любого новорожденного младенца и с тех пор ежедневно мониторят этот мозг на протяжении всей его жизни, получая информацию о малейших атомных изменениях в его структуре, а также о его текущем местонахождении. И как только мозг умирает – будь то хоть через день после появления на свет, хоть через сто лет – «Архивариус» сохраняет самую последнюю информацию в своем Архиве.

– И этот ваш «Архивариус», со всей собранной за тысячелетия информацией, так и летает сейчас где-то там под твердью небесной?

– Конечно. Остается только скачивать из его Архива информацию и действовать. Выбрав очередную личность, которой настало время быть воскрешенной, ученые из Архив-Службы сначала, внимательно изучив данные об атомной конфигурации мозга, синтезируют ДНК и выращивают на ее основе молодое и здоровое тело. Затем целиком синтезируют копию мозга – идентичную тому, что умер. Наконец, путем точного наложения пространственно-временного континуума производят подмену: живой мозг мгновенно оказывается в молодом и здоровом теле, так и не умерев, а мертвая копия – в старом теле из прошлого. Ход истории не нарушается, а человек воскрешен.

– И ты один из таких ученых, из Архив-Службы, – догадался Ингви.

– Да. Один из сотен тысяч. И работы у нас чертовски много, – вздохнул Голос. – Проект был задуман как возвращение одного поколения за другим. Начали с недавно ушедшего – и потом двинулись в глубь веков. За работой пролетало десятилетие за десятилетием, столетие за столетием. Сейчас вот воскрешаем тех, чья жизнь оборвалась в 11-м веке от Рождества Христова.

– Ну хорошо, хорошо. А почему ты называешь это «смертью» и «воскрешением»? Ведь мой мозг не умирал. Ты сам сказал. Какая же это смерть? Выходит, я просто продолжил жить в другом времени.

– А что есть «смерть» и «воскресение» с точки зрения ортодоксального христианина? – уклончиво ответил Голос. – Подумай об этом. Душа, как верили тысячелетиями, бессмертна, умереть может только тело, в котором она оби-

тает. И под «воскресением» понимали не что иное, как воссоединение души с телом – но с преображенным телом, больше не стареющим и не болеющим. Разве не так?

– Разумеется, так, – кивнул Ингви. – Этому научили меня еще в детстве.

– При этом душу считали той субстанцией, которая заключает в себе индивидуальность человека, являясь, по сути, его личностью. Но ученые еще в 20-м веке от Рождества Христова перестали пользоваться понятием «душа» для объяснения каких бы то ни было психических феноменов. Сам мозг, его нейронные структуры, стали считать той субстанцией, которая, скажем так, порождает личность.

– Чудаковатая версия.

– В любом случае, для науки «душа» уже давным-давно является избыточной гипотезой. Но по существу – задумайся над этим – благодаря «Архивариусу», с человеком происходит фактически то, во что ты верил! Субстанция-носитель личности, то есть мозг, бессмертен. Ведь ни у одного человека, когда либо жившего, мозг так и не умер. При этом он воссоединяется с преображенным телом.

– Погоди, погоди, – запротестовал Ингви. – Что значит «ни у одного человека» мозг не умер?! Не ты ли сам только что говорил мне, что лучи «Архивариуса» фиксируют момент смерти мозга и сохраняют эту информацию? Да и вообще... – У Ингви появилась спасительная мысль, что он поймал Голос на противоречиях. – Вы добрались пока только до 11-го века, как ты рассказывал. А что насчет людей, живших в 5-м веке, например? Они-то еще вами не воскрешены. У них, по-твоему, тоже «мозг так и не умер»?

Последнюю фразу Ингви произнес уже откровенно смеясь над всей этой бредовой ситуацией, в которой он почему-

то оказался. Казалось, что еще чуть-чуть и дурной сон оставит его.

– Ты задаешь правильные вопросы, Ингви. – Голос был тут как тут. – Я вижу, что ты уже готов для осмысления того, что обычно называют «парадоксами изменений прошлого». Но парадокс не является противоречием. – Судя по всему, поставить Голос в тупик Ингви не удалось. – Когда «Архивариус» мониторил твой мозг 15-го сентября 1017 года, он в определенный момент получил информацию о прекращении его жизнедеятельности. Но умер ли мозг? Нет. Просто он мгновенно исчез и был подменен мертвой копией из будущего. Лишь для простоты я чуть раньше назвал это «смертью мозга». И так происходит абсолютно с каждым умирающим человеком. Ну, если говорить откровенно, мы, конечно, не можем знать наверняка, что и в 5-м веке с умирающим людьми происходило то же самое. Вдруг Проект по какой-то причине будет прекращен? Дойдем, допустим, до 7-го века и остановимся навсегда?

– Да это же легко выяснить, – всё еще пытался сопротивляться Ингви, хоть уже и не так уверенно. – Вы скачиваете из Архива информацию, так? Неужели нельзя было глянуть на самые ранние из полученных данных? Кто там у вас был первым, подвергшимся мониторингу... Адам?

– Эээ. Ну, зови его так. И что бы это дало?

– Узнали бы, даже не воскрешая его, появилась в его черепушке копия мертвого мозга, присланная из будущего, или же там остался его собственный мертвый мозг.

– А как мы, по-твоему, отличим одно от другого? – рассмеялся Голос. – Когда требовалось изготовить, например, копию для тебя, мы скачали из Архива данные о первых мгновениях мертвого мозга в твоей голове – и по этим данным изготовили точную копию. Но что это были за данные?

Естественно, это были данные о копии, которую мы же и подсунули из будущего.

– Всё, всё, всё, хватит!

От парадоксов у Ингви кружилась голова. Он понял, что спорить с Голосом бесполезно.

– Скажи лучше, где я сейчас. В Дании? На Руси? Судя по этой березе в саду, это точно не Иерусалим и не Константинополь.

– Боюсь, мне придется начать ответ немного издалека.

– Только больше без парадоксов, ладно?

– Никаких парадоксов, – пообещал Голос. – Просто через четыре века после твоей смерти ученые выяснили, что... как бы тебе это сказать... что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот.

– Господи, я этого больше не выдержу, – взмолился Ингви.

– Разумеется, в Священном Писании сказано, что Бог «поставил Землю на твердых основах, не поколеблется она» и всё такое прочее. Но опять же – богословы не обнаружили тут противоречий. Начали толковать эти библейские фразы как-то иначе. Однако это еще не всё. Спустя некоторое время ученые выяснили, что звезды, которые человек каждую ночь видит высоко над головой, вовсе не приделаны к какой-то там внешней сфере, к некой «тверди небесной». Собственно, и нет никакой тверди.

Ингви слушал молча, уже ничему не удивляясь.

– Все эти звезды – это светила вроде Солнца, только намного более удаленные от Земли. Вокруг многих из них тоже вращаются планеты, вроде нашей Земли. И знаешь, Ингви, где ты сейчас? Ты на одной из таких планет. Ее называли «Ремотус», что на латыни означает «отдаленный».

– А что случилось с Землей? – после длительной паузы прервал свое молчание Ингви.

– Ничего страшного. Она стала перенаселенной. Когда ученые изобрели средство от старения и болезней, на Земле уже обитало слишком много людей. Конечно же, когда возможность стать бессмертным бесплатно появилась у всех желающих, это происходило только при одном условии. Человек подвергался процедуре, лишаящей его возможности иметь детей...

Ингви в ужасе посмотрел вниз своего живота.

– О, не беспокойся, – поспешил успокоить его Голос. – Всё на месте и в полной работоспособности. Просто дети не появятся. Ну ты сам подумай: если бессмертны людям оставить возможность завести хотя бы по одному ребенку, то население планеты только за год может удвоиться. А если и дети их, повзрослев, заведут по ребенку? А потом и их дети? Это при том, что деды-то и бабки их по-прежнему выглядят как восемнадцатилетние и ни на какой «тот свет» не собираются! В общем, без этой меры человечеству было не обойтись. Однако для воскрешения ушедших поколений места на Земле всё равно уже не было.

– Где Мирослава? – спросил Ингви, сам удивляясь, что только теперь задал этот вопрос.

– Возможно, ты уже сегодня увидишь ее.

«Черт побери», – подумал Ингви, – «а не так уж и плохо, что тот ублюдок подстрелил меня на Иордане. Сколько бы еще месяцев я дожидался нашей встречи?»

Но тут же его посетила мысль, от которой он стал мрачнее тучи.

– Она вышла замуж за другого? Когда поняла, что я не вернусь.

– Я не знаю, – ответил Голос. – Ты сам спросишь у нее.

– А кто и почему меня убил?

– Этого я тоже не знаю. Видишь ли, благодаря информации из Архива, в принципе, можно было бы очень неплохо покопаться в мозгах каждого умершего. Ведь знание атомной конфигурации мозга позволяет нам, еще до воскрешения, создать его виртуальную модель... Можно залезть в воспоминания умершего и получить полную картину его жизни. Затем при помощи суперкомпьютеров сопоставить миллионы таких картин друг с другом – и тогда у нас в Архив-Службе были бы наготове ответы на все подобные вопросы... Но нам запрещено это делать из этических соображений. Ты же не хотел бы, чтобы так поковырялись в твоей личной жизни?

Ингви помотал головой.

– Ну так вот. Я даже понятия не имею, что это за Мирослава, о которой ты говоришь. Из воспоминаний умершего – из их виртуальной модели – мы извлекаем только имя и обстоятельства, при которых человек умер. Внешний облик реконструируется по виртуальной, еще не синтезированной, ДНК. Эти данные заблаговременно, за год до воскрешения, размещаются в Сети, и любой житель Ремотуса может найти там близкого ему человека. Затем желающие могут записаться на встречу с воскрешенным.

– Мирослава записалась или нет?! – закричал Ингви.

– Я не знаю. Отдел записи посетителей знает. Но встреча с посетителями будет уже через десять минут. Сам всех увидишь.

Тот, кого Ингви поначалу принял за самого Бога, оказался далеко не такой уж и всеведущей сущностью.

– А почему я тебя не вижу? Как тебя зовут?

– Я всего лишь один из работников Архив-Службы, общаюсь с тобой на расстоянии. Нам не положено сообщать о себе никакой личной информации. У тебя еще есть вопросы?

Ингви призадумался. Надо было как-то скоротать те десять минут, что отделяли его от встречи с неизвестностью.

– Какой сейчас год?

– 2809, – произнес Голос, видимо, не считая более необходимым каждый раз добавлять «от Рождества Христова». – 15-е сентября 2809 года. Если тебе интересно, то к реализации Проекта приступили пятьсот лет назад, первого января 2300 года. Ежегодно к жизни возвращали и продолжают возвращать по двести миллионов человек. Так что за эти пять веков, как нетрудно сосчитать, удалось воскресить сто миллиардов.

– Боже мой, откуда такие немислимые цифры?

– Ну, это в твои времена на всей Земле проживало всего четыреста миллионов. А уже в 19-м веке население планеты перевалило за миллиард и с тех пор только росло. В 22-м веке, когда люди перестали умирать и размножаться, на Земле было уже четырнадцать миллиардов. Собственно, основная часть воскрешенных – это те, кто жили и умерли в 20-м и 21-м веках.

– И на Ремотусе хватает места для ста миллиардов человек?

– Хватает. Но это почти предел. Для продолжения Проекта подготовлена еще одна планета. Умершие в 9-м веке окажутся уже там.

– А на каком языке мы с тобой сейчас говорим и откуда я его знаю? – без всякой логической связи спросил Ингви.

– Общий язык человечества, был создан искусственно в 23-м веке. Его не требуется учить, загружается в мозг во вре-

мя сна. В том числе – каждому воскрешенному. Чертовски удобная штука! Не представляю, что бы мы без нее делали.

– Какие на Ремотусе законы? – перепрыгнул Ингви к очередному вопросу.

– Гуманные, друг мой, гуманные, – засмеялся Голос. – Но ты не волнуйся: после встречи с посетителями тебя всё равно отсюда не выпустят, пока не пройдешь подробный инструктаж на эту тему.

– А что если я, – пришла вдруг в голову Ингви неожиданная мысль, – прямо сейчас залезу на это дерево и брошусь вниз головой? Ты, кажется, говорил о бессмертии. Преображенное тело и всё такое прочее.

– Ты разобьешься и умрешь. Но будешь вскоре воскрешен. Разумеется, только в этом смысле человек стал бессмертным – он неизбежно возвращается к жизни.

– А что если кто-то... не я, предположим, но кто-то другой... не хочет, чтобы его больше воскрешали?

– Это сложный вопрос, Ингви, – ушел от ответа Голос. – Я бы даже сказал, один из сложнейших вопросов, вставших перед человечеством с начала реализации Проекта. Может, я лучше успею ответить на что-нибудь попроще?

Ингви задумался на секунду-другую.

– Ну хорошо, – сказал он. – Как вы ведете войны, если всех убитых вскоре воскрешают?

– Никак. Когда в 22-м веке у людей появилась возможность жить вечно молодыми, никто еще и знать не знал про предстоящее воскрешение. Поэтому ценность человеческой жизни необычайно возросла, и войны прекратились. Подумай сам... – Голос помедлил, подыскивая для ошарашенного воина нужные слова. – Одно дело, когда ты знаешь, что всё равно умрешь через какие-то жалкие пятьдесят или семьдесят лет. Почему бы и не расстаться с жизнью чуть

пораньше? Ради чего-нибудь. Но когда у тебя есть перспектива полноценно, в нестареющем и неболеющем теле, наслаждаться жизнью бесконечно долго – миллионы и миллионы лет! – а к тебе подходят и говорят: отправляйся-ка завтра на войну... Можешь представить себе, куда народ «послал» таких правителей? Причем это сделали абсолютно все. И те народы, чьи правители мечтали развязать войну, и те, кто мог подвергнуться нападению. Воевать – да и вообще без крайней на то необходимости подвергать свою жизнь опасности – было уже никого не заставить.

– Но как же жизнь после смерти?!

– А что жизнь после смерти? Как оказалось, вера в нее у человечества была сильна лишь тогда, когда люди были смертны. Она играла, так сказать, психотерапевтическую функцию. Тысячелетие за тысячелетием. А кроме того... О, да ты ведь еще не знаешь! – воскликнул Голос. – Еще в 19-м веке ученые выяснили, что человек – это вообще-то не что иное, как проэволюционировавшая обезьяна.

Ингви уже давно перестал чему-либо удивляться, но на всякий случай переспросил:

– Обезьяна?

– Ага. Палеонтологические и генетические доказательства появились еще в 20-м веке. Но после изобретения путешествий в прошлое эта научная теория стала уже простым эмпирическим фактом. Летательные аппараты, засланные на миллион лет назад, два миллиона, пять миллионов и так далее, дали подробнейшие видеоотчеты о постепенном превращении обезьяны в человека.

Ингви даже не стал говорить: «Какие миллионы, если миру шесть тысяч лет?».

– Ну, если быть точным, – поправился Голос, – не обезьяна, а обезьяноподобное существо. Но это неважно. От

шимпанзе ты бы нашего с тобой пра-пра-пра-... и так очень много раз... прадеда вряд ли отличил бы. А этот наш предок, в свою очередь, развился из зверька, которого ты, скорее всего, принял бы за белку.

– Выходит, что в какой-то момент, – рассуждал Ингви вслух сам с собой, – Творец вложил в проэволюционировавшую обезьяну бессмертную душу. И тогда она стала человеком.

– Католическая церковь провозгласила это еще в 20-м веке... Теперь ты понимаешь? Никакие научные открытия и изобретения не способны опровергнуть христианскую веру. Даже если кажется, что они идут вразрез с тем, чему учили и во что верили тысячелетиями, просто изменяется толкование Библии. Однако после открытия животного происхождения человека – еще в 19-м веке – всё больше и больше людей переставали верить в присутствие в них некой «души». Они вообще переставали быть религиозными. До 22-го века такие люди оставались в подавляющем меньшинстве – хотя в отдельных странах, например, в твоей Дании, их было около половины. Но после обретения человечеством вечной молодости неверующих на Земле стало даже больше, чем верующих.

Неожиданно Ингви заулыбался:

– А у меня тогда есть вопрос.

– Задавай. До встречи с посетителями еще есть минуты.

– Целью этого вашего Проекта является воскрешение всех когда-либо живших людей, так?

– Так.

– Но если ученые не пользуются понятием «душа», то как вы определите, что цель Проекта достигнута? На какой именно «обезьяне» или, может быть, «полуобезьяне» вы остановитесь? Если Бог в один прекрасный день – пускай

даже миллион лет назад – стал вкладывать в животные тела бессмертные души, то тогда существует некий четкий момент появления первого в истории человека. Другой вопрос, как этот день вычислить... Но, по крайней мере, он есть. А вот если...

– Не продолжай, я понял, – ответил Голос. – Это действительно интересный вопрос. «Архивариус» был отправлен на двести тысяч лет назад. В случайно выбранный день. Люди, анатомически подобные нам, то есть Homo sapiens, появились в эту эпоху. Да, ты прав, рано или поздно человечеству придется абсолютно произвольно решить, на ком конкретно завершить Проект. Самим решить, кто станет нашим «Адамом».

– Но ведь он непременно будет тосковать по своим родителям! – запротестовал Ингви. – И потребует их воссоздания! Я бы, например, не хотел, чтобы остановились на мне.

– Хорошо, а первая обезьяна «с душой» не будет тосковать по матери, вскормившей ее?

– Ну-у-у, – протянул Ингви, – по-видимому, в тот момент, когда Творец вложил в нее бессмертную душу, она внезапно ощутила себя Дитём Божьим, а не животным.

– Что ж, – не стал спорить Голос, – многие здесь на Ремотусе верят, что так оно и было. Но если и ты из их числа, то тебе-то что переживать за такую обезьяну?

– Тоже верно.

– Я тебе могу даже больше сказать, – разоткровенничался Голос. – Помнишь, «Архивариус» мониторит мозг человека с рождения?

– И?

– Соответственно, нерожденных младенцев воскрешать тоже никто не собирается.

– Ничего себе!

– По крайней мере, согласно нынешнему Проекту. Кто знает, может, когда доберемся до этого «Адама», будет изыскан способ вернуть к жизни и миллиарды когда-либо существовавших эмбрионов? Чтобы потом вырастить их в лабораторных условиях.

Ингви был мрачен. Он напряженно думал о чем-то.

– Что такое? – спросил Голос. – У тебя был ребенок, умерший до рождения?

Ингви хмурил лоб и всё так же продолжал молча о чем-то думать.

– Можешь мне всё сказать, – продолжал любопытствовать Голос. – Через пару минут, когда ты уйдешь, я всё равно не буду помнить ни слова из того, что ты мне говорил.

– Как это?

– Таковы правила. Мне сотрут воспоминания о нашей беседе сразу после ее окончания. Как уже стирали много-много раз прежде. Это одно из условий работы в Архив-Службе. Человечество просто помешалось на тайне личной жизни, как это теперь называется.

– Ну хорошо. Просто дело в том, что я... – Ингви неожиданно для самого себя покраснел. – Я не знаю... Она вообще-то не должна была забеременеть после того случая в сарае. Мирослава, о которой я говорил. Но знать наверняка я этого не могу, понимаешь? На следующий день я был вынужден с ней разлучиться. И так и не смог вернуться из-за того ублюдка со стрелой.

– Понимаю.

– Я ведь совершенно ничего не знаю о том, что с ней было после моего отъезда! Может, у нее родился ребенок? Или она пошла к знахарке вытравливать плод. Сообщил ли ей вообще кто-нибудь о моей смерти? О Боже... может

быть... может быть, она всю свою жизнь думала, что я ее бросил!

Ингви зарыдал. К нему только сейчас начало приходить осознание всего произошедшего.

– Ну что ж, – ответил Голос. – В Сети, в разделе про воскрешения, год назад был размещен анонс: «Ингви, сын Аки. Датчанин. Погиб от руки неизвестного 15-го сентября 1017 года на Иордане, близ Иерусалима». И фотка твоей физиономии, реконструированной по ДНК. Так что теперь-то она в курсе.

– А если она не видела анонса?

– Гм... а кстати... не исключено, что ты вообще зря переживаешь. Откуда тебе знать, что она сама от чего-нибудь не умерла вскоре после твоего отъезда?

Ингви эта мысль еще не приходила в голову.

– В таком случае, – продолжал успокаивать Голос, – получается вообще идеальная ситуация. Никто ни по кому особо не страдал. А здесь на Ремотусе тебе долго ждать ее воскрешения не придется.

– С другой стороны, – попытался сам себя подбодрить Ингви, – через минуту меня могут встретить мои внуки и правнуки.

– Тоже неплохой вариант, – согласился Голос. – А теперь вставай. Пора.

Ингви поднялся со скамейки. От волнения у него тряслись ноги.

– Видишь ту калитку? Посреди дощатого забора. Иди к ней и открывай.

Ингви медленно, стараясь еще хоть немного потянуть время, поплелся туда.

– Удачи тебе, – сказал Голос ему в спину.

Пересохшими губами Ингви пробормотал что-то вроде «спасибо, и тебе того же» и влажной рукой взялся за ручку калитки.

Вздохнув, он потянул дверцу на себя.

ГЛАВА 6

– Вы там что с Денисом творите? – орет на меня шеф с экрана полицейского жетона.

За окном мелькают стены подземных туннелей, соединяющих остановку «Белый водопад» с наземным выходом возле энергостанции.

– Ингви, ты в своем уме? Гоняться за человеком на территории, находящей в юрисдикции чужого квартала!

– Как раз собирался предоставить тебе отчет, – оправдываюсь я. – Послушай, там у них на станции что-то не чисто. На энергостанции, где работал убитый Радислав. Иначе зачем бы ночной охранник стал убежать от полиции? А когда мы с Денисом его почти схватили на мосту, он прыгнул оттуда с высоты прямо в водопад! Ты когда-нибудь видел такое?

– Летальный исход?

– Пока не знаю. Денис был в андроиде, сразу бросился за ним. Может, еще удастся спасти. И поскорее вытрясти из него всё, что он скрывает!

– Вот уж нет. Никакого «вытрясти». Слышишь меня? Патруль Северного квартала уже едет туда, это их юрисдикция.

– Хорошо, хорошо, – успокаиваю я шефа, в тайне надеясь, что Денис уже выбивает из Олега всё, что нужно. – А я сейчас быстренько переговорю с ночным техником. Он в нашем квартале, в одном из клубов.

– Ладно, но чтобы после этого сразу в участок! Кто тут иначе на вызовы ездить будет, пока вы с Денисом херней страдаете?

– Вот только заеду на стадион за свидетелем, и вместе с ним прямиком в участок, – обещаю я.

– Что еще за свидетель?!

– Мужик видел предполагаемого убийцу Радислава. Вместе с сообщницей. Долго сейчас объяснять, но нет сомнений, что это были именно они.

– Хочешь извлечь из мозга зрительные образы?

– Ну да.

– И свидетель добровольно согласился?

– Ага, сознательный попался, – киваю я. – Вот только сразу не мог, к сожалению. Участвует завтра в рыцарском турнире на Олимпиаде, готовится сейчас на стадионе.

– Ну, так и быть, – соглашается шеф. – Вези его в участок. Но чтобы больше никакой самодеятельности, слышишь меня?

– Непременно! До связи, шеф.

Уже спустя пять минут эскалатор доставляет меня на поверхность, и я подбегаю к нашему припаркованному поблизости автомобилю. Денис всё еще сидит там с нейрошлемом на голове.

Забравшись внутрь, я на всякий случай еще раз проверяю актуальное местонахождение ночного техника. Убедившись, что он по-прежнему в клубе, сообщаю адрес бортовому компьютеру, и машина трогается с места.

Денис снимает шлем.

– Ну как он? Выжил?

Напарник мотает головой:

– Голова вдребезги разбита о подводные камни.

Денис так тяжело дышит, будто и в самом деле только что нырял в воду.

– Андроид ты прямо там бросил?

– Нет, конечно. Пришлось немного помятым добежать до синтезатора возле метро.

– Это правильно, молодец.

Автомобиль сворачивает с кольцевой и мчится по длинным городским магистралям.

– Слушай, Денис, ты не мог бы опять связаться со спутниковой службой? Уж не знаю, как тебе удалось получить разрешение на слежку вне нашей юрисдикции. Но сейчас нужно срочно выяснить, что этот охранник делал там возле Белого водопада до моего появления.

– А ты сначала не хочешь ни за что извиниться?

– Хмм, – задумываюсь я. – А, да. Прости, что спихнул тебя с перил. Но ты бы сам не прыгнул! Я же видел.

– Уже практически прыгал, – огрызается Денис. – Мне просто надо было рассчитать прыжок.

– Ну хорошо, хорошо. Я ведь уже извинился.

Вскоре на дисплее бортового компьютера появляется лицо девушки, кажущееся мне очень знакомым.

– Дорогая, – обращается к ней Денис, – это снова я. Еще одна ма-а-аленькая просьба!

Вспомнил. Однажды он притаскивал ее на какую-то вечеринку.

– Сначала пропадаешь на полгода и не отвечать на звонки, – чуть ли не плачет девушка с дисплея, – а теперь, как только тебе что-то понадобилось, так сразу «дорогая».

– Знаю, знаю, я свинья, – соглашается Денис. – Сегодня же вечером всё искуплю, вот увидишь. Обещаю! Но нам сейчас позарез нужны записи с того спутника. Можешь устроить? С девяти ноль ноль и до появления там моего

напарника. Все перемещения Олега на природе возле Белого водопада.

Девушка, едва заметно улыбнувшись, на мгновение исчезает с дисплея.

– Как это сегодня вечером? Ты про мой День рождения не забыл?

– Да тихо ты, – шепчет Денис. – Ничего я не забыл. Неужели ты думаешь, что я и правда с этой дурой опять встречаться буду?

И впрямь свинья.

Девушка появляется вновь.

– Ничего не понимаю, – взволнованно говорит она. – Этих записей нет! За любое другое время есть. Про другие территории есть. А этих нет!

Мы с Денисом переглядываемся. И похоже, что ни он, ни я сильно не удивлены.

– Ну, все равно спасибо, дорогая! Целую.

Когда бортовой дисплей гаснет, я замечаю, что автомобиль уже паркуется возле какого-то клуба.

– Приехали, Денис. Давай мы с тобой вот как сделаем. Я пойду переговорю с ночным техником. А ты за это время наведайся в квартиру Олега. Проведи обыск. Ты сегодня только одним андроидом пользовался?

– Одним.

– Вот и отлично. – Я выбираюсь наружу. – Сам я уже двух израсходовал, а у тебя, выходит, еще один остался. На третьего нам шеф фиг разрешение выдаст.

– Понял. Уже запрашиваю ордер, – произносит Денис перед тем, как я захопываю дверцу.

– Да, еще... – кричу я ему снаружи. – Скажи Филиппу про записи со спутника, окей?

Денис кивает, и я спускаюсь по ступенькам, ведущим в подвальное помещение.

Тяну на себя тяжелую входную дверь.

«Woah-oh-oh, sweet child o' mine...»

Мне кажется, что я оглох.

Как люди могут находиться здесь да еще и общаться друг с другом под такой рев, доносящийся со сцены?

Ночной техник полусидит-полулежит в окружении не очень большой, но очень развеселой компании, и эта кружка пива, стоящая перед ним на столе, ему уже явно лишняя.

– Виктор, – я подглядываю его имя в жетоне, – мне надо задать вам несколько вопросов. Пожалуйста, выйдите со мной на улицу.

– Офицер, – техник с трудом ворочает языком, – у меня нет секретов от друзей! Хотите пива? Принести офицеру пива! – орет он в сторону барной стойки.

– Нет, нет, благодарю вас, – машу я бармену, вопросительно смотрящему на нас.

Что ж, вытащить его на улицу в таком состоянии вряд ли удастся. Придется спросить прямо здесь.

– Скажите, пожалуйста, Виктор. Этой ночью на работе, в период с часа до двух, вы засыпали на пятнадцать минут?

Техник смотрит на меня, вытаращив глаза.

Не проходит и двух секунд, как вся его пьяная компания разражается дружным хохотом. Какая-то девица даже падает со стула. Техник, оставшийся все это время мрачнее тучи, вдруг тоже начинает хохотать вместе со всеми.

Но от моего внимания не ускользает, что получается у него это как-то не очень естественно.

Схватив Виктора за воротник, я бесцеремонно тащу его в сторону туалета.

– Что вы делаете? Какое... какое вы имеете право? – вопит он, пытаясь сопротивляться. – Я буду жаловаться!

В туалете, одной рукой держа его за шиворот, другой я затыкаю в раковине сливное отверстие резиновой пробкой и пускаю холодную воду. Как только раковина наполняется до краев, перекрываю кран и погружаю голову техника в раковину, изо всех сил удерживая ее под водой.

Тело неистово брыкается, а голова пускает со дна пузыри.

Наконец, опасаясь, как бы он всё-таки не захлебнулся, я ослабеваю хватку – и моя жертва падает на пол, производя один за другим судорожные вдохи.

– Скажите, пожалуйста, Виктор, – повторяю я свой вопрос, присев на корточки рядом с ним. – Этой ночью на работе, в период с часа до двух, вы засыпали на пятнадцать минут?

– Да... да, – хрипит техник и еще долго не может откашляться.

– Вы помните, когда точно это произошло?

– Естественно, помню. Как только понял, что задремал, – в ужасе вскочил и посмотрел на часы. Было без четверти два. Как долго проспал, не знаю. Ума не приложу, что со мной произошло! Раньше никогда такого не случалось. Нам строго запрещено спать во время смены!

– Ничего не скажу вашему начальству, – обещаю я. – Если и вы тоже... насчет того, что я вас...

– О, конечно, конечно, – радуется техник. – А можно поинтересоваться? С каких это пор полиции есть дело до того, что кто-то спит на работе?

– Всего доброго, Виктор, – уклоняюсь я от ответа и спешу поскорее убраться из омерзительного клуба.

Когда я еще поднимаюсь по ступенькам, жетон сигнализирует о входящем вызове.

Блин, ну чем он там опять не доволен?

– Ингви! Срочная информация! – говорит шеф. – Полиция тех кварталов Рима и Парижа, где тоже проблемы с мониторингом, только что обнаружила тела ночных техников. Ну, со своих энергостанций, ты понял. Со следами пыток. И у обоих отсутствуют правые кисти рук. Шефы тех полицейских участков теперь в одной рабочей группе со мной это расследуют.

– Передавай им, чтобы арестовывали ночных охранников.

– Да они уже в курсе. Я тебе что хочу сказать... Есть судебная санкция на принудительную доставку твоего свидетеля. Действуй и поживее!

Я смотрю на часы.

12:25.

– Уже выезжаем! Я с ним вообще-то и так договаривался на двенадцать сорок.

Денис стаскивает с головы нейрошлем, когда наш автомобиль уже мчится по шоссе в направлении городского стадиона.

– Ты будешь смеяться, Ингви.

– В чем дело?

– У него наркота в квартире.

– Какая еще наркота?!

– Какая-какая. Запрещенная. Тяжелый наркотик. В синтезаторе такое не закажешь.

– Выходит, он еще и наркоман...

– Выходит, он из-за этого бегал от нас. За хранение такой отравы как минимум год в подземном бункере Луны-3 све-

тит! Вот он, когда мы его прижали, психанул и прыгнул с моста.

– Ничего подобного, – возражаю я. – Мне ночной техник только что сознался, что дрыхнул на работе. Неожиданно для себя отрубился, а проснулся без четверти два. Ясно?

– А ты какой вопрос ему задал?

– Что значит какой? – не понимаю я, к чему он клонит. – Спросил напрямую. Засыпал ли он этой ночью на работе, в период с часа до двух, на пятнадцать минут.

– А вот теперь представь, – хихикает Денис, – ну, просто предположи на секунду, что он и есть их сообщник и что это он заказывал морфедон и усыпил охранника. Что ж, по-твоему, ему еще оставалось ответить? «Нет, это не я заснул, это тот, кого я усыпил, заснул»?

Мысль, что техник обвел меня вокруг пальца, никак не хочет укладываться в голове.

– С другой стороны, – пытаюсь я оправдываться, – одно другое не исключает. Почему бы ублюдкам, которые готовили убийство Радислава и проникновение на энергостанцию, не сговориться с работающим там наркоманом?

Денис продолжает противно хихикать.

Нда. Забавно, если в Риме и Париже сейчас происходят аресты ни в чем не повинных охранников...

Я делюсь с напарником свежей новостью от шефа.

– Что-нибудь еще интересное у него дома заметил? – меняю я тему.

– Больше ничего. В смысле, ничего противозаконного.

– А что-нибудь странное?

– Ну, насколько я тебя знаю, ты и киберприставку для Игры странной считаешь. У него валяется такая.

– То еще извращение, – соглашаюсь я. – А он от какого времени и места тащится? Не посмотрел?

– Посмотрел. Святая Земля начала 11-го века. Я даже сразу про тебя вспомнил... А к тебе, кстати, создатели Игры приходили? Просили вынуть из твоего мозга зрительные образы Иерусалима или Иордана того времени?

– Не-а, – мотаю я головой. – Для этого у них и без меня материала хватает. Меня они месяц назад уговаривали поделиться образами викингских набегов на Англию начала 11-го века.

– Это само собой, – говорит Денис. – Было бы даже странно, если бы к тебе не обратились... И как? Ты их послал куда подальше?

– Естественно. Не понимаю, в чем удовольствие сидеть днями напролет с киберприставкой на голове?

– О, это я тебе могу объяснить. Помнится, когда воскресили всех из конца 18-го и начала 19-го веков, то в Игре довольно быстро была создана киберреальность Наполеоновских войн. Я подумал: дай-ка попробую. В итоге... больше года безвылазно проторчал там! Отключался только чтобы поесть и в туалет сходить. Засасывает, Ингви. Ты даже не представляешь как!

– А в чем вся прелесть-то этой искусственной реальности?

– Видишь ли, здесь на Ремотусе от такой тихой и безмятежной жизни у людей со временем крыша начинает ехать. Вот мы с тобой в полиции служим. У нас хоть какой-то драйв и адреналин в повседневной жизни встречается...

– Сегодня особенно.

– А у других? У ста миллиардов других? Ни войн тебе, ни страха быть ограбленным и избитым, ни боязни заболеть, ни риска остаться без крыши над головой. Видимо, так уж устроен человек, так уж его мозг эволюционировал в условиях постоянного стресса, что от райской жизни он со вре-

менем... – Денис крутит пальцем у виска. – Вот и было найдено решение. В Игре ты уже через час начинаешь ощущать всё происходящее вокруг тебя абсолютно реальным, понимаешь? В тебя стреляют, ты от кого-то спасаешься бегством, ты абсолютно ясно осознаёшь, что вот-вот можешь умереть. Сердце колотится как ненормальное! Это словно сеансы психотерапии, после которых возвращаешься к обычной реальности – и можешь худо-бедно выносить ее еще какое-то время. До очередного погружения в Игру.

– Всё равно извращение. Уж лучше тогда как наш рыцарь... Кстати, мы уже почти приехали.

Вдали виднеется разноцветное здание городского стадиона.

– Я пока его там в андроиде дожидался, – продолжаю я мысль, – посмотрел немного на тренировки. Представляешь, несется он верхом на коне – весь в латах, конь тоже в латах, в одной руке копьё, в другой щит. А навстречу ему такой же точно чудик на коне скачет. И хрясть друг друга острием копья! Оба с коней рухнули и встать сами не могут. Ждут, пока их на ноги поставят. Я тогда, собственно, и подбежал к нему, спросил быстренько, не видел ли он ночью того лысого типа в подъезде своего дома... Вот это адреналин так адреналин! А если ему острием копья в смотровую щель на шлеме попадут? Я, конечно, понимаю, что новый глаз в тот же день вырастят из стволовых клеток. Но представь, каково это – получить копьем себе в глаз! И не в какой-то там киберреальности, а вот прямо так.

– На Руси же вроде рыцарей не было.

– Я его спросил, он сам вообще из 21-го века. Но увлекся, говорит, этим историческим спортом. А завтра, когда на Олимпиаде будет день рыцарских турниров, ему предстоит сразиться, среди прочего, с настоящими испанскими, немец-

кими и какими-то там еще рыцарями, жившими в Средние века. Для него это огромная честь, говорит. Поэтому так тщательно тренируется. Сильно извинялся, что не может прямо немедленно всё бросить и поехать со мной в участок.

– А лыжница что? – интернируется Денис. – Ты, когда нейрошлем снял, сказал только, что рыцарь встретил в подъезде усатого типа с рыжеволосой девицей и услышал, о чем они спорили. А потом ты сразу дал автомобилю команду ехать на энергостанцию.

– Лыжница никого не встречала, – вздыхаю я. – Ни в подъезде, ни в лифте, ни в коридоре. Зря я с нее начал. Как думаешь, она сейчас себе за Полярным кругом физиономию отмораживает тоже ради адреналина?

– Не себе, андроиду.

– Знаешь ли, – не соглашаюсь я, – пока я там от атомного синтезатора до горного склона прошелся, а потом еще и обратно, то ощущение было точь-в-точь, будто у меня самого с лица кожу содрали. Я даже, когда шлем снял, в зеркало посмотрелся.

– Ну, ощущения-то все в голове. Так что неудивительно. А насчет адреналина... Ты в курсе, что одно время люди тут на Ремотусе в поисках острых ощущений стали массово совершать самоубийства?

– Правда? Не слышал такого.

– Это давно уже было. В первые десятилетия Проекта. Чего только не вытворяли! Кто-то с крыши небоскреба прыгал, кто-то на шоссе выбегал прямо перед несущимся грузовиком. И всех их потом раз за разом Архив-Службе воскрешать приходилось. Из-за этого и был в итоге принят закон, предусматривающий за самоубийство уголовную ответственность.

– Ясно.

– С тех пор стали заказывать себе андроида и в нем с небоскреба прыгать. Ощущения, как говорят, абсолютно те же, а ответственность только административная. За порчу брусчатки и хулиганство. Ну, надо постараться, конечно, на голову кому-нибудь не приземлиться, а то будет еще и статья за непредумышленное убийство.

– Мне один раз такой идиот чуть было на голову не свалился. Буквально в метре справа рухнул.

– Вот видишь, – говорит Денис. – А ты еще спрашиваешь, зачем Игра. Затем, чтобы такие идиоты нам на голову не падали.

Автомобиль уже подыскивает себе место для парковки возле стадиона.

В это время из моего жетона возникает взъерошенная голова Филиппа.

– Данные мониторинга никто не стирал! – вырывается у него одним залпом. – Взлом системы был произведен ровно в час ночи, и ведение записи отключено до двух. То есть запись изначально не велась.

– И что из этого? – не понимает Денис.

– А то, что со спутниковой службой ситуация совсем иная. Ровно в тот момент, когда вы обратились к ним, произошел взлом и записи были моментально стерты. Сами подумайте: почему бы преступникам не взломать спутниковую службу заблаговременно и просто не отключить ведение записи? Технически это делается абсолютно так же, как и с мониторингом. А кроме того, китайцы говорят, что сбой с их компьютерами...

– Да, криминалист нам говорила, – перебиваю я, вспоминая. – Сбой произошел сразу после того, как мы с Денисом вызвали ее на место происшествия.

– Выходит, – до Дениса тоже начинает доходить, – преступники следят за нами?

– Следят и принимают меры, – кивает Филипп, теребя бороду. – Возможно, они не предполагали, что кто-то так рано обнаружит тело техника в Москве. В Париже и Риме тела техников были обнаружены только после того, как прошло больше часа с начала их смены. А из-за того, что у них там время на два часа раньше, это произошло всего пятнадцать минут назад... В качестве жертв были выбраны одинокие мужчины, которых никто сразу не спохватится. Но поскольку квартира Радислава была напичкана домашними камерами, его сожительница – хоть и не находилась там – видела, что он не подает признаков жизни под одеялом. Обратясь так рано в полицию, она, я думаю, нарушила им все планы.

– Какие еще к черту планы? – восклицаю я. – Мы же с Денисом были на энергостанции. Главный техник четко сказал, что там ничего не пропало.

О Боже.

Неприятная догадка...

Нет. Не может быть, чтобы и главный техник был с ними заодно.

– Откуда я знаю, какие планы? – сердится Филипп. – Как бы то ни было, за вашими с Денисом действиями они внимательно следят. Учтите это. Как только доставите в участок свидетеля, дайте мне проверить свои жетоны. Теоретически возможно, что они дистанционно подсосались к жетонам и ведут прослушку.

На этой радостной ноте Филипп оставляет нас.

– Не понимаю, – Денис вылезает из автомобиля, с опаской косясь на свой жетон, – как мог какой-то час-полтора нарушить им планы? Предположим, мы бы вообще только

сейчас – как в Париже и Риме – обнаружили тело Радислава и вызвали криминалиста... То же самое сделали бы коллеги из других двух городов... И там у себя в Китайском Штате криминалисты за десять минут восстановили бы по ДНК физиономии всех трех убийц. И что? Этого они не опасались? Но почему-то опасались, что хотя бы один из них будет арестован чуть ранее?

– Ну... – Я тоже с опаской посматриваю на жетон, запирая им дверцу автомобиля снаружи. – Быть может, за это время они рассчитывали все вместе дружно телепортироваться на Землю?

– И что? Там их по запросу Ремотуса не арестуют столь же неотвратно? И почему еще ночью было не сбежать на Землю?

– Или же, – посещает меня очередная догадка, – планировалось в тот момент, когда китайцы запустят программу по геномной реконструкции, незаметно подсосаться к их компьютерам и выдать ложную картинку? Но нужен был еще часик-другой для этого. Поняли, что из-за нас не успеют – и решили действовать нахрапом. Просто грохнули китайцам всю программу.

Пока мы с Денисом добираемся до главного входа на стадион, где свидетель должен ждать нас, я успеваю высказать еще с десятков версий на эту тему.

– Всё, замолчи! Голова сейчас лопнет, – умоляет Денис. – Ты только подумай, как они там сейчас... – он показывает на жетон, – ржут над твоими гениальными версиями.

Рыцарь, как мы и договаривались, стоит возле ступенек. Непривычно видеть его без всей этой груды металла.

– Подбросите потом обратно? – просит он первым делом. – Тренер меня чуть не убил, когда узнал. Говорит, мне еще отработывать и отработывать удар, времени в обрез.

– Не волнуйтесь, – отвечаю я. – Вся процедура займет от силы пять минут. Затем лично отвезу вас обратно на стадион. Пойдем.

– А эта процедура, – беспокоится он, пока мы идем к машине, – не вызовет головокружений или каких-нибудь нарушений моторики?

– Ну что вы? – подключается к успокаиванию Денис. – После извлечения из мозга зрительных образов свидетели всегда без малейших осложнений возвращаются к обычным занятиям. Как-то раз срочно доставили к нам в участок хирурга, прямо из операционной. И ничего. Скальпель у него потом в руках не дрожал. Не жаловался.

Успокоенный, как мне показалось, свидетель садится на заднее сидение, и мы трогаемся.

На эстакаде прямо перед нами еле тащится пассажирский автобус. Наш автомобиль начинает обгон слева.

Я рассеянно смотрю на лица пассажиров автобуса, уставившиеся на экраны своих имплантов. Впереди салона, держась за поручень, стоит мужчина, чье лицо...

Я помню его!

Это же тот самый вандал, который испоганил зеркальную стену небоскреба надписью «АРХИВАРИУС – ЧАДО САТАНЫ!» Я арестовал его прямо у него в квартире. И квартира эта...

Да-да, он живет здесь неподалеку. Его дом возвышается возле автобусной остановки перед эстакадой, мы ее только что проехали.

Интересно, надолго ли мы отбили у него желание разукрашивать стены религиозными граффити? В тот раз фанатик отделался небольшим штрафом, но если вновь вытворит что-нибудь подобное, то не досчитается на своем счету уже нескольких тысяч ремо.

Вандал встречается со мной взглядом.

Пристально посмотрев на меня пару секунд, он... черт, что это он делает?!.. он разрывает у себя на груди рубашку.

Наш автомобиль, обогнав автобус, пристраивается спереди.

Я оборачиваюсь, чтобы и дальше понаблюдать за ненормальным. Денис и свидетель, заметив мои ерзания, тоже оборачиваются. Через лобовое стекло автобуса, не имеющего водителя, нам троим хорошо видно, как мужчина, разорвав рубашку, нащупывает у себя что-то в районе сердца. И делает резкое движение...

Фонтан крови, вырываясь у него из груди, забрызгивает всё лобовое стекло.

В тот же момент автобус делает необъяснимый рывок вперед и ударяет нашу машину.

Я больно впечатываюсь в спинку сидения, но уже в следующий момент автомобиль начинает вертеться и швыряет нас троих по салону из угла в угол.

Вскоре автомобиль переворачивается и делает кувырок за кувырком.

Словно оказавшись в невесомости, мы с Денисом и свидетелем летаем по салону, сталкиваясь друг с другом лбами и не в силах ничего поделать.

В глазах у меня темнеет, а в голове проносится мысль, что ведь мы находимся на самой высокой точке эстакады – и лишь мгновения отделяют нас от падения с моста на проносящиеся где-то там далеко внизу автомобили.

Немыслимая боль раздается в левом плече, и я теряю сознание.

ГЛАВА 7

– Офицер, вы меня слышите?

Женский голос заставляет меня открыть глаза.

– Отлично, офицер, – продолжает девушка, одетая в форму врача скорой помощи. – Я сейчас отвезу вас в больницу, вам надо долечиться.

Выходит, я не умер. Это хорошая новость.

– Что с другими? – спрашиваю я, не увидев в салоне скорой помощи больше никого.

– С кем?

– В полицейском автомобиле, кроме меня, были еще двое.

– Не знаю, – пожимает плечами врач. – К упавшему с эстакады автомобилю выехала другая скорая. А мы, команда из пяти машин, были вызваны к автобусу. Четыре уже увозят раненых пассажиров в больницу, вы находитесь в пятой. По всей видимости, перед падением полицейского автомобиля вас выбросило наружу. Вас нашли лежащим без сознания у самого края моста. Наверно, оторванная рука осталась в автомобиле.

– Что?!

Я вскакиваю на носилках.левой руки действительно нет. От самого плеча.

– Вы только не волнуйтесь. – Девушка предпринимает попытки уложить меня обратно. – Как только приедем в больницу, сразу отрастим вам новую руку. Здесь в скорой для этого нет необходимого оборудования. Я только остановила кровотечение и вколола обезболивающее. Ну, еще заживила, конечно же, ваши бесчисленные переломы и гематомы.

– Мне нужно срочно увидеть остальных, – отталкиваю я ее и выскакиваю из машины.

– Вы отказываетесь от госпитализации?!

– Да-да, отказываюсь. Езжайте. Будет минутка, заскочу за новой рукой. Спасибо!

Я подбегаю к ограждению, в котором зияет внушительное отверстие, и смотрю вниз.

Возле нашего раскоряченного автомобиля еще дежурит скорая.

– Погодите! – кричу я, осознав, что жетон остался в оторванной руке, а без него мне не так-то просто будет тормознуть на эстакаде чей-нибудь автомобиль.

– Я рада, что вы передумали, – отвечает девушка.

– Да нет. Подвезите меня, пожалуйста, к месту падения. Это очень важно.

Спустя пару минут возле разбившегося полицейского автомобиля оказываются уже две скорые.

– Огромное спасибо! – говорю я, вылезая наружу. – Обязательно забегу к вам за рукой!

Заглянув в скорую, снова одиноко стоящую возле груды металлолома, я вижу то, что и следовало ожидать. Денис и свидетель лежат там накрытые с головой.

– Вы случайно не находили моей руки? – спрашиваю я у пристально разглядывающего меня врача.

– Так это, значит, ваше. – Он достает из контейнера со льдом руку в синем полицейском рукаве. – Пришить ее прямо сейчас, к сожалению, не смогу. Мы это делаем в больнице. Но, если хотите, можем отрастить вам там новую.

– Архив-Службу вызвали?

– Разумеется. Как только констатировал смерть. Вот, ожидаюсь их тут, чтобы передать тела. А вас, значит, выбросило из машины еще наверху? Я так сразу и подумал, когда

обнаружил эту руку, зажатую между сидением и окном. Но я и представить себе не мог, что вы живы.

В руке, которую врач уже собрался класть обратно в контейнер, раздаётся входящий вызов.

Я выхватываю ее.

– Ингви! – восклицает шеф, появившийся из жетона. – Рад, что ты жив. Ты почему отказался от госпитализации? Я всё сейчас видел по мониторингу. Что ты там еще надумал?

– Скажи мне лучше... что это было? – Я подхожу к обломкам автомобиля. – Почему автобус ударил нас? Да еще и сразу после того, как тот чокнутый что-то с собой сделал. Ты уже просмотрел всё это в записи?

– Просмотрел. На этот раз с записями всё в порядке. Это был андроид того вандала-фанатика. Как обычно, от андроида исходил сигнал, и по сигналу мы установили, что управлял андроидом сам вандал, не кто-то иной.

– Хорошо, но что он с собой сделал?

– Он вырвал из себя то, что андроидам заменяет сердце. Я в этом сам, если честно, не очень силен, – смущенно признается шеф. – У них там в роли сердца какой-то источник питания. Короче, его он и выдрал. И перед тем, как вырубиться, направил его на бортовой компьютер автобуса.

– И это вызвало резкое прибавление скорости?

– Да. Буквально на секунду. Автобус здорово толкнул вас и сразу остановился. Бортовой компьютер сгорел к чертям собачьим.

– Ты с таким раньше сталкивался? – недоумеваю я. – В смысле, чтобы андроид вырывал у себя этот чертов источник питания? Да еще и выводил из строя технику таким способом?

– Нет, впервые такое вижу.

– Где он сейчас? Этот ненормальный. Ты уже выслал патруль арестовывать его?

– Ингви, о нем не беспокойся. Ты бы лучше скорее в больницу ехал. Тот идиот, выйдя из своей квартиры, направился на крышу своего небоскреба. Он там молится.

– Молится?

– Вот именно. Всё это время. Бежать никуда не собирается. Я уверен, что с делом, которое вы с Денисом расследовали, это никак не связано. Да, свидетель погиб, но... Это совпадение. Подумай сам: до этого нам не оставляли записей, так? А сейчас они есть. Почему бы преступникам вновь не стереть их?

Я пожимаю плечами.

– Просто этот псих увидел тебя, – без капли сомнения в голосе продолжает шеф, – что-то у него в голове переклинило, и вот имеем то, что имеем. Пошлю арестовывать его, как только у нас появятся свободные руки. Сейчас тут не до него, честное слово. А ты немедленно в больницу, слышишь? Это приказ!

– Так точно, – отвечаю я, и грозное лицо шефа исчезает с жетона.

Ну уж нет. Совпадение. Ха!

Я снова заглядываю в скорую.

– Держите, – протягиваю я скучающему врачу свою оторванную руку. – Заеду за ней в больницу чуть позже.

Если Филипп прав, то от жетона всё равно сейчас больше неприятностей, чем пользы.

Я несусь на своих двух вдоль трассы к ближайшему небоскребу. Там на крыше, если не опоздаю, вытрясу из этого ненормального всю его дурь.

Но... Как же я это сделаю? Тогда в клубе я освежил ночного техника в раковине с водой. А что я смогу сделать на крыше, да еще и одной единственной рукой?

Перед подъездом, сверкая в лучах солнца своим серебристым корпусом, стоит атомный синтезатор...

Есть идея!

– Рулон скотча, – прикладываю я руку к его оранжевому диску. – И веревку длиной один метр.

Да, пожалуй, метра будет достаточно.

Только бы не опоздать...

Расплатившись с синтезатором, я забираю из его чрева заказ и несусь к входной двери.

Вскоре, поднявшись на лифте до самого верха, ступаю на плоскую крышу, покрытую мраморной плиткой. Повесив веревку себе на шею и взяв скотч в зубы, освободившейся рукой достаю парализующий пистолет.

Вандал еще здесь. Спиной ко мне, он стоит на коленях у самого края крыши возле решетчатого ограждения и, что-то бормоча, время от времени поднимает руки к небу.

Я подкрадываюсь поближе. К счастью, больше на крыше никого не видать. Значит, план сработает...

Ничего не говоря, я всаживаю ему в спину парализующий разряд. Обездвиженное тело тотчас растягивается вдоль решетки. Я кладу пистолет на плитку из искусственного мрамора.

– Здравствуй, голубчик, – говорю я ему, обматывая ноги и руки скотчем.

Голубчик смотрит на меня широко открытыми глазами, но не может промолвить ни слова.

– Да-да, я знаю. Ты сейчас не можешь шевелить языком. Но очень скоро сможешь, не переживай.

Я делаю из веревки петлю и накидываю ее ему на шею. Свободный конец привязываю к ограждению. Не так-то просто смастерить надежный узел одной рукой, но в итоге у меня получается.

Затянув петлю на шее покрепче, я снова беру в руку парализатор. Нажатием на кнопку возле спускового курка привожу оружие в режим анти-парализатора. И снова делаю выстрел.

– Что тебе от меня надо? – кричит он, извиваясь всем телом, словно змея.

Впрочем, вскоре он прекращает дрыгаться, так как из-за этого петля лишь сильнее врезается ему в горло.

– Расслабь петлю, не могу дышать, – хрипит он.

Я делаю петлю посвободней.

– Итак, – говорю я. – Для чего у техника энергостанции была отрезана кисть руки с имплантом и что у него выведывали посредством пыток?

– Я ничего об этом не знаю. Впервые слышу. При чем тут я? Я требую немедленно развязать меня! Слышишь?

Ну что ж...

Вандал всё такой же худенький, каким был во время нашей последней встречи. Весит, при его маленьком росте, не больше шестидесяти килограммов. Следовательно, переходим ко второй части плана...

Ограждение вдоль края крыши достает мне до пояса. Я хватаю вандала за ремень на брюках и, помогая себе коленом, затаскиваю его на решетку.

– Что ты делаешь?!

Я сталкиваю его вниз.

Узел выдерживает, и вандал болтается, подвешенный за шею, в километре над землей.

Подождав пару секунд, я затаскиваю его обратно. При этом чуть было сам не сваливаюсь с крыши – но в последний момент успеваю вставить ногу между металлических прутьев решетки.

Вандал еще долго не может отдышаться. Наконец, он с трудом произносит:

– Я скажу всё, что ты хочешь! Но я правда ничего не знаю ни про какого техника.

Вот это да.

Их там что, ни во что не посвящают? Сказали убрать свидетеля – и убрал?

– Ну, хорошо, – отвечаю я. – Кто отдал тебе приказ убить меня с напарником и нашего свидетеля?

– Да ты что, совсем сдурел? Когда это я пытался тебя убить или вообще хоть кого-то убить?! Я христианин! Ты понимаешь, что это значит? Я не могу даже желать зла ближнему своему. Не то что убить!

Твою мать. Не думал, что придется всё повторить.

Я снова затаскиваю его на ограждение.

Вандал неистово отбрыкивается и даже ухитряется уку-
сить меня.

– Учти, – предупреждаю я. – Сил у меня уже поубавилось. На этот раз может и не получится вытащить тебя. За-
ранее извиняюсь, если что.

– Нет, нет, нет, не надо! – орет он, обезумев от ужаса.

– Что такое? Ты мне хочешь что-то рассказать?

– Когда тебя хотели убить? Только не бросай меня вниз, не бросай, дослушай. Когда? Может, у меня есть алиби? Я же точно знаю, что это был не я!

Нда. Еще не видел, чтобы человек в такой ситуации про-
должал врать.

Может, ему свои же мозг обработали? Тогда он вообще-то может и не помнить, что совершил.

– Алиби у тебя нет, – вздыхаю я. – Полиция засекла сигнал от андроида. Им управлял ты, пока был дома.

– Что?! Я никогда не имел дела с андроидами! У меня нет дома нейрошлема, можешь сходить проверить! У нас в церкви строжайше запрещено пользоваться этими сатанинскими штучками!

Господи, ну что мне с ним делать? Дома, увидев шлем, скажет, что не его. Подбросили, мол. И самое ужасное, что и правда будет в это верить.

Отвезти его в участок для изъятия из мозга зрительных образов? Вместо погибшего свидетеля... Но ведь если ему стерли воспоминания, то и нужных нам зрительных образов, скорее всего, не осталось.

– Оставь его в покое, – раздается у меня за спиной знакомый бас.

Я оборачиваюсь.

– Шеф? Что ты здесь делаешь?

Но уже и сам понимаю, что шеф, конечно же, проверил по системе мониторинга, по-прежнему ли молится на крыше этот псих, и увидел, что я тут вытворяю. Вот и примчался.

Наверно, это андроид? Физически он бы так быстро от участка не добрался.

– Ты, надеюсь, не арестовывать меня пришел за превышение должностных полномочий? – пытаюсь я пошутить, аккуратно ставя вандала на ноги и отвязывая веревку от решетки.

Судя по лицу шефа, ему сейчас не до шуток.

– Ингви, сдай мне свое оружие.

– Да ладно тебе! Я же всего-навсего...

– Это приказ, – обрывает он и протягивает руку ладонью вверх.

Я отдаю ему пистолет.

– Жетон сдать не могу, уж извини.

Внезапно шеф направляет полученный пистолет на меня и нажимает на курок.

«Да что ж ты делаешь?», – хочу я сказать, но язык уже не повинуется.

– Вот это правильно! – ликует вандал, когда я падаю возле его ног. – Ваш подчиненный совершенно сошел с ума. От него что угодно можно было ожидать! Хорошо, что вы его парализовали.

Задумчиво посмотрев на всё еще обмотанного скотчем вандала, шеф хватает его за шею и одним мощным рывком перебрасывает через ограждение.

Если бы я не был нем от парализатора, то, наверное, онемел бы от удивления.

– Ингви, ты все время мешаешься у нас под ногами. Сначала тебе приспичило искать свидетелей вместо того, чтобы спокойно вернуться в участок и выезжать по рутинным вызовам. Инициативный какой! Потом понесли тебя черти на энергостанцию, где Денис вынюхал про морфедон – а ты, уж конечно, не мог не потащиться к Белому водопаду за охранником... Мы, конечно, тоже лопухнулись. Кто ж теряет маску на месте преступления? Да и пришло же в голову этому идиоту Олегу заказывать морфедон прямо на станции. Других синтезаторов для этого что ли нету?

Андроид шефа хватает меня и, повернув лицом к ограждению, с легкостью поднимает над головой.

– Но если бы не ты, – он подходит вплотную к открывающейся перед взором бездне, – наши промахи так и остались бы лишь досадным недоразумением. Прощай, Ингви.

Сказав это, шеф падает как подкошенный.

Я валюсь на него сверху.

– Как я рад, что успел, – слышу я у себя за спиной всё тот же хорошо знакомый бас.

В меня тут же влетает порция анти-парализатора, и, развернувшись, я вижу перед собой шефа.

Еще одного.

– Боялся, что не успею, – продолжает он. – Ну и шоу ты тут устроил! Мы с Филиппом смотрели по мониторингу и даже не знали, верить вандалу или нет. Я уверял, что невозможно подделать исходящий от андроида сигнал. Но когда увидел себя вбегающего на крышу..! – Шеф улыбается. Кажется, впервые за этот день. – А по сигналу было видно, будто это я им управляю в нейрошлеме! Короче, я немедленно надел нейрошлем и пустился вслед за ним.

– Выходит, – говорю я, поднимаясь с лже-шефа и забирая у него свое оружие, – теперь, наблюдая по мониторингу за андроидом, мы вообще не знаем, кто за ним стоит? Может, тот, о котором извещает сигнал, а может, кто-то другой?

Шеф кивает:

– Филиппу скоро доставят андроида, устроившего вашу с Денисом аварию. Хочет в нем поковыряться. Может, поймет, каким образом они подсосались к передатчику, издающему сигнал? А этого, – шеф с любопытством разглядывает своего близнеца, – давай-ка отнесем с тобой в ближайший синтезатор. Который у подъезда.

– Подожди. В квартиру вандала заглянем?

– Зачем?

– Ну, вдруг андроидом в автобусе управлял всё-таки он? А память об этом у него стерта. Ну, или не сумел я расколоть его? Тогда Филиппу для осмотра потребуется именно этот экземпляр. – Я пинаю лежащую копию шефа.

Поразмыслив, шеф соглашается и запрашивает ордер.

Затем мы вдвоем, за руки за ноги, уволакиваем обездвиженного андроида с крыши.

Как хорошо, что разработчики стандартного полицейского парализатора додумались сделать в нем переключатель для поражения нервной системы андроида. Палить по этим биороботам в обычном режиме – всё равно что пытаться парализовать слона плевком.

– Кладем его, – говорит шеф, когда мы оказываемся перед квартирой вандала.

Дверная панель, отреагировав на жетон с ордером, немедленно скрывается в стене, и мы заходим внутрь.

Перевернув всё вверх дном, увы, так и не находим нейрошлема.

– Может, он его уничтожил вот здесь? – Я направляюсь к стоящему в углу атомному синтезатору.

Однако список последних операций дает отрицательный ответ.

– Я же тебе говорил, Ингви... – Шеф отчитывает меня, запирая жетоном дверь снаружи. – Ну какое отношение этот блаженный может иметь к убийствам? Взять баллончик и отправиться героически портить стены душеспасительными надписями – это да. Но убийства... Вот почему ты меня тогда не послушал? Понесся зачем-то арестовывать его.

– Но я был прав насчет аварии на дороге! А ты: совпадение, совпадение, – передразниваю я его низкий голос.

– Откуда ж я знал, что отныне, видя андроида, не знаешь, кто на самом деле им управляет?

Я с опаской поглядываю на шефа.

Нет. Не становить параноиком, Ингви. Если это кто-то из них, то зачем ему спасать меня там на крыше?

Или...

Хочет что-то выведать?

Не долго думая, я достаю пистолет и, мгновенно приведя переключатель в нужное положение, выстреливаю шефу в грудь.

Как только передо мной оказываются два парализованных близнеца-андроида, лежащих друг на друге, я спешно связываюсь с Филиппом по импланту.

– Слушай, шеф действительно надел нейрошлем и побежал за мной на крышу?

– Ну да. Вот сейчас, буквально только что, снял шлем и почему-то матерится на весь участок.

– Окей, спасибо. Скажи ему, чтобы надевал обратно.

Доза анти-парализатора приводит лежащего сверху андроида в норму.

– Извини, надо было проверить, – объясняю я прежде, чем он успеет разразиться проклятьями.

Всю дорогу до уличного синтезатора – пока мы тащим андроида по коридору, спускаемся в лифте и выволакиваем его из подъезда – шеф не говорит ни слова.

Затолкнув своего двойника в синтезатор, он зачем-то вызывает такси.

– Вот что, Ингви. На этот раз я прослежу, чтобы ты поехал в больницу. Нельзя вот так вот разгуливать с оторванной рукой. Да и нервы у тебя, я смотрю, ни к черту. Пока руку будут пришивать, полежишь у них полчаса, отдохнешь.

– А ты что планируешь в это время делать?

– Через пятнадцать минут Архив-Служба воскресит Радислава. Я уже вызвал подкрепление. Десять полицейских, наши и от других кварталов, встретят его у здания Архив-Службы и доставят к нам в участок. Тщательно расспросим его обо всем по порядку. Что у него выведывали? Знаком ли

он с этим человеком? Ну и так далее. Если что-то видел, то и картинку из мозга вынем. Да ты не беспокойся, Ингви. Может, еще и сам успеешь поучаствовать, когда подлечишься.

– Выходит, всё будет так, как если бы я ничего не предпринимал...

– Что ты имеешь в виду?

– Здесь что-то не так. Ведь если бы, проводив утром криминалиста обратно до уличного синтезатора, – рассуждаю я вслух скорее сам с собой, чем с шефом, – мы бы с Денисом вернулись в участок и разъезжали по обычным бессмысленным вызовам вроде пьяных драк, то что бы произошло? Ровно то же самое, что и сейчас. Ты бы дождался воскрешения убитого и обо всем его расспросил...

– Ну да.

– У меня такое чувство, что именно это их и устраивало. Ведь ночной охранник, которого мы чуть было не схватили, предпочел смерть – лишь бы мы у него что-то не вывели.

– Ингви, перестань. А вот и твое такси! Тебе просто надо отдохнуть. Когда воскресят этого охранника, Олега или как там его... выведешь у него всё сам лично, обещаю.

Я покорно сажусь в машину, и шеф захлопывает за мной дверцу.

– И чтоб больше без фокусов! – погрозив мне пальцем, он исчезает в атомном синтезаторе вслед за своей подделкой.

Пока такси мчится по городским магистралям, я решаю послушать новости.

Что там с этим повторным запуском «Архивариуса»? Не перенесли, надеюсь? Иначе Мирослава рискует не успеть из Рима к нам на вечеринку.

– Министр энергетики правительства Ремотуса, – взволнованно сообщает диктор, – был час назад убит в Токио во время экстренно созванной им пресс-конференции.

Я делаю погромче.

– Находясь в Японском Штате с рабочим визитом, министр внезапно созвал конференцию, на которой успел сообщить журналистам о том, что ему только что стало известно о двух случаях пропажи полностью заряженных батарей. По словам министра, батареи, предназначенные для энергостанций Сиднея и Берлина, пропали еще полгода назад во время их транспортировки и так и не были найдены. Сразу после этих слов в зал, где происходила пресс-конференция, вбежал британский журналист с ножом и, напав на министра, перерезал ему горло. Полиция Токио, задержавшая убийцу, сообщила нам, что это был андроид. Управлявший им человек практически сразу же был арестован полицией Лондона в его квартире. К огромному удивлению допрашивающих его офицеров он категорически отрицает свою причастность к преступлению и заявляет, что во время инцидента смотрел у себя в квартире спортивную трансляцию, а о случившемся узнал от ворвавшихся к нему полицейских.

Затем следует сюжет о новых мировых рекордах, установленных на Олимпиаде.

– Выключить, – команду я.

Шеф сказал бы, что совпадение.

Две батареи пропали и не были найдены. Сегодня убиты техники с трех энергостанций. А для изготовления чудовищного оружия, которое запросто отправит Ремотус в небытие, требуется как раз пять батарей.

И наверно, шеф был бы прав. Ведь мы с Денисом своими глазами видели резервную батарею.

Стоп. А что мы с ним, собственно, видели? Главный техник показал нам какой-то ящик – но откуда ж мы знаем, как выглядит заряженная батарея, а как разряженная?

Кстати... а куда деваются отработанные, разряженные батареи после того, как их заменяют привезенными резервными? Этого мы с Денисом, естественно, не догадались спросить.

Что если... главный техник показал нам какую-нибудь старую разряженную батарею? А привезенная резервная сейчас уже...

– Изменить маршрут! – воплю я сам не свой. – Ехать к Архив-Службе.

Без Радислава мне не обойтись. Только ему я могу доверить осмотр того чертового ящичка и вынесение профессионального вердикта. Если это и впрямь окажется резервной батареей – то пусть я параноик и пусть шеф меня увольняет. Наплевать.

Но... как же я доставлю Радислава на энергостанцию?!

Пока мы с ним доберемся дотуда, нам устроят хоть двадцать автокатастроф. И никакие десять полицейских, вызванных шефом, тут не помогут.

Я судорожно перебираю в голове вариант за вариантом. Один хуже другого.

Господи, ну должен же быть выход!

Машинально смотрю на небо...

Есть!

Однажды мы с Мирославой парили прямо над проспектами на таком вот прогулочном дельтаплане с ручным управлением. Даже странно, что власти не запретили их из соображений безопасности. Скорость-то они в состоянии развивать приличную.

Вышка, где их берут на прокат, как раз где надо – возле Центральной городской площади, опоясывающей Архив-Службу.

Когда преступники поймут, что мы с Радиславом летим на такой штуковине в сторону энергостанции, то что они смогут сделать? Разве что пошлют пару-тройку андроидов брать дельтапланы и гнаться за нами. Будет даже забавно.

– Филипп! – Я снова бессовестно отвлекаю друга от работы, поняв, что такси уже подъезжает к Центральной площади. – Зарезервируй, пожалуйста, на мое имя дельтаплан на вышке. Прямо сейчас.

– Что ты там опять надумал?

– Некогда объяснять. Только чтобы шеф не слышал, ладно?

– Ладно. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – произносит он с большим сомнением в голосе. – А как ты одной рукой собрался дельтапланом управлять?

Эта мысль мне еще не приходила в голову.

– Я разберусь. Спасибо!

Будем надеяться, что Радислав знаком с этими штуковинами.

Выскочив из такси, я бегом пересекаю площадь, приближаясь к алому зданию Архив-Службы, не входящей в юрисдикцию ни одного из кварталов. Толпящихся у входа полицейских видно издалека.

– Ингви, ты что здесь делаешь? – недоверчиво разглядывает меня с ног до головы офицер из нашего участка.

Остальные девять тоже пялятся, разинув рот.

– Шеф попросил быть здесь, – вру я, даже не моргнув. – Лишняя рука вам не помешает. А где Радислав?

– Выйдет с минуты на минуту, – отвечает он, кажется, поверив. – Вместе со своей сожительницей. Ты с ней вроде бы уже знаком. Она записалась встречать его там, во внутреннем саду Архив-Службы.

Отлично.

– Ой, что это?! – кричу я, показывая пальцем на дверь у них за спиной. – Что это?!!

И как только они все оборачиваются, достаю парализатор и укладываю их один за другим выстрелами в спину.

Простите, братцы. Так надо.

ГЛАВА 8

– С другой стороны, – попытался сам себя подбодрить Ингви, – через минуту меня могут встретить мои внуки и правнуки.

– Тоже неплохой вариант, – согласился Голос. – А теперь вставай. Пора.

Ингви поднялся со скамейки. От волнения у него тряслись ноги.

– Видишь ту калитку? Посреди дощатого забора. Иди к ней и открывай.

Ингви медленно, стараясь еще хоть немного потянуть время, поплелся туда.

– Удачи тебе, – сказал Голос ему в спину.

Пересохшими губами Ингви пробормотал что-то вроде «спасибо, и тебе того же» и влажной рукой взялся за ручку калитки.

Вздохнув, он потянул дверцу на себя.

Мирослава, стоящая перед ним, выглядела точь-в-точь такой, какой он видел ее в последний раз. Тот же синий сарафан, та же толстая коса до пояса, те же босые ноги...

* * *

Спустя полчаса он уже знал с ее слов всё, что так долго не давало ему покоя.

Однажды теплым июньским вечером в их корчму пришел странник. Вместо того, чтобы заказать себе ужин, он первым делом поинтересовался, не ее ли зовут Мирославой. По акценту было сразу понятно, что перед ней стоит кто-то из южных славян. Мирославу переполнило предчувствие беды. Дождавшись подтверждающего ответа, странник молча достал из кармана и положил перед ней на прилавок тот самый амулет, который она ровно год назад дала в дорогу своему возлюбленному.

– Меня зовут Филипп, – тихо сказал странник. – Ингви был мне другом.

Взяв амулет, Мирослава прижала его к сердцу, и рыданье сдавило ей грудь...

Как рассказал ей позднее Филипп, он и восемь других паломников, с благоговейным трепетом изучив пещеры Иоанна Крестителя и Илии Пророка, вернулись к тому месту Иордана, где оставили Ингви, и обнаружили на берегу его бездыханное тело с торчащей из шеи стрелой. Деньги убитого были не тронуты, осел по-прежнему стоял привязанным неподалеку. Водрузив тело на животное, они двинулись к расположенному поблизости Иерихону и похоронили Ингви среди небольшой рощи на полпути между местом крещения Иисуса и этим древним городом. Крест над могилой смастерили из двух толстых веток, связав их тонкими прутьями.

Весь следующий месяц Филипп, по его словам, путешествовал по всей Святой Земле – от Мертвого моря на юге до Галилейского моря на севере. Затем, вернувшись в Константинополь, он после долгих размышлений и молитв решил немного повременить с уходом в монастырь на Афоне. Сначала, в этом он был почему-то твердо уверен, ему необходи-

мо отправиться в Новгород и известить обо всем Мирославу...

– Это тоже тебе, – протянул ей Филипп не очень большой, но тяжелый мешок, завязанный сверху. – Я не знал, что мне еще с этим делать.

Развязав веревочку, Мирослава увидела, что невзрачный с виду мешок набит серебром и золотом.

Как пояснил изумленной Мирославе странник, это богатство Ингви некогда получил от своего датского вождя за то, что спас ему жизнь во время битвы. Путешествуя, Ингви обычно носил мешок с собой, но если знал, что вскоре вернется к какому-то месту, то во избежание ненужного риска зарывал клад в землю, а с собой брал лишь небольшую часть. Полностью доверяя Филиппу, он прямо при нем спрятал деньги перед их путешествием из Иерусалима на Иордан.

– Я не взял отсюда ни гроша, – гордо сказал Филипп. – Очень скоро, когда я уйду в монастырь, деньги мне вообще не понадобятся. Думаю, Ингви обрадовался бы, узнав, что я отдаю их тебе.

Мысль о монастыре потрясла Мирославу. Не будучи особо набожной, в отличие от своего возлюбленного, она никогда раньше не задумывалась о том, что кто-то выбирает себе такую жизнь. Но сейчас, непонятно каким образом, мысль о монастыре завладела ею. Филипп, сидящий перед ней, являлся ее физическим воплощением. Вот только не появилось еще на Руси женских монастырей...

За ту неделю, что Филипп гостевал у них в корчме, Мирослава, в тайне от родителей и как бы невзначай, выведывала у него всё, что он знает о монастырях и монастырской жизни.

Рассказывал Филипп много и охотно. Отец его, и Филипп не считал нужным этого скрывать, служит «великим сакелларием» при самом Патриархе Константинополя. В ведении такого церковного чиновника, пояснил он, находятся абсолютно все монастыри Византии. Да, без такого блата – улыбнулся обычно хмурый Филипп – оставалось бы только мечтать о монашеской обители на Святой горе Афон... Есть в Константинополе, продолжал он, и женский монастырь, называется «Одигон».

– Твой отец сможет меня туда устроить? – оборвала Мирослава, смотря ему прямо в глаза.

Филипп, по-видимому, понял, что сболтнул лишнего. Но было уже слишком поздно. Мирослава была одержима идеей. Ко всему прочему, Филиппа не покидало чувство вины перед ней за смерть Ингви. Ведь это он, а не кто-то другой, уговорил Ингви отказаться от немедленного возвращения к ней сразу после выполнения обета. Зачем он только потащил его за собой на Иордан? Как мог оставить там одного?

Подготовка побега не заняла у Мирославы много времени. Тихо выбравшись из дома посреди ночи, она встретила с Филиппом в заранее условленном месте, и, сев на ожидавшуюся их лодку с гребцами, они отправились в путь. Мешок с сокровищем был оставлен на кровати Мирославы и сопровожден берестяной запиской. Проснувшись поутру, родители сразу поняли бы, что теперь им обеспечена безбедная старость и нет больше никакой надобности гнуть спину в корчме. А себя Мирослава просила не искать.

Всю дорогу до Константинополя Филипп вымаливал у Бога прощения за то, что оказался втянутым в эту авантюру. Но с другой стороны, утешал он сам себя, не Промысел ли

Господень усматривается в том, что вместо одной души, посвятившей себя святой жизни, появится сразу две таких?..

* * *

– И чем всё кончилось? – нетерпеливо спросил Ингви, когда Мирослава сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

– Я жила монахиней в Одигоне, пока не скончалась там в возрасте восьмидесяти шести лет.

Ингви открыл рот от удивления. Но вспомнил, что чуть ранее узнал от Голоса про выращивание учеными Архив-Службы молодых и нестареющих тел.

– Ты одна записалась встречать меня здесь?

– Ну что ты? Вся твоя родня записалась! Сразу, как только появился твой анонс год назад. Но я их убедила, что тебе хотелось бы сперва побыть со мной одной, – хитро улыбнулась Мирослава. – Разве я была не права?

Ингви снова обнял Мирославу. Конечно же, она была права.

– Я попросила их не приезжать в Архив-Службу. Ты сам сможешь навестить их, как только захочешь. Пойдем уже отсюда. – Она встала со скамейки и повела его за руку к выходу из сада. – Тебе сейчас загрузят в мозг свод здешних законов. Это займет секунду, но будет здорово кружиться голова. Придется полежать чуток.

Спустя полчаса Ингви уже мчался на такси по автостраде. Едва забравшись в автомобиль, Мирослава – к его ужасу – стянула с головы парик, изображавший тугую косу до пояса, и растрепала перед зеркалом свои собственные волосы, которые доставали ей всего лишь до плеч.

– Прости, – сказала она. – Если меня увидят соседи, умрут со смеху. Тут так никто не ходит. Я специально вырядилась по-древнему, чтобы тебя сразу не шокировать.

– Как называется этот необычный город? – спросил Ингви.

– Москва. – Она принялась стягивать с себя сарафан. – Но он вообще-то ничем не отличается от любого другого. Они тут на Ремонтусе все словно наштампованы.

Ингви взглянул на ее голое тело и сразу убедился, что Голос не соврал... Его собственное преображенное тело отнюдь не перестало вести себя как тело мужчины.

– Моя родня тоже здесь живет?

– Нет, их город где-то в Скандинавском Штате. Но ты... – Мирослава помедлила, – ты сам можешь выбрать, где тебе жить... и с кем...

– О чем ты говоришь? Конечно, я хочу жить с тобой, – поспешил успокоить ее Ингви. – Ты содержишь здесь корчму?

Мирослава пыталась удержаться от смеха, но так и не смогла.

– Прости, я не над тобой смеюсь. Нет, корчму я не содер-жу. – Она достала из пакета платье и стала надевать его. – Я ученый. Математик и физик.

Сперва Ингви подумал, что ослышался. Но тут же вспомнил, как Мирослава потрясала всех посетителей новгородской корчмы своим необычным дарованием. Приняв заказ от компании хоть из пяти, хоть из двадцати пяти человек, она сразу, за секунду сложив всё в уме, называла точную сумму. Обсчитать ее было не под силу, наверно, даже самому черту. Интересно, развить свои способности к математике и превратиться в ученого ей удалось еще в монастыре?

– Я живу на Ремотусе уже пять лет, – пояснила Мирослава, надевая туфли из другого пакета. – Сразу поняла, что хочу заниматься наукой. В той жизни у меня для этого не было условий... Все знания, приобретенные человечеством в области естественных наук, мне загрузили в мозг так же быстро, как тебе только что загрузили свод местных законов. Это дело секунды. Вот только голова от этого кружилась потом не полчаса, как у тебя, а целый месяц! Я даже на улице несколько раз в обморок падала, прохожие скорую вызывали... Мозгу требуется не просто получить новую информацию, а еще переварить ее, усвоить. Мой, видать, оказался совсем плохо подготовленным для такого. Но в итоге всё встало на свои места.

– И эта наука приносит тебе хороший доход? – поинтересовался Ингви.

Мирослава помедлила с ответом.

– Наука не приносит мне доход.

Такси остановилось возле одного из стандартных жилых небоскребов с зеркальными стенами.

– На что же ты в таком случае живешь? – полюбопытствовал Ингви, выбираясь из автомобиля. – Преображенному телу не нужна еда? Но я вот почему-то чувствую, что не прочь сейчас подкрепиться.

– Расположи правую ладонь у себя перед лицом.

– Зачем? – не понял Ингви.

– Просто сделай, как я сказала. Сам увидишь.

Ингви нехотя последовал ее рекомендации. Ничего не произошло.

– А теперь, – продолжала Мирослава, – мысленно прикажи, смотря на ладонь: «Показать мне мои деньги!»

– Ты решила поиздеваться надо мной?

– Просто делай, что я тебе говорю, – рассердилась Мирослава.

Ингви сделал всё, как было сказано. И чуть не упал от неожиданности. Из ладони, прямо в воздухе, появился светящийся экран с надписью: «100 РЕМО».

– Это еще что за чертовщина?

Экран исчез.

– Твои деньги, – объяснила Мирослава. – А в руку имплантирован микрокомпьютер, который соединен с твоим головным мозгом. Называется «имплант». Пойдем.

Они вошли в подъезд и Мирослава вызвала лифт.

– Каждому в день начисляются сто ремо. Так называются здешние деньги, сокращенно от названия планеты. Других денег на Ремотусе в ходу нет. Это твои первые сто ремо. Завтра увидишь, что начислены еще сто. Это в добавок к тому, что у тебя останется от сегодняшних. Послезавтра – плюс еще сто. И так будет происходить каждый день.

– А что можно приобрести на сто ремо?

– Скажем так, самый сытный обед обойдется тебе максимум в двадцать ремо. Включая любую выпивку.

У Ингви закрались сомнения.

– За что мне дали такие деньги? Как я должен буду их отрабатывать?

– Никак, – ответила Мирослава, когда дверца лифта открылась на ее этаже. – Каждый житель Ремотуса получает на свой имплант сто ремо в день, ничего для этого не делая. А если человек работает, то ничего не получает за свой труд.

– Работает бесплатно? Как раб?! Но кто же принуждает его к этому?

– Нет, не как раб. Никто не принуждает. Это долго объяснять, потом сам поймешь.

Мирослава приложила правую руку к двери, перед которой они остановились, и оба зашли в квартиру.

– Вон тот шкаф в углу называется атомным синтезатором. Ты говорил, что голоден? Пойдем, я научу тебя им пользоваться...

* * *

Мысль посетить Землю пришла к Ингви уже на пятый день после воскрешения.

Интересно, если отмерить половину расстояния между местом крещения Иисуса и Иерихоном, то удастся, хотя бы теоретически, найти в каменистой земле свои собственные кости? Или они уже полностью истлели?

А тот рунический камень, который, как рассказали родители, они воздвигли на Фюне, возле своего хутора, в память об ушедшем на Святую Землю и не вернувшемся сыне? Он-то должен лежать где-то там в земле до сего самого дня?

Безусловно, заняться такими поисками на Земле ему никто не позволил бы. Да и территории, отведенные там под Музей, скорее всего не совпадут с местами, о которых Ингви думал больше всего. Может быть, весь остров Фюн представляет из себя сплошные ряды небоскребов наподобие тех, что он видит здесь, в ремотусианской Москве? И такие же точно достижения цивилизации давно погребли под собой место его захоронения возле Иордана?

Но совершить экскурсию по Музею – нетронутыми следами ушедших эпох, сохраненных то там то сям по всей Земле, – непременно следовало.

– Сколько стоит телепортация на Землю? – поинтересовался он у Мирославы в тот же вечер, как только она пришла домой с работы.

– Сто тысяч ремо.

– Сколько?!

– Сто тысяч, – повторила она, сняв туфли и закинув их в атомный синтезатор. – Это в оба конца. Билет только туда не продают. Земляне строго следят, чтобы никто не загостился у них слишком долго. Им там, как ты понимаешь, самим места не хватает.

Ингви быстро прикинул, что копить ему пришлось бы тысячу дней. То есть около трех лет. Но это если ничего не есть и не пить. А если каждый день тратить что-то на себя, но жить экономно...

Нет, об экономии можно забыть. Мирослава с какой-то стати рассматривала его кровные сто ремо как часть их «семейного бюджета». А тратился семейный бюджет в основном на то, чтобы заказывать себе в атомном синтезаторе – и там же гробить – по несколько новых платьев за день, а также на кучу сверкающих побрякушек столь же недолговечно-го пользования.

Семьдесят лет монашеской жизни не прошли для нее бесследно...

– Но почему так дорого? – спросил Ингви. – Это специально сделали, чтобы все с Ремотуса не побежали на Землю?

– Нет. Просто для искривления пространства требуется слишком много энергии. Это я тебе как физик говорю. Ты в курсе, сколько стоит телепортация даже из одного города Ремотуса в другой?

– Не-а. Сколько?

– Две тысячи ремо.

– Ну ни фигя себе...

– Да, – согласилась Мирослава, – мало кто пользуется. Но бывает, что ждать самолета у человека совершенно нет времени.

– А если полететь на Землю на космическом корабле? Сколько тогда будет стоить?

– Всего в два раза дешевле телепортации. Пятьдесят тысяч. Зато времени уйдет... – Мирослава присвистнула. – Семь лет будешь лететь туда и столько же обратно.

– Нда, – пробормотал Ингви. – Уж легче поднакопить еще пятьдесят тысяч. А что, неужели некоторые соглашаются просидеть четырнадцать лет в какой-то консервной банке?

– Человека погружают в сон на всё время полета. Так что, по сути, для него это воспринимается как мгновенное перемещение из Ремотуса на Землю. Но я тебя не отпущу, слышишь? Даже не мечтай. Я-то тут что без тебя четырнадцать лет делать буду?!

– Ну что ты, что ты, – обнял ее Ингви, – я просто так спросил.

И всё-таки не удержался:

– А ты не хотела бы посетить Землю? Мы бы могли с тобой вдвоем накопить на космическое путешествие. Да, проспали бы каждый по четырнадцать лет. Но разве это так страшно, когда впереди вечность?

– Ну, – задумалась Мирослава, – может быть... Когда-нибудь.

Она немного помолчала в его объятьях.

– А насчет того, что впереди вечность... – вновь заговорила она. – Это не факт. Тоже как физик тебе говорю.

– Как это? – изумился Ингви. – Разве люди не стали бессмертными?

– Не воспринимай всё слишком буквально. – Мирослава потрепала его по волосам. – Во-первых, Вселенной через несколько миллиардов лет придет кирдык. Это показывают наши математические модели. Найдет ли человечество

способ избежать гибели? Пока неизвестно. Будет ли обнаружена параллельная Вселенная? Сможем ли мы каким-то образом просочиться в нее? Это всё открытые вопросы, над которыми науке еще предстоит биться и биться.

– Миллиарды лет? – переспросил Ингви. – Ну, это вполне можно назвать «вечностью».

– А во-вторых, – продолжала Мирослава, – до сих пор нам не попались во Вселенной никакие разумные формы жизни. Но это не значит, что они не попадутся нам, например, завтра. Или через сто лет. И чем может обернуться наше знакомство друг с другом?

– Чем?

– Да чем угодно. Хорошо, если всё пройдет мирно. А что если они будут настроены к нам враждебно и в добавок окажутся более развитыми в техническом плане? И за мгновение сотрут всё человечество в порошок?

– «Архивариус» сохранит информацию о нас, – возразил Ингви.

– И кто будет на основе этой информации нас воскрешать? Кому это будет надо, если ни одного человека во Вселенной уже не останется? Об этом ты подумал? Да и сам «Архивариус» они могут запросто уничтожить, как только обнаружат.

Мысль об уязвимости «Архивариуса» была для Ингви новой.

– Люди связали свое бессмертие с техникой, – философски заметила Мирослава, – но забыли, что техника несовершенна. И без всяких злобных инопланетян всё в один прекрасный день может пойти наперекосяк...

Снова повисла пауза.

– Ты, например, в курсе, – спросила она, – что запуск в прошлое «Архивариуса» на самом деле вообще не получился?

– Что?!

Ингви не верил своим ушам.

– Сразу после его отправки в прошлое, – принялась объяснять Мирослава, – по специальным опознавательным сигналам был обнаружен «Архивариус», летающий в настоящем. В том самом месте нашей Галактики, где его и планировалось обнаружить. Ученые, конечно же, решили, что это и есть «Архивариус», который они только что отправили на двести тысяч лет назад. Правда, их немного смутил тот факт, что сигналы исходят с чуть иной частотой, чем было запрограммировано... Но когда подключились к его Архиву, то увидели – ко всеобщему облегчению – данные об умерших за последние двести тысяч лет. На основе этой информации Архив-Служба стала воскрешать на Ремотусе поколение за поколением.

– И это ты называешь «запуск вообще не получился»? – не удержался Ингви.

– Велико же было изумление ученых, – продолжила Мирослава, – когда в середине 28-го века, то есть около шестидесяти лет назад, в соседней Галактике, абсолютно случайно, роботами-астронавтами был обнаружен еще один «Архивариус». От этого аппарата исходили опознавательные сигналы с нужной частотой. В его Архиве ученые, естественно, не обнаружили никакой информации.

– Почему это «естественно»?

– Ну, сканирующие лучи «Архивариуса» могут функционировать в пределах только той Галактики, в которой находится сам аппарат. – Мирослава задумалась, подыскивая слова попроще. – Если совсем-совсем примитивно говорить,

то «Архивариус» использует звезды как естественные ретрансляторы своих лучей. В межгалактическом пространстве лучи из-за отсутствия ретрансляторов теряют силу. Поэтому за пределы Галактики им не выйти.

Ингви кивнул. Хотя на самом деле ничего не понял.

– И откуда, – спросил он, – в соседней Галактике взялся «Архивариус»?

– Это и есть тот самый «Архивариус», который был запущен в 23-м веке. Из-за каких-то ошибок в расчетах он попал не только в прошлое, но и в соседнюю Галактику. А возможно, что даже и в прошлое не попадал. Совершил только перемещение в пространстве.

– Но в таком случае, – Ингви понял, что он ни черта не понял, – откуда в нашей Галактике взялся «Архивариус»? Кто его отправил в прошлое? Да еще и с какими-то не теми опознавательными сигналами?

– Разумный ответ на этот вопрос может быть только один, – сказала Мирослава. – Мы ведь не станем фантазировать, что это зачем-то сделали инопланетяне, верно?

– Тем более, что их так и не обнаружили.

– Вот именно. Остается только один вариант. Это сделает человечество в будущем. Поскольку первый запуск «Архивариуса» не увенчался успехом, ученые запустят его повторно.

– И когда же это произойдет?

– Ну, – развела руками Мирослава, – когда произойдет успешный запуск не знает никто. Может, этот «Архивариус», летающий в нашей Галактике и исправно служащий целям Проекта, запустят только через тысячу лет? А до этого будет еще с десяток неудачных попыток, в результате которых «Архивариус» каждый раз будет улетать в соседние Галактики? Но уже известно, что ближайшая по-

пытка будет предпринята через три года. Во время 230-х Летних Олимпийских Игр.

– И если всё пройдет удачно, «Архивариусов» в нашей Галактике станет два...

– Ну какой же ты глупенький. – Мирослава поцеловала Ингви. – Откуда два? Давай объясню, что будет. «Архивариус», который обнаружили шестьдесят лет назад, уже отбуксирован роботами вплотную к границе нашей Галактики. Прямо оттуда его запустят на двести тысяч лет назад, но с небольшим смещением в пространстве – чтобы он оказался в пределах нашей Галактики. Если всё пройдет удачно, то мы увидим, как аппарат исчезнет у нас на глазах. Думаю, весь Ремотус будет смотреть это в прямом эфире! Но никакого второго «Архивариуса» нигде не появится. Тот, что уже двести тысяч лет мониторит мозги людей, – это и будет он.

Ингви невольно вспомнил о парадоксах, о которых пять дней назад рассказывал Голос. Что тогда, что сейчас – голова от них шла кругом.

«Зачем вообще что-то куда-то запускать, если «Архивариус» летает себе, где надо, и прекрасно мониторит наши мозги своими сканирующими лучами?» – подумал Ингви, но постеснялся спросить, чтобы не выглядеть в глазах Мирославы полным идиотом.

К тому же, стена их квартиры по команде Мирославы уже превратилась в телевизионный экран, и шла заставка одна тысяча четыреста шестьдесят пятой серии сериала «Бессмертные тоже плачут». А за те пять дней, что Ингви провел на Ремотусе, он крепко усвоил одно важное правило. Нет ничего страшнее, чем не дать женщине спокойно посмотреть ее любимый телесериал...

* * *

Поначалу Ингви был в восторге от возможности бездельничать с утра до вечера дни напролет.

Он тратил все ремо со своего счета на поездки к родным и друзьям, которых знал по предыдущей жизни. Гостил у них неделями, предаваясь пьянству и чревоугодию. «Это ли не рай?» – говорил он себе. – «Воистину, это даже получше, чем перспектива порхать целыми днями на облаках с арфой в руках, распевая аллилуйю».

Однако по прошествии нескольких месяцев безделья он почувствовал, что впадает в депрессию. Пьяные пирушки его больше не радовали, время тянулось невыносимо долго.

И он стал задумываться о работе.

– Найти работу чрезвычайно трудно, – сказала Мирослава, когда в один из холодных и ветреных дней в самом начале весны она затащила Ингви в картинную галерею. – Ты же видел, что почти всё за людей делают роботы. Очереди из желающих работать хотя бы один-единственный день в неделю на какой угодно должности исчисляются миллионами людей! Люди ждут по двадцать, тридцать лет. Может, тебе попробовать себя в творчестве? Вот посмотри. – Они остановились возле одного из полотен. – Разве не прекрасно? Ты бы не хотел научиться рисовать так же?

Ингви грустно помотал головой.

Ему нужна была работа. И не просто работа. Раз уж профессия воина на Ремотусе не востребована, то найти применение своим качествам ему оставалось только в одном ремесле...

– Полицейский? – удивилась Мирослава. – Ну, в принципе, как только пройдет год с момента твоего воскрешения, ты станешь гражданином Ремотуса и автоматически получишь право работать где угодно. Хоть в той же полиции.

Только, боюсь, очередь из желающих там не короче, чем в любом другом месте.

– А как тебе самой удалось получить работу так быстро?
– подумал вдруг Ингви. – Ведь ты живешь на Ремотусе меньше шести лет, но уже работаешь физиком в лаборатории в Москве, да еще периодически летаешь в этот свой Институт в Риме!

Ингви с подозрением посмотрел на нее. Что-то она не договаривает.

– Ну, вообще-то есть одна возможность получить работу побыстрее. Но тебя это вряд ли устроит.

– Какая возможность? – не выдержал Ингви. – Не тяни, выкладывай.

– Хорошо. Ты уже выяснил, как работает Архив-Служба?

– Ты о чем? Я прекрасно помню всё, что сказал мне Голос.

– Ясно, не выяснил, – пробурчала себе под нос Мирослава. – Рассказываю. Им постоянно требуется куча народа для реализации Проекта. Как ты помнишь, в год они к жизни возвращают двести миллионов человек. В день это... Просто раздели на триста шестьдесят пять.

– Я что, похож не математика? – съязвил Ингви. – Но и так понятно, что много.

– Ну так вот. Люди им нужны. На работу они берут кого угодно и без особой очереди.

– Погоди, погоди, – оборвал Ингви. – Во-первых, не кого угодно, а ученых. Во-вторых, зачем мне это? Я тебе про полицию, а ты мне про что?

– Ты лучше не перебивай, а дослушай, – одернула его Мирослава. – Берут кого угодно, но сразу на месяц. То есть чтобы прямо жить у них в здании Архив-Службы. Человек подписывает бумагу, в которой добровольно отказывается

практически от всех своих прав сроком на месяц. Затем его каким-то внушением превращают в эдакого послушного биоробота, после чего загружают в мозг все необходимые научные знания. И идеальный сотрудник Архив-Службы готов! На Ремотусе их называют «служителями».

Ингви всё еще не понимал, зачем ему Мирослава это рассказывает.

– Затем, – продолжала она, – когда месяц истекает, служителю стирают воспоминания за весь прошедший месяц, освобождают от действия внушителя и выпускают на волю. Со справкой, подтверждающей работу у них в прошедшем месяце. И тот, кто обладает такой справкой, получает на Ремотусе одну-единственную привилегию. Он может один раз устроиться работать куда угодно без очереди.

– И ты была служителем?!

– Ага. Множество людей, которых ты каждый день встречаешь на улице, были. Общество не нашло другого способа обеспечить бесперебойное осуществление Проекта. Завлекать туда людей деньгами – противоречило бы принципу финансового равенства. Ведь каждый должен получать свои сто ремо в день и ни гроша больше. А привилегия в получении работы оказалась чрезвычайно действенным стимулом.

– Выходит, – задумался Ингви, – тот человек, который воскресил меня и беседовал в саду... тот Голос... это может быть кто-то, кого я знаю?

– Теоретически, да. Любой, кто имеет справку служителя за тот месяц, когда ты был воскрешен, может быть этим Голосом. Только учти, что тембр голоса всем служителям делают одинаковый. И мужчинам, и женщинам. Кстати... – добавила она, подумав, – не исключено, что даже лица им всем делают одинаковые.

– Лица?!

– Ну, по крайней мере, те, что разъезжают по вызовам в этом своем алом фургоне и алых комбинезонах, всегда на одно лицо. И еще... Нельзя устроиться служителем в Архив-Службу конкретного города. Приходишь в ближайшую Архив-Службу, но в какой город Ремотуса они тебя отправят – этого ты так никогда и не узнаешь.

– Но к чему вся эта секретность? – недоумевал Ингви. – Зачем стирать служителям память? Зачем лишать их на тот месяц своей воли?

– Насколько я понимаю, с самого начала Архив-Служба была задумана как максимально обезличенная. Отчасти из соображений безопасности. Ну, ты только представь себе, что может натворить служитель, имеющий злой умысел! Что если вселит мозг не в то тело? Или чего похуже. А отчасти – в этом есть своя философия, как мне кажется. Ты путешествуешь по Ремотусу и в любом его уголке можешь встретить того, кто вернул тебя к жизни. И сам ты, если провел месяц в Архив-Службе, отныне понимаешь, что среди этих тысяч лиц, мелькающих перед тобой в толпе изо дня в день, возможно, есть те, для кого ты сам когда-то был Голосом – сначала в той белой комнате, а потом в саду... Человечество, воскрешающее само себя. Вместо узкой профессиональной касты, возложившей на себя такую миссию.

– И ты совсем-совсем ничего не помнишь?

– Абсолютно. Помню только, как подписывала бумагу. А сразу после этого – как покидаю здание Архив-Службы, уже спустя месяц.

У выхода с выставки огромный, во всю стену, плакат на-поминал: «СЕГОДНЯ, 3 МАРТА 2810 ГОДА, ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА КОНФЕДЕРАЦИИ».

Мирослава поднесла правую ладонь к лицу и принялась что-то сосредоточенно обдумывать, смотря на появившейся перед ее глазами экран.

– Что ты делаешь? – поинтересовался Ингви.

– Голосую. Вот только надо выбрать одного из трех десятков кандидатов. Ладно, пускай будет этот. – Мирослава нажала на какую-то виртуальную кнопку, и экран исчез.

– Это выбирают верховного вождя человечества, который властвует над обеими планетами?

Мирослава улыбнулась.

– Можно и так сказать. Правда, власти у «верховного вождя» никакой нет. Парламент и президент Ремотуса в любом конфликте отстаивают интересы нашей Федерации, а земной парламент и президент – своей. Конфедерация является каким-то символическим образованием. Я даже до сих пор не понимаю, зачем она вообще нужна.

– Но я всё же тоже проголосую, – сказал Ингви, уже разыскивая в своем импланте страничку выборной комиссии.

– Тебя нет в списках избирателей, забыл? Голосуют только граждане. У тебя еще не прошел год с момента воскрешения.

Ингви действительно забыл. Всё это деление на граждан и неграждан, эти списки избирателей... Как-то уж всё это было чересчур мудрено.

* * *

Спустя пару дней, сидя дома и не зная, чем себя занять, Ингви решил попытаться выяснить, кто же всё-таки его убил. А главное – зачем? Да, наверняка то был какой-нибудь местный иорданский фанатик, пылающий лютой ненавистью к христианам. Но интересно было бы узнать детали.

Зайдя в глобальную информационную Сеть со своего импланта, Ингви с легкостью нашел предназначенный для этого сайт. Сотни тысяч пользователей размещали на нем объявления, где указывали точное время и место своей насильственной смерти – в надежде, что убийцы рано или поздно объявятся и поделятся подробностями. Никакого возмездия за совершенные в предыдущей жизни преступления законодательство Ремотуса не предусматривало. Как, впрочем, и законодательство Земли. Так почему бы и не удовлетворить любопытство своих жертв? А заодно и попросить у них прощения...

– 15-е сентября, – набирал Ингви свое объявление, зайдя в раздел «1017 год» и выбрав там рубрику «Палестина». – Возле Иордана, у места крещения Иисуса. Убит выстрелом стрелы в шею.

Теперь оставалось только ждать. Ингви выбрал режим уведомления, так что в случае ответа имплант немедленно оповестил бы его.

Проходил день за днем. Ответа всё не поступало. Ингви даже несколько раз заглянул на сайт, чтобы проверить, на месте ли его объявление. Оно, конечно же, никуда не делось.

Когда прошел месяц, а ответа так и не последовало, Ингви, любопытства ради, отыскал на сайте опцию «Показать все объявления, поданные в определенный день» и указал там свою дату.

Оказалось, что одновременно с Ингви около тысячи пользователей написали на сайте свои запросы. Бегло просмотрев их все, он обнаружил, что ответы получены на каждый пятый. Тогда, указав тот же день годом ранее, он снова увидел перед собой около тысячи объявлений. Но даже беглого просмотра не понадобилось, чтобы понять, что ответ получен на каждое!

Убийцы всех мастей – грабители с большой дороги, ма-
ньяки, нанятые киллеры и всякие прочие разновидности –
писали длиннющие ответы, в которых вымаливали у своих
жертв прощение. За то время, что они провели на Ремотусе,
в них каким-то неведомым образом просыпалась совесть, и
теперь чувство вины за содеянное не давало покоя.

«Ну что ж», – подумал Ингви, – «надо просто набраться
терпения и подождать».

Ингви ждал полгода...

Год...

Полтора...

Ответ на его объявление так и не появился.

* * *

– Филипп, тебя компьютеры еще интересуют? – произ-
нес Ингви, увидев перед собой на дисплее друга, проживаю-
щего в Греческом Штате.

– Да, конечно, а что?

– Нам тут в участке срочно нужен специалист. Компью-
терщик внезапно уволился. Шеф не хочет брать кого попало,
я порекомендовал тебя. Сможешь перебраться жить в Моск-
ву?

– Но у меня же нет справки из Архив-Службы.

– Зато в Законе о полиции есть параграф, что в случае
острой необходимости полиция имеет право во внеочеред-
ном порядке трудоустроить лицо подходящей квалификации.
Мы, конечно, можем в кого угодно – хоть в первого попав-
шегося из очереди, хоть в чувака со справкой из Архив-
Службы – вбабахать компьютерные знания прямо в мозг.
Займет секунду. Но зачем нам надо, чтобы он потом целый

месяц вместо того, чтобы работать, шатался по участку в полубморочном состоянии и блевал на наши компьютеры?

– Я могу переехать хоть сейчас! – воскликнул Филипп, еще не веря своему везению.

– Вот и отлично. Пакуй чемодан, счастливчик! Эх, жаль у меня тогда в полиции никого из друзей не было, – вздохнул Ингви. – Пришлось месяц жизни отправить псу под хвост в Архив-Службе... Но это того стоило, уж поверь. Работа здесь интересная.

– Спасибо, Ингви! Я уже собираюсь.

Когда Филипп исчез с дисплея, шеф, всё это время стоявший рядом и слушавший их беседу, кивнул Ингви и внес данные Филиппа в список офицеров полицейского участка Западного квартала Москвы.

– Кстати, – сказал он, – у нас с сегодняшнего дня есть еще один новый сотрудник. Познакомьтесь.

Шеф подвел Ингви к толстому парню, который, задрав голову, стоял возле схемы квартала и тщательно ее рассматривал.

– Денис, это Ингви, – сказал шеф. – Ингви, это Денис. Он будет твоим новым напарником...

ГЛАВА 9

– Да что же здесь такое творится? – в ужасе смотрит на меня Красимира.

Кажется, так ее зовут. Едва выйдя из ворот Архив-Службы, она и Радислав чуть было не споткнулись о парализованные тела десяти полицейских.

– Этот офицер, – поясняет она своему воскресшему сожителю, – приезжал по моему вызову и обнаружил тебя мертвого на кровати.

– Радислав, – обращаюсь я к нему, – вы когда-нибудь летали на дельтаплане?

Видимо, вопрос, прозвучавший из уст полицейского с оторванной рукой, стоящего среди груды тел своих коллег, оказался несколько неожиданным.

– П-п-п-простите, что? – переспрашивает он.

– Нет времени долго объяснять. Вы пробовали управлять дельтапланом?

– А... да, да.

– Отлично. Тогда бежим через площадь к вышке. – Я хватаю его за локоть. – Красимира, а вы ступайте домой.

Оставив ее в полном недоумении у ворот Архив-Службы, мы с Радиславом быстро пересекаем Центральную городскую площадь.

– Что п-п-п-происходит? – спрашивает он в крошечном лифте, поднимающем нас на вышку.

Лифтовая шахта пристроена снаружи к стандартному жилому небоскребу, а сама вышка расположена над его крышей.

– Полетим на энергостанцию. Человек в маске выведывал у вас код к люку, за которым хранится резервная батарея?

Радислав нервно кивает.

– И вы этот код ему в итоге сказали.

Это даже не вопрос. Так, уточнение. Глупо спрашивать, когда и без того ясно.

– Да, вы же п-п-п-понимаете...

– Только не надо оправдываться, хорошо? Никто вас не обвиняет.

Как же раздражает это его заикание. Интересно, он таким всегда был? Или это после того, что бедняге пришлось перенести ночью?

– Привет. – Я прикладываю правую руку к голове робота, отвечающего за прокат. – Выдавай зарезервированный на меня дельтаплан.

В стене рядом с ним появляется отверстие, откуда медленно вылезает старомодный летательный аппарат. Похоже, они все хранятся там в спрессованном виде.

– Скажи, – снова обращаюсь я к роботу, – еще свободные дельтапланы остались?

– Да, семнадцать штук, – произносит он.

– Если я зарезервирую их все, никто не сможет ими воспользоваться?

– Один человек можете зарезервировать не более трех штук, – возражает робот.

Черт тебя подери.

Тем временем кто-то уже вызвал лифт снизу.

– Иди сюда! – кричу я роботу, встав у самого края вышки. – Срочно нужна твоя помощь!

Как только он подъезжает, я спихиваю его вниз.

Надеюсь, он не рухнул никому на голову...

Не хотелось бы провести ближайшие пять лет жизни в подземном бункере Луны-3 по статье за непредумышленное убийство.

– Теперь за нами не погонятся, – поясняю я вытаращившему глаза Радиславу. – Без робота им не извлечь дельтапланы из стены.

Забравшись в кабину, мы пристегиваем ремни. Радислав уселся на месте пилота, я – справа от него. Пропеллеры быстро набирают обороты и мы взмываем в небо.

Прямо под нами, далеко-далеко внизу, распростерлась Центральная городская площадь. Пролететь над Архив-Службой, находящейся у нее в середине, нам, конечно, не удалось бы, даже если бы мы очень захотели. Защитное излучение не позволит сделать этого. Но здание Архив-Службы, составляющее в диаметре больше километра, пожалуй, показалось бы нам отсюда сверху кольцом, посреди которого – тот самый цветущий сад, в котором я почти три года назад беседовал с невидимым Голосом.

А может, сад мы бы и не увидели... если купол над ним подобен стеклам-зеркалам небоскребов. (Люди, воскрешенные даже зимой, рассказывают, что оказывались в цветущем саду. Конечно же, это оранжерея с куполом).

Прямо сейчас в том саду несколько человек наверняка смотрят на небо и удивляются, что оказались не в раю. Сад, скорее всего, поделен на множество секторов, с отдельным выходом в каждый сектор из здания Архив-Службы – из тех светящихся комнат, – так что общаться со своими Голосами в саду одновременно могут... десять? двадцать? пятьдесят воскрешенных?

Нда. Когда-то я всё это прекрасно знал. Не может быть, чтобы не знал. Но хорошенько же они постарались. Стерли воспоминания так, будто и не было этого месяца в моей жизни.

– Итак, – говорю я Радиславу, – рассказывайте всё по порядку. Зачем вы открыли дверь человеку в маске?

– Я п-п-п-приму таблетку только...

Удерживая руль одной рукой, другой он достает из нагрудного кармана капсулу и быстро проглатывает ее.

– Это поможет от заикания, прошу прощения, – поясняет он.

По-моему, уже помогло.

– Я всегда заикаюсь, когда волнуюсь, – продолжает он. – Врачи говорят, что это психологическая проблема. Была бы телесная, давно бы уже покопались в ДНК и устранили дефект. Но, к счастью, есть эти таблетки. Красимира – умница. Принесла мне их в Архив-Службу, и одежду тоже. О чем вы спросили? Ах, да... Я не открывал дверь человеку в маске.

– Что? – удивляюсь я. – Как же он тогда попал в квартиру?

– Я уже спал, когда в дверь позвонили. Смотрю на часы – больше часа ночи. А мне утром на работу к девяти. Я подошел к двери, посмотрел на дисплей. Стоит в коридоре девушка, рыжеволосая такая. Я и открыл. Не надо было этого делать, конечно... Сам дурак. Она говорит: «Скрашу одинокому мужчине ночь». Я ей: «Нет, спасибо, больше не звоните, пожалуйста». И уже собрался закрывать дверь. Но тут влетает в квартиру этот амбал в маске и сшибает меня с ног.

– Ясно. А зачем вы установили в квартире камеры?

– Вот для того и установил, чтоб искушений не было. Когда знаешь, что любимая в любой момент может посмотреть и увидеть тебя... Если бы и появился соблазн пригласить, к примеру, эту рыжую, то камеры удержали бы меня от греха.

Я не могу сдержать улыбку.

– Впервые слышу, – говорю я, – чтобы мужчина сам себе по такой причине камеры устанавливал. Я-то был уверен, что вы чего-то опасались. Может, ожидали нападения. Может, угрожал вам кто-то.

– Ну что вы, что вы? Кто мне мог угрожать? Для меня всё это было полной неожиданностью. А вы вот зря улыбаетесь, – начинает он сердиться. – Лучше скажите: почему государство ничего не делает, чтобы эти шлюхи проклятые не шлялись повсюду? Сначала воскрешают человека в теле веч-

но восемнадцатилетнего, так что гормоны с утра до вечера покоя не дают, а потом...

– Извините, не хотел вас обидеть, – спешу я закрыть тему. – Мы делаем всё, что от нас зависит. Штрафуем их, когда ловим. Кроме того, клиенту не так-то просто расплатиться за услугу. Перевод денег с одного импланта на другой уже давно был сделан технически невозможным – сразу после принятия соответствующих законов. А если клиент оплачивает за проститутку какой-нибудь заказ в атомном синтезаторе, то это теперь тоже подпадает под статью. В общем, государство борется, как может. Скажите, Радислав... вы видели лицо той девушки?

– Разумеется, видел.

Эх, вот бы его сейчас к нам в участок для изъятия зрительного образа!

Но после того, что я сделал с десятью полицейскими, мне там лучше не показываться.

– Вы мне наконец объясните, – ворчит он, – зачем мы летим на станцию? Если ночью похитили резервную батарею, это уже давно и так было бы ясно.

– Я был там сегодня. Главный техник уверял, что ничего не пропало. И даже показал батарею.

Радислав облегченно вздыхает.

– Что же вас тогда интересует?

– Скажите, а что происходит с батареей после того, как она отрабатывает свой заряд? Да, я в курсе, что ее заменяют на привезенную за сутки до этого резервную. Но куда ее потом девают?

– Хранят на станции до того дня, когда доставят очередную резервную. Привезенную отдают нам, а с собой увозят старую.

– То есть вчера вечером, – хочу я убедиться, что всё правильно понял, – когда на станцию была привезена резервная батарея, заодно была увезена и старая?

– Да, конечно.

– А ее могли... скажем так... забыть увести?

– Ну, это вряд ли. Разве что совсем бестолковый курьер попался. Но в министерстве энергетики с этим вообще-то строго. А почему вы спрашиваете?

Строго-то оно, может быть, и строго. Да вот только две заряженные резервные батареи – как сообщили в новостях – они каким-то образом умудрились потерять полгода назад во время доставки. А что тогда говорить о каких-то там отработанных?

– Да так, хочу понять, – не отвечаю я на его вопрос. – По внешнему виду заряженная батарея как-то отличается от разряженной?

– Внешне никак, разумеется. Если не считать индикатор заряда.

– Индикатор заряда?

– Ну да. На батарее всегда есть такое табло. Там высвечивается, сколько ей осталось.

– А если этот индикатор, – продолжаю я лихорадочно соображать, – кто-нибудь решит подделать? Ну, чисто гипотетически. Как тогда можно определить, что перед нами действительно свеженькая резервная батарея, а не отработанная старая?

После того, как они научились подделывать исходящий от андроидов сигнал, я уже никакому табло не поверю. Считайте меня законченным параноиком, если хотите.

– Вообще-то, – усмехается Радислав, – это элементарно можно проверить.

– Каким образом?

– А поставьте ее вместо работающей, – острит он. – Если свет во всем квартале не погаснет, машины не встанут и тому подобное – значит, это батарея с зарядом.

– Замечательный способ, – бормочу я. – А нет ли случайно другого? Без риска устроить для четверти горожан техногенную катастрофу?

– В условиях энергостанции, боюсь, что нет. Вот если доставить сомнительную батарею в Токио, где их изготавливают... Там, в лабораторных условиях, физики всё выяснят.

Дальше мы летим молча. Каждый думая о чем-то о своем.

Я постоянно оглядываюсь по сторонам, высматривая подозрительные дельтапланы. Что если преступники научились перехватывать управление андроидами? Быть может, сидит сейчас у себя дома добропорядочный гражданин с нейрошлемом на голове, а андроид его наслаждается полетом на дельтаплане всего в километре от нас. Бац! – и теряет порядочный гражданин связь с андроидом. Снимает с головы шлем, вертит его в руках, стучит по нему... А тем временем они уже направляют андроида таранить нас.

Пару раз я даже прошу Радислава взять чуть левее или правее, чтобы избежать ненужной близости к другим дельтапланам. А если кто-то из них, не приведи Господь, начнет сам подозрительно приближаться к нам...

Мой пистолет уже приведен в режим пальбы по андроидам.

Но всё обходится.

Миновав городскую черту, мы садимся на зеленое поле возле энергостанции.

– Радислав, как я рада, что с вами всё в порядке! – Охранница жмет ему руку.

Хорошо, что я нашел ее тогда в мусорном контейнере, а криминалистка оставила на кровати для Архив-Службы...

Наверняка не потребовалось выращивать Радиславу новое тело – просто подлатали старое. А даже если и вырастили ему за четыре часа совершенно новое тело из стволовых клеток, то точно выковыряли из отрезанной руки имплант и вживили его в новую ладонь. (Входная дверь прекрасно отреагировала на его руку и впустила нас внутрь).

– Офицер, что с вами? – Охранница узнала меня и бесцеремонно разглядывает.

– Попал в аварию, – говорю я чистую правду. – Я всего на секундочку схожу с Радиславом в диспетчерскую. Вы не возражаете?

Незаметно я погружаю руку в карман брюк и на ощупь перевожу пистолет в режим обычного парализатора.

На всякий случай.

Пусть только скажет: «Где ваш жетон?»

– Да-да, сходите, конечно, – отвечает она. – Спасибо, что доставили нашего пропавшего сотрудника!

Проследовав по коридору в диспетчерскую, мы – как было и в тот раз с Денисом – застаем главного техника одного за работой.

– Покажите мне еще раз резервную батарею, – говорю я прежде, чем он успевает открыть рот. – Пожалуйста, это очень срочно.

Пожав плечами, он молча подходит к люку в стене и, набрав код, извлекает оттуда уже знакомый мне желтый ящик с черными полосками.

– Я хочу взглянуть на индикатор заряда, – говорю я.

Он так же молча поворачивает батарею другим боком, и я вижу перед собой ничего не говорящие мне цифры.

– Радислав, вы не взгляните?

Внимательно изучив табло, он констатирует:

– Всё в порядке. Батарея полностью заряжена.

– Еще не в порядке. – Я задумчиво смотрю через стекло в соседнее помещение, где среди груды кабелей закреплена рабочая батарея. – Радислав, прошу вас заменить батарею прямо сейчас. Всю ответственность беру на себя. – Я достаю пистолет. – Скажете, что действовали под принуждением.

– Вы что, с ума сошли? – кричит молчавший всё это время главный техник.

Я выстреливаю в него.

– Ну, хорошо, хорошо, – соглашается Радислав, увидев, как коллега рухнул на пол. – Вот только...

В коридоре раздаются шаги.

Черт побери! Надо было сразу стрелять в нее. Сейчас охранница увидела всё по видеонаблюдению и уже мчится сюда.

В два прыжка очутившись у двери, я высовываю руку и делаю несколько выстрелов наугад. Раздается смачный шлепок. Я осторожно высовываю голову в коридор и вижу растянувшуюся на полу охранницу.

– Что «только»?

– Сделать это можно только вдвоем...

Блин. Раньше не мог сказать?

Я выстреливаю в главного техника зарядом анти-парализатора, и он вскакивает на ноги.

– Я согласен, – стонет он. – Умоляю, больше не стреляйте в меня.

Зайдя в соседнее помещение, оба техника натягивают на руки толстые защитные перчатки. Осторожно поместив резервную батарею в углубление рядом с работающей, они встают по разные стороны. Каждый хватается за какой-то

рычаг и на счет «раз, два, три» одновременно дергают рычаги вниз.

Резервная батарея плавно встает на место работающей.

В следующее же мгновение станция погружается во мрак.

– Кто отключил свет? – раздается вопль главного техника.

– Боюсь, что вы оба, – говорю я, – только что. И во всем квартале в придачу.

– Что вы такое несете? – раздраженно кричит он.

Срабатывает аварийный генератор, и всё вокруг заливают мигающий красный свет.

Оба техника выбегают в диспетчерскую и, не веря своим глазам, смотрят на дисплеи с застывшими графиками и цифрами.

– Этого не может быть, – восклицает главный техник. – Почему нет подачи энергии от станции в квартал?!

– Лучше поскорее вставляйте предыдущую батарею на место, – советую я. – Вы представляете, сколько людей в эти самые секунды паникуют, застряв в лифтах? Сколько атомных синтезаторов встали прямо посреди изготовления бифштексов?

– Резервная батарея, – поясняет Радислав коллеге, – была украдена со станции этой ночью.

Техники бегут производить замену, а я направляюсь в коридор.

От греха подальше забрав из руки охранницы пистолет – модель парализатора, очень похожую на полицейскую, – я привожу девушку в норму анти-паралитическим зарядом из своего оружия.

– Вы всё сами слышали, не так ли? – Я помогаю ей встать на ноги.

Охранница кивает.

– Извиняюсь, что так вышло, – добавляю я. (Тем временем свет на станции включается). – У вас есть контакты Агентства Безопасности? – Я протягиваю ей отобранный пистолет.

– Да, конечно. Идем скорее.

В будке охраны она немедленно набирает какую-то комбинацию, и на одном из дисплеев появляется дежурный Агентства.

Я делаю охраннице знак, чтобы она говорила сама.

– У нас чрезвычайное происшествие, – слышу я ее взволнованный голос, уже идя по коридору обратно в диспетчерскую. – Похищена заряженная батарея...

Оба техника сидят, уставившись на ожившие графики и цифры, и что-то живо обсуждают.

– А что если Архив-Служба, – делюсь я ужасной мыслью, которая только что пришла мне в голову, – не смогла из-за нас... из-за меня... нормально провести воскрешение какого-нибудь человека? Не хватило энергии для нужного искривления пространства-времени, и...

– О, об этом не волнуйтесь, – успокаивает меня главный техник. – У них свои собственные запасы энергии. От нас ничего не получают.

– И городской телепорт, – встречается Радислав, – тоже не от нас кормится. Вы когда-нибудь задумывались, почему он пристроен к зданию Архив-Службы?

– Нет. Почему?

– С ним делится энергией Архив-Служба. Представьте, сколько ее надо, чтобы мгновенно отправить человека из одной точки пространства в другую? Особенно если не из города в город, а на Землю.

– Должно быть, много, раз дерут за это сто тысяч ремо, – вздыхаю я.

– Вот именно. И подземную установку они, кстати, используют одну и ту же. Ну, которой производят искривление пространства-времени, – поясняет Радислав. – Зарыта где-то под зданием Архив-Службы. Если будете когда-нибудь телепортироваться, то спустят капсулу с вами в эту свою преисподнюю.

Мне на имплант поступает входящий вызов от Филиппа.

– Да-да, это из-за меня, – говорю я, даже не выслушав вопрос. – Обещаю свет больше не отключать.

– Я так и понял. Но я по другому поводу. Помнишь, я тебе говорил, что утром некая горожанка обратилась к нам в участок с заявлением о порче ее личного автомобиля? Там у нее стекло какой-то жидкостью разъело.

– Эээ. Очень смутно что-то такое припоминаю. А что?

– Офицер, который этим делом занимался, выяснил, что автомобиль был угнан. В час и три минуты ночи. Преступники проникли через окно, испортив стекло жидкостью... Компьютер транспортной службы выдал нам маршрут, по которому они ездили.

– И что за маршрут?

– Угнали автомобиль возле Центральной городской площади – в час ноль три, как я уже сказал, – и дали ему команду ехать к дому Радислава. Туда автомобиль прибыл спустя десять минут. Следующая команда в бортовой компьютер поступила в час и двадцать две минуты. Догадываешься, куда ему сказали ехать?

– На энергостанцию, – даже не задумываюсь я.

– И в час тридцать пять, – продолжает Филипп, – автомобиль уже помчался оттуда обратно к дому Радислава. Затем

угонщики вернулись к Центральной площади. Без пяти два машина уже была на месте.

– Угонщиков вычислили? – кричу я от нетерпения.

– И да, и нет. Китайка-криминалист собрала в салоне автомобиля биоследы. Преступников, говорит, было двое. Один – тот самый тип, судя по биоматериалу, что и убийца Радислава. Кроме него – рыжеволосая девушка. На сидении остался длиннющий рыжий волос. И правда «до попы», как твой свидетель говорил... Но программа по геномной реконструкции у китайцев до сих пор отсутствует. Думаю, где-то уже в течение часа им вышлют копию из Резервного фонда.

– Ясно, спасибо!

– Да, еще, Ингви... Шеф тут грозитя отдать тебя по суд. Бегает по участку как ненормальный. Как только узнал, что ты десятерых полицейских уложил парализатором, стал прямо сам не свой.

Что ж, не удивительно.

Я еще раз благодарю Филиппа, и экран исчезает.

От Центральной городской площади и обратно? Так это же от телепорта и опять к телепорту!

Похитив на станции резервную батарею, эти двое могли смыться с опасной добычей куда угодно. Хоть в другой город, хоть на Землю.

Пока Агентство Безопасности расшевелится, пока китайцы дождутся своей чертовой программы – что если будет уже слишком поздно? Скорее всего, в Париже и Риме на энергостанциях от резервных батарей тоже давно и след простыл...

Меня посещает неожиданная идея.

– Где здесь у вас туалет? – спрашиваю я техников.

– Вон там, направо, – показывает старший.

Я беру две толстые защитные перчатки, лежащие на столике. Надеваю одну из них себе на руку, вторую протягиваю Радиславу.

– Наденьте на правую руку и следуйте за мной.

Он крайне неохотно повинуется.

Закрыв за нами дверь, в туалете я шепчу ему на ухо:

– Нас могут прослушивать через импланты. Надеюсь, эти перчатки помогут. А туалеты для системы мониторинга – слепая зона.

Радислав, поняв, кивает.

– В телепорте, – продолжаю я шепотом, – должны оставаться данные обо всех прилетах и отлетах. Если вы опознаете среди пассажиров ту рыжую шлюху – мы моментально выйдем на след террористов, понимаете?! Добираться туда на дельтаплане нет времени. Придется рискнуть общественным транспортом. План такой. Мы выходим из энергостанции и бежим в метро. Оно в нескольких метрах отсюда, вы и сами знаете. До Центральной площади – одна остановка, доберемся за пару минут. Поскольку нас сейчас никто не может видеть и слышать, террористы не успеют нам помешать. У них просто не хватит времени, чтобы подстроить автостастрофу или еще что-нибудь.

– А потом вы оставите меня в покое? – робко интересуется Радислав.

– Даю слово! – немедленно соглашаюсь я. – Даже если этой шлюхи нет в списках пассажиров. Картинку у вас из головы я всё равно вынуть никак не смогу.

Мы выходим из туалета и, ничего не сказав удивленному главному технику, направляемся напрямиком к выходу.

– Передайте Агентству Безопасности, – кричу я охраннице, минуя ее будку, – чтобы срочно проверили резервные ба-

тарей в Париже и Риме. Пусть свяжутся с шефом нашего полицейского участка, он им всё объяснит.

Снаружи энергостанции ничто и никто не кажется нам подозрительным.

Метро, к счастью, работает в своем обычном режиме. Пережитое им отключение энергии, похоже, не привело к столкновению поездов или чему-нибудь в этом роде. Судя по всему, я не стал виновником массовой гибели граждан – и не проведу ближайшие столетия в подземном бункере Луны-3.

Всё идет по плану, и вскоре мы с Радиславом уже мчимся к зданию телепорта.

Минут пять у меня уходят на пререкания с сотрудницей, наотрез отказывающейся выдать нам личные данные пассажиров. Никакие уговоры не действуют. Без жетона я для нее не полицейский, и всё тут.

Я уже начинаю прикидывать в уме, каким изощренным пыткам ее лучше подвергнуть...

Внезапно ко входу в телепорт подъезжает большой черный фургон без опознавательных знаков. Из него выпрыгивают люди в черной форме, держащие в руках автоматическое оружие с лазерным прицелом. Пятеро бойцов занимают оборону у входа, встав на одно колено и пристально разглядывая через прицел всех, кто прогуливается по Центральной площади и попадает в их поле зрения. Пятеро других заходят в телепорт.

Агентство Безопасности. Одного нажатия на курок их оружия достаточно, чтобы оставить от мишени пустое место. Не то, что эти детские игрушки, которые выдают нам в полиции!

– Агент Иванов, – представляется один из вошедших, в то время как четверо других разбредаются по территории телепорта, держа автоматы наготове. – Вы позволите, если

мы заберем Радислава с собой? – спрашивает он подчеркнуто вежливо.

– Да-да, конечно, – говорю я.

Подойдя к Радиславу, агент берет его за локоть.

– Вот только, – добавляю я, – вы не скажете этой мымре, – я показываю пальцем на сотрудницу телепорта, – чтобы она дала ему взглянуть на список пассажиров? Понимаете ли...

– В этом нет необходимости, – обрывает агент. – В офисе мы извлечем у него из мозга зрительные образы.

– Но подождите, – протестую я. – Ведь так вы сможете узнать, куда террористы отправились с похищенной батареей!

Агент Иванов улыбается.

– Все террористы, – говорит он, – уже пойманы. Бомба, которую они изготавливали, обезврежена.

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

ГЛАВА 10

– Видите ли, – объясняет мне агент Иванов, – мы взялись за это дело, как только министр энергетики сообщил на пресс-конференции о пропаже двух батарей.

Он делает знак, и двое из прогуливающихся по зданию телепорта агентов выводят Радислава наружу.

– Установили, – продолжает он, – кто и как похитил их во время транспортировки, и вышли на сеть террористов. Когда вы с Радиславом еще только подлетали на дельтаплане к энергостанции, мы уже знали, что резервная батарея там подменена использованной. В Париже и Риме – тоже.

– Выходит, я совершенно зря подверг миллионы москвичей такому риску...

– Выходит, что да, – соглашается агент.

– А зачем вам зрительные образы из мозга Радислава? Вы же сказали, что все пойманы?

– Для собирания улик. Вы же знаете, все эти судебные формальности...

Я понимающе киваю.

– Но я хотел бы, – агент протягивает мне руку, – сказать вам спасибо.

– За что? – Я крепко жму ему руку.

– С момента основания Агентства, – улыбается он, – еще никогда нас не подстраховывала полиция. Я правда впечатлен, Ингви. Вы бы не хотели перейти к нам на работу? Я совершенно серьезно.

– Ну, – горько усмехаюсь я, – лет так через сто пятьдесят... или двести. Как только освобожусь из тюрьмы. А кстати, сколько мне дадут? Свешивание человека за шею с крыши небоскреба на виду у всех камер мониторинга. Стрельба по десятерым полицейским. Захват персонала энергостанции и отключение энергии в целом квартале.

Агент Иванов на секунду-другую крепко задумывается.

– Я сделаю вот что, – говорит он. – Скажу вашему начальству, что вы действовали в качестве нашего внештатного агента. Судьи также получат об этом уведомление. Вы, возможно, не знаете, но Агентство Безопасности, в соответствии с некоторыми директивами – которые не сильно афишируются, – обладает расширенными полномочиями. Весьма расширенными. Поэтому максимум, что вам грозит за ваши импровизации, это условный срок.

Нет слов, чтобы описать, какой камень с души у меня только что свалился.

– Агент Иванов, я вам так благодарен!

– Не стоит благодарности. Езжайте сейчас в больницу, потом домой. Завтра на свежую голову подумаете над моим предложением.

Когда фургон уносится прочь, забрав с собой Радислава, я вызываю такси.

По пути в больницу я впервые за сегодняшний день – с того самого момента, как обнаружил тело многострадального Радислава под одеялом, – наслаждаюсь состоянием абсолютной безмятежности и покоя.

Как же чертовски приятно осознавать, что от тебя больше ничего не зависит! Наконец-то голова перестала разрываться из-за этих проклятых батарей!

В больнице, как только операция по пришиванию мне сохраненной в холоде руки заканчивается, всё блаженство едва не улетучивается прочь...

– Офицер, – на экране жетона появляется знакомое лицо китаянки, – мы установили личность убийцы Радислава. А заодно, в рамках дела об угоне автомобиля, установили личность сообщницы.

– Большое спасибо. Но полиция больше не ведет это дело. К вам уже обращалось Агентство Безопасности?

– Да-да, я только что передала им всю информацию, – отвечает китаянка. – Но я просто подумала, что вам будет любопытно взглянуть. Ведь вы так усердно занимались этим.

– О, нет, благодарю вас. Я чертовски устал... Просто нет никаких сил. Главное, что все они уже пойманы. Был очень рад сотрудничеству с вами!

В участке, куда я добираюсь от больницы на автобусе, шеф энергично жмет мне руку.

– Звонили из Агентства Безопасности, – говорит он мне на ухо. – Очень хвалили тебя. А ты почему мне не сказал? Ты что, не доверял мне?

– Чего не сказал?

– Сам знаешь чего.

– Ну, – придумываю я, что бы такое соврать, – я был у них типа тайным агентом. А нас тут могли подслушивать.

Устройство, выдавшее мне утром оружие и жетон, забирает их обратно...

– Ты до сколько тут собрался проторчать? – интересуюсь я у Филиппа, поднявшись к нему на этаж. Он сосредоточенно пялится в компьютер. – Про мой День рождения не забыл еще?

Выглядит Филипп так же, как в тот момент, когда я сегодня впервые увидел его на экране. Крайне встревожен чем-то.

Мой вопрос он, похоже, пропустил мимо ушей.

– Что случилось? – Я чувствую, что моя беззаботная эйфория опять рискует улетучиться.

– Это очень странно, – бормочет он себе в бороду. – Такого не может быть...

– Да что там у тебя такое? Ты скажешь уже или нет?

– Я выяснил, как они подсосались к андроидам и подменили исходящий сигнал. Почти установил, откуда произведен взлом. Разумеется, оттуда же, откуда они взломали систему мониторинга, спутниковую службу и департамент криминалистики.

– И откуда?

– Я сказал, что почти установил. Еще есть вероятность, что я ошибся.

– Окей. И кто это? Вероятно, что кто?

Филипп нервно облизывает губы.

– Нет, давай я лучше скажу, как только полностью буду уверен. Я наверняка ошибаюсь. Такого просто не может быть. Надо всё перепроверить.

– Ну, как знаешь. – Я пожимаю плечами. – Не хочешь говорить, не надо. А что переживать-то так? Их же всех уже поймали.

Филипп, похоже, опять не слышит.

Совсем заработался бедняга. Так и до нервного срыва недалеко.

В раздевалке я машинально закидываю повидавшую виды форму в платяную тумбу – хотя следовало бы, пожалуй, в мусорный контейнер, – после чего облачаюсь в ожидающиеся меня в шкафчике футболку, джинсы и кроссовки.

Уже на выходе из участка я сталкиваюсь с офицером, с которым сегодня обменялся парой фраз возле Архив-Службы – перед тем, как уложил его, среди прочих, подлым выстрелом в спину.

– Извини, что так вышло, – говорю я.

– Да ладно. – Он похлопывает меня по плечу. – Шеф уже всем раструбил, что ты сегодня спасал планету.

Ну всё...

Теперь они еще долго надо мной издеваться будут.

– И я горд, – добавляет он, – что и сам внес в дело спасения планеты свой скромный вклад. Это ведь я занимался угоном тачки! Если бы не я, то не было бы биоматериала на ту рыжую сучку. Кстати, ты в курсе, как они в автомобиль влезли?

– Да, разъели стекло кислотой. – Я мечтаю поскорее отделаться от прилипчивого парня.

– Какой еще кислотой? Они это до гениальности просто сделали. В лаборатории мы определили состав жидкости. Никто еще до такого не додумался! Слушай. Берешь сред-

ство для бритья. Ну, самое простое – которым физиономию мажешь и потом год щетина не растет. Ты сам, небось, таким пользуешься, да?

– Ну, предположим.

– И капаешь его в бензин.

– Бензин?

– Ага. Это такая хрень, на которой допотопные машины ездили. Заказываешь в синтезаторе в ретро-каталоге и капаешь в него. Всё, готово. Смешиваешь и брызгаешь на стекло – тут же образуется в нем дыра. И абсолютно беззвучно образуется! Чем больше брызнешь – тем больше дыра. Главное, на физиономию себе не брызни. Этого мы в лаборатории не проверяли. Не знаю, что будет.

– Да, оригинально. – Я предпринимаю попытку попрощаться с назойливым коллегой: – Если у меня сейчас дома заклинит входную дверь, буду знать, как проникнуть через окно. До свидания!

– Пока-пока! – оставляет он меня наконец в покое.

Дома я первым делом заказываю себе в атомном синтезаторе борщ...

Взглянув на часы, вздрагиваю.

16:45. А я до сих пор не позаботиться о вечеринке!

О каком там ресторане говорил Денис? В парке возле нашего дома, кажется. С натуральной кухней, сказал. «Довольный суслик»? Или «Сытый суслик»?

Надо как можно скорее забронировать там места. В восемь часов мест будет не сыскать уже нигде. Две трети населения планеты – или как там утром говорили в новостях? – будут смотреть в прямом эфире повторный запуск «Архивариуса».

Но лучше всё-таки сначала уточнить про ресторан у Дениса...

Блин, когда его там уже воскресят? Я помчался от скорой к дому вандала где-то в четверть второго. Архив-Служба на тот момент еще не забрала еще тело. Наверняка приехали уже минут через пять. Значит, надо отсчитать обычные для таких случаев четыре часа. Выходит, я смогу уточнить у него про ресторан уже через полчаса...

Ладно, полчаса подождать можно.

Стоя в душевой кабинке, я насвистываю ту самую навязчивую мелодию, что и утром, и невольно задумываюсь, чем бы таким занять себя до вечернего похода в ресторан.

Идея!

А не добавить ли мне к мемуарам запись о сегодняшних событиях?

Вот прямо сейчас. Как только покончу с душем.

Буду ли я иначе помнить этот день через сто лет? А через тысячу? Денис говорит, что за те столетия, которые он провёл на Ремотусе, память о самом первом веке уже начисто испарилась. Не говоря уже о всей предыдущей жизни.

Кстати! Денис сегодня пропустил много интересного. Поэтому в ресторане я бы мог зачитать – громко и с выражением – всё, что произошло после нашей аварии на эстакаде.

А Мирослава? Она-то вообще не в курсе! С удовольствием послушает рассказ о наших приключениях от начала и до конца.

– Показать файлы воспоминаний! – Я устраиваюсь на диване поудобней.

Из импланта появляется экран, а на нем – список файлов. Текстовый редактор сам дал им названия, обкусав первые предложения, поскольку я – к своему большому стыду – так и не разобрался, как сохранять файл под выбранным именем.

Файлов пять:

«15-го сентября 1017 года в Иерусалиме и на всей Святой Земле впервые после».

«18-го октября 1016 года тихое местечко Ассандун на юго-востоке Англии превратилось».

«15-го сентября 1017 года, на следующий день после праздника Воздвижения Креста».

«— С другой стороны, — попытался сам себя подбодрить Ингви, — через минуту».

«Через полмесяца после своего воскрешения Ингви навестил Кнуда. Но сделать».

Может быть, и правда стоит писать о себе в первом лице? Денис здорово удивился, что я пишу в третьем.

А ну-ка, ну-ка...

Любопытно, как это будет звучать.

Я произношу название четвертого файла, заменив «Ингви» на «я»:

«— С другой стороны, — попытался сам себя подбодрить я, — через минуту».

Да ну. Отстой какой-то.

Или...

Может быть, так?

«— С другой стороны, — попытался я сам себя подбодрить, — через минуту».

Так вроде уже ничего.

Я бегло просматриваю файл за файлом, прикидывая, как будет звучать текст, если везде позаменять «Ингви» на «я».

Ой. А это еще что? Третий файл заканчивается тем же самым фрагментом, с которого начинается четвертый. Опять глючил текстовый редактор? На этот раз он, похоже, самовольно продублировал начало файла в конце предыдущего.

Я выделяю явно лишний кусок и нажимаю виртуальную кнопку «СТЕРЕТЬ». А затем «СОХРАНИТЬ».

Чего он там пишет? Сохранить файл вместо уже существующего? Ну, наверно. «ДА».

И что теперь не устраивает? Твою мать.

Файл с таким названием уже существует, говоришь?

Так, ладно...

Куда я бросил инструкцию?

Можно, конечно, поискать ее в Сети. Но в бумажной версии Мирослава подчеркнула мне, тупому, красным фломастером всё самое важное. Вот только куда я эту брошюрку закинул?

Я по несколько раз перерываю всё, где она гипотетически может находиться.

Нигде нету...

Может, завалилась куда?

Нагибаюсь и заглядываю под диван.

О, а вот и она!

Стоп. А это еще что такое?!

Помимо инструкции, я извлекаю из-под дивана киберприставку для Игры.

Ничего не понимаю...

Откуда она здесь? Никогда не видел, чтобы Мирослава играла. И потом – зачем прятать от меня? Боялась, что я буду осуждать? Но мое осуждение бесконечных новых шмоток ее почему-то не сильно беспокоит.

Сев на диван, кручу загадочную киберприставку в руках.

«Святая Земля начала 11-го века».

Ох ты, блин. Я случайно обнаружил подарок Мирославы мне на День рождения!

Нет, стоп. Она же сказала сегодня утром, что не успела выбрать мне подарок. Столько у нее было работы все последние дни в этом ее Европейском Институте Физики.

Я всё понял! Она опять – уже в который раз! – выбросила шестьдесят ремо на андроида. На этот раз – чтобы мгновенно пробраться в квартиру с подарком, пока я на службе, и спрятать сюрприз под диваном.

Видать, когда она этим утром возвращалась в атомный синтезатор, то незаметно от меня отключила режим «Спрашивать разрешение на прием гостя». А это очень и очень неразумно. Конечно, код нашего личного синтезатора знаем только мы сами, и незваные гости не смогли бы так просто проникнуть в квартиру... Но всё же. Зачем рисковать?

Я встаю с дивана, чтобы вернуть синтезатор в режим по умолчанию.

– Ингви! – появляется на экране лицо Филиппа. – Если ты стоишь, то лучше сядь.

Выглядит он всё таким же нервным и даже еще более исхудавшим, чем обычно.

– Ты уже всё выяснил? – спрашиваю я.

На всякий случай усаживаюсь обратно.

– Да, – кивает он. – Со стопроцентной вероятностью.

– Отлично! Тогда вали уже с этой чертовой работы и отдохни чуток дома. Скоро тебе понадобятся силы. Встречаемся в семь тридцать у моего подъезда!

– Все взломы были совершены с Земли. Из их Главного управления Агентства Безопасности.

Я молча смотрю на него пару секунд.

– Очень смешно, Филипп, – широко улыбаюсь я. – Как я рад, что к тебе возвращается хорошее настроение! Всё, живо вали уже из участка.

– Нет, я серьезно, Ингви.

Я всматриваюсь в его лицо. Он действительно не прикалывается.

– Погоди, погоди. – Я пытаюсь привести хаос из возникающих мыслей в порядок. – Ты хочешь сказать, что наше ремотусианское Агентство Безопасности только что поймало агентов с Земли, замышляющих против нас теракт?!

– Да никого они не поймали! Я поинтересовался личностями тех двоих, чья геномная реконструкция была проведена китайцами. Посмотрел, где они сейчас. Думаешь, в застенках Агентства?

– А где?

– Разгуливают себе как ни в чем не бывало по Риму. По нашему, на Ремотусе.

– Не может быть...

– Похоже, что они заодно. Агентства эти. Одни действуют – другие следят, чтобы никто не помешал. Тебя они хитро устранили. Я еще не слушал земные новости, не до того было, – но не удивлюсь, если там тоже батареи пропали.

– Да что ты такое говоришь? – Я судорожно пытаюсь найти аргументы, которые бы всё объясняли. – Может, террористы взломали компьютеры земного Агентства? А наши агенты отпустили убийцу Радислава и сообщницу, потому что... ну... раз бомбу обезвредили, то до суда могли и отпустить.

– Ингви, они их не отпускали. Они их даже не задерживали, понимаешь? Я посмотрел быстренько записи мониторинга. Где эти двое были всё последнее время. И еще про ночного охранника глянул, он уже воскрешен... С агентами они все трое вообще не пересекались!

Вот это да.

Агент Иванов так откровенно соврал мне.

И ведь как он вовремя успел, сволочь, к телепорту. Еще бы чуть-чуть, и мы бы с Радиславом выяснили, что та парочка телепортировалась в Рим.

Что же теперь делать? Пока я сижу тут на диване, они собирают там свою бомбу. А может быть, уже собрали?

– Есть еще кое-что, – говорит Филипп, приглаживая взъерошенные волосы. – Даже не знаю, как тебе сказать.

– Что бы это ни было, это не может быть хуже того, что ты уже сказал.

– Та рыжеволосая девица... это... в общем, это твоя Мирослава.

– Что???

– Ошибки быть не может.

Как хорошо всё-таки, что Филипп посоветовал мне сесть. Вся комната поплыла сейчас перед глазами.

– Но при чем тут вообще она?! – Сознание напрочь отказывается принимать такую новость.

– Думаю, при том, что она физик. Террористам для извлечения из батарей начинки не обойтись без помощи специалиста.

– Не может быть, чтобы она пошла на такое!!! – выхожу я из себя. – Неужели ты сам веришь в это?!

– Ну, – уклончиво отвечает Филипп, – ее могли, конечно, обработать чем-нибудь. Мы с тобой оба видели, какие у них технические возможности. Могли вообще стереть часть воспоминаний. Это, уверяю тебя, не сложнее, чем выдать ей рыжий парик, содержащий ее собственную ДНК.

Я немного успокаиваюсь.

– Да, еще... – Филипп, похоже, приготовил мне очередной сюрприз. – Я вычислил, кто на самом деле устроил вам с Денисом аварию. Андромидом вандала управляла тоже она.

– Кто «она»? – не понимаю я.

– Кто, кто. Твоя Мирослава.

Я сижу, тупо уставившись перед собой. И ничего не вижу.

– Наверняка она сама и придумала, – продолжает Филипп, – что можно выдрать источник питания из груди андроида и вызвать рывок автобуса. Физик ведь. Как здорово всё рассчитала!

Святая Земля начала 11-го века...

Дьявол, всё сходится.

У ночного охранника, по словам Дениса, дома валяется такая же точно приставка для Игры!

Я вскакиваю с дивана и бегу к синтезатору.

– Ингви, ты куда?

У него включен обычный режим «Спрашивать разрешение на прием гостя».

На всякий случай заглядываю в список последних операций...

Нет. Никакого андроида в квартире не появлялось с самого утра, когда андроид Мирославы был разложен в этом шкафу на атомы. Выходит, что киберприставкой пользовалась она сама.

– Филипп, она зависала в киберреальности Святой Земли начала 11-го века. Ночной охранник – тоже. О чем это может говорить?

– Ну, они могли там общаться друг с другом. Хоть всей своей террористической сетью.

– Зачем? Что это могло им дать?

Филипп задумывается.

– Полагаю, там их сложнее было бы вычислить, – говорит он. – В Игре можно брать себе абсолютно любой облик. Любого персонажа. Полиция, как ты сам знаешь, не мониторит, что там происходит. Может быть, Агентство Безопасно-

сти и мониторинг... Но раз это они сами и есть... В общем, обмениваться своими планами в Игре им было бы абсолютно комфортно.

– А если я прямо сейчас, – приходит мне неожиданная идея, – надену на голову эту приставку? Я окажусь в Игре персонажем Мирославы?

– Нет. Ты же не знаешь пароля.

Черт побери.

А как было бы здорово – очутиться там под личиной одного из них и всё разнюхать!

– Филипп, пока тебя там еще не убили... ты не мог бы посмотреть, где конкретно сейчас Мирослава, тот лысый хрен и охранник? И что они делают?

Филипп на пару секунд пропадает с экрана.

– Все трое в Риме, – говорит он, появившись снова, – в разных местах Восточного квартала. Сейчас скину тебе координаты на имплант. А что они делают... Да вот сидят как раз с киберприставками на голове.

– Прекрасно! – еще не верю я своей удаче. – Не спрашивай только, что я придумал. Нас могут подслушивать. Да, кстати... Ты случайно не мог бы грохнуть мониторинг в нашем квартале и у них в Риме? Прямо сейчас?

– Как это «грохнуть»?!

– Ну, раз ты теперь знаешь все коды доступа...

– Ты что, предлагаешь вывести из строя мониторинг в двух кварталах? – Он непонимающе смотрит на меня. – Да ты представляешь сколько лет тюрьмы мне за это светит?!

– Какой тюрьмы, Филипп? Очнись! Если мы не остановим их прямо сейчас, то никто не остановит. Тут любые методы сгодятся.

Проклятье! Чуть было не забыл.

– Да, еще... Как думаешь, они могут подсосаться к импланту?

– Ничего не исключаю, – бормочет Филипп, видимо, напряженно обдумывая, пойти ли ему на преступление.

– И встроенный маячок включить могут?

– Ну, это-то и подавно. Если полиция может активировать маячки, имея на руках судебную санкцию, то Агентство Безопасности наверняка и без всякой санкции может.

– Так... – соображаю я. – Чем я могу обмотать руку, чтобы блокировать сигнал? Придумай что-нибудь поскорее!

– Сейчас. Подожди секунду.

Пока он придумывает, я уже одеваюсь, размышляя, чего бы такого захватить с собой в Рим в качестве оружия. Да, один выстрел из их автомата разнесет меня в клочья. Но не с голыми же руками идти к ним!

Заказать в атомном синтезаторе что-нибудь огнестрельное и даже парализующее, конечно же, нельзя. А вот холодное оружие...

Мой взгляд задерживается на висящем на стене мече, который почти три года назад мне подарил Кнуд.

Я аккуратно снимаю его и вынимаю из ножен. Острый как бритва.

– Ингви, я придумал! – восклицает Филипп. – Закажи в синтезаторе пленку из вот этого.

На экране появляется длинное научнообразное слово, которое я не то что выговорить – даже написать без ошибки вряд ли смогу.

– Давай-ка лучше ты сам. – Подбежав к атомному синтезатору, я подношу к нему вплотную руку с экраном.

Филипп громко и отчетливо произносит заказ, и мне остается лишь дважды приложить руку к оранжевому диску.

Перед тем, как обмотать правую кисть добытой из чрева синтезатора непрозрачной пленкой серого цвета, я возвращаюсь всё к тому же:

– Чисто технически ты способен отключить мониторинг или нет?

– Уже работаю над этим. Полторы минуты осталось.

Вот это молодец!

Надеюсь, мы с ним еще увидимся...

Взглянув напоследок на присланные Филиппом координаты террористов, я запоминаю их и обматываю руку.

Схватив ножны со спрятанным в них мечем, спешно покидаю квартиру и дом.

– К телепорту! – команду я, забравшись в первое остановившееся такси.

Спустя восемь минут я уже стою перед той самой мымрой, которая сегодня лишь чудом избежала адских мук.

– В Рим! Наш Рим.

Она хлопает глазами, уставившись на мою руку.

Ах да...

Я разматываю пленку.

– Это будет стоить две тысячи ремо, – сухо сообщает она. – Приложите вашу руку к оранжевому диску.

Прощайте, мои накопления! Путешествие на Землю откладывается еще на неопределенный срок.

И ведь ничего не поделаешь. Я могу сколько угодно бегать сейчас по Центральной городской площади и затаскивать сюда за шиворот прохожих – пользуясь тем, что мониторинг всё равно отключен, – и прикладывать их импланты к оранжевому диску, угрожая пропороть брюхо мечем. Но компьютер бдительно проследит, чтобы телепортирован был именно тот, кто сам оплатил поездку.

– Теперь лягте сюда, – показывает она.

Поспешно замотав руку, я забираюсь в открывшуюся капсулу и кладу меч рядом с собой.

– Приятного вам путешествия!

Крышка капсулы захлопывается у меня над головой.

ГЛАВА 11

Через полмесяца после своего воскрешения Ингви навещил Кнуда. Но сделать это было не так-то просто...

Еще в первые дни своей жизни на Ремотусе, быстро разузнав, кто из родни и друзей где обитает, Ингви был сильно удивлен тем, что Кнуда найти не удастся. Вернее, его не удалось отыскать ни в одном из городов планеты. Согласно адресному каталогу, последним местом его проживания была квартира в Лондоне. Однако, выписавшись оттуда около полугода назад, Кнуд так больше нигде и не поселился.

Поиск по адресному каталогу Земли также не принес результатов. Впрочем, кто бы его пустил жить там?

Ингви даже проверил данные о заключенных тюрем на Луне-3. Тоже бестолку.

– Кто-нибудь живет на природе? – спросил он у Мирославы, сооружающей себе перед зеркалом прическу, как у Мерлин Монро.

По всему Ремотусу в тот сентябрь свирепствовала мода на 50-е двадцатого века.

– Что, милый?

– Я имею в виду, на Ремотусе есть люди, которые отказываются жить в городах и постоянно проживают где-нибудь среди лесов?

Мирослава отложила фен в сторону.

– Есть такие коммуны. Всякие религиозные фанатики. А почему ты спрашиваешь?

– Помнишь, я спас жизнь своему конунгу? Он еще за это дал мне столько серебра и золота.

– Да, конечно.

– Он мой друг детства. Кнудом зовут. Его отдали на воспитание в нашу семью, и мы с ним даже стали «клятвенными братьями». Собственно, поэтому, – пояснил Ингви, – он и сделал меня своим личным телохранителем. А когда-то его отец, Свен Вилобородый, рос вместе с моим отцом... Мой дед, Палнатоки, воспитывал их обоих... А если бы я тогда женился на тебе и увез в Данию – Кнуд наверняка отдал бы своего сына-наследника нам, и мы воспитывали бы его вместе с нашими собственными детьми.

– И он сейчас в такой коммуне? – удивилась Мирослава.

– Похоже, что да.

– Ох и не сладко ему там приходится. – Мирослава вернулась к укладке волос. – Я про них читала. Они в течение столетий добивались через суд, и в итоге добились, чтобы их тела вернули в прежнее состояние. Представляешь, захотели болеть, стареть и умирать?

Ингви молча покачал головой.

– Вот только иметь детей, – продолжала Мирослава, – суд им так и не разрешил. Их адвокаты, разумеется, аргументировали, что, мол, раз они своими смертями освобождают на планете место, то имеют полное право оставить после себя потомство. Такое же точно смертное, как они сами. Типа, будет естественная смена поколений на территории коммуны... Но суд счел, что содержание детей в коммуне нарушит права и свободы ребенка. А главное право человека, прописанное в конституции Ремотуса, это – как ты и сам знаешь – право на бессмертие. В итоге, было отказано.

– Но импланты-то у них есть? Я бы попросил полицию определить местонахождение Кнуда.

– Имплантов нет, – ответила Мирослава, переходя от прически к макияжу. – Кажется, сначала суд не разрешил, чтобы у них извлекали импланты... Но это привело к тому, что они там в коммунах стали отрубать себе кисти рук. Кошмар, правда? В общем, соображения гуманизма восторжествовали – и суд дал свое согласие.

«Нет. Кнуд определенно не был религиозным фанатиком», – подумал Ингви. – «На него это совсем не похоже».

– Я читала, – сказала Мирослава, – что в первые десятилетия Проекта селиться на природе вообще не разрешалось. Полиция сносила их лагеря, а члены коммуны получали тюремные сроки. Но после массовых общественных выступлений в их защиту государству пришлось пойти на уступки.

– Чем они там питаются? – недоумевал Ингви. – Не прихватили же они с собой в лес атомные синтезаторы?

– Ну, разводят коров, свиней, кур, всякую прочую живность. Выращивают что-то. Всё как в старые добрые времена. Скот их, разумеется, периодически дохнет от болезней, посева погибают от засух. И тогда коммуны вымирают от голода одна за другой. Сказка, а не жизнь, правда?

Ингви было совсем не смешно.

Он должен вырвать из лап фанатиков непонятно как оказавшегося там друга!

– А где они берут скот и семена? – поинтересовался он.

– Первые поселенцы бегали по природе с заточенными палками и ловили кабанов, оленей и прочих диких животных. В общем, жили охотой и собирательством. Ты только представь, – она посмотрела на Ингви, – выходишь из метро на природе, гуляешь себе по лесу, и вдруг проносится мимо такой дикарь!

Ингви, как ни старался, не мог представить себе в этой роли Кнуда.

– Это тогда, собственно, – продолжала она, – их и упекали в тюрьмы. Отчасти – по статье за причинение вреда природе. Но когда власти разрешили их лагеря, то заодно придумали, как свести на нет общественную и экологическую опасность.

– И как, интересно?

– Лагерь по всему периметру обносится стеной, которую им не разрушить и через которую не перелезть. А скот и семена им выдали из городских агро-лабораторий. Ты ведь слышал уже про рестораны с натуральной кухней?

– Кажется, да.

– Ну так вот. Специально для таких ресторанов – где некоторые готовы расстаться с сотнями ремо за натуральную еду – в каждом городе работают лаборатории, в которых ученые из стволовых клеток могут вырастить хоть коровью ляжку, хоть живую корову целиком. Не говоря уже о выращивании овощей и фруктов. Короче, подарили поселенцам свиней, коз, овец и всякую всячину.

В тот же день Ингви наведлся в полицейский участок.

Объяснив дежурному всю ситуацию, он к огромному своему облегчению услышал, что Кнуда без труда можно найти со спутников. Спутниковой службе достаточно будет лишь взять фотографию Кнуда из полицейской базы данных и нажать на поиск.

– Мне понадобится ваше заявление о пропаже человека, – сказал офицер.

Ингви написал заявление и уселся ждать.

Спустя всего лишь пять минут офицер подозвал его к себе:

– Ваш друг находится в коммуне возле Лондона. Это в Британском Штате.

– Благодарю вас, – обрадовался Ингви. – Вы не подскажете заодно, как попасть к ним внутрь? Я хотел бы пообщаться с Кнудом. Но я слышал, что власти огородили каждую коммуну высокой стеной, чтобы поселенцы не могли выйти наружу.

Полицейский усмехнулся:

– Боюсь, попасть к ним внутрь вы сможете, только став одним из них.

– Что вы хотите сказать?

– Первого числа каждого месяца, ровно в полдень, в стене каждой такой коммуны на Ремотусе открывается дверь. Ровно на одну минуту. Полиция дежурит у входа, держа оружие наготове. За эту минуту внутрь могут войти новые поселенцы, а наружу – выйти те, кто решил вернуться к нормальной жизни.

– А как же свидания с родственниками?

– Не проводятся. Понимаете, – развел руками офицер, – сами поселенцы выступают против того, чтобы кто-то извне, из «мира соблазнов», как они это называют, вторгнулся в их жизнь. Но они охотно принимают новых членов. Ведь все они стареют, дряхлеют и умирают. Им нужна молодежь, которая заботилась бы о стариках, брала на себя тяжелый физический труд.

– То есть я мог бы, – уточнил Ингви, – прийти к ним первого числа в полдень, пожить у них месяц, а следующего первого числа сказать «извините ребята, я сваливаю» и в полдень выйти наружу?

– Не всё так просто. Полиция имеет право запускать внутрь только тех, кто уже добился через суд, чтобы его тело вернули в состояние болезней и старения. Это сложная юри-

дическая процедура. И перед тем, как пустить человека внутрь, полицейские тщательно проверяют все документы – из суда и из лаборатории, где человека вернули в такое состояние. Не уверен, что вам это надо.

Ингви тоже был совсем не уверен.

Вернувшись домой, он стал рыться в Сети...

Что будет, если он – всё же пойдя на такое ради встречи с другом – вдруг откинет концы прямо там у них в коммуне? От несчастного случая или подхватив какую-нибудь заразу?

Поиск принес неутешительные результаты. Архив-Служба не будет больше воскрешать такого человека. Правда, поселенцам так и не удалось добиться, чтобы информация об их мозге была стерта из Архива. Это означает, что чисто гипотетически – в отдаленном будущем – человечество, быть может, пересмотрит свое отношение к уходу поселенцев из жизни и воскресит их всех. Для умершего члена коммуны это означало бы, что он возвращается к жизни в следующий же момент...

Но, во-первых, рассуждал Ингви, человечество может так никогда и не пересмотреть свой подход. И тогда он умрет навсегда. А во-вторых, даже если и пересмотрит, то как быть с Мирославой? Она-то останется на всё это время без него!

Так ничего и не придумав, Ингви решил поискать в Сети исторические сведения о Кнуде. Неужели он стал к концу жизни религиозным фанатиком? Да и чем вообще всё закончилось?

Вернувшись после своего неожиданного исцеления в Данию и проведя там зиму и почти всю весну, Ингви – конечно же – слышал вести о том, что Кнуду удалось стать королем Англии. Сначала, сразу после того знаменательного сражения при Ассандуне, Кнуд заключил соглашение с Железно-

боким – который, как выяснилось, вовсе не погиб, – и разделил с ним королевство пополам. А когда тот умер спустя месяц, Кнуд стал властвовать над всей Англией...

Но долго ли это продлилось?

Год? Два?

Ингви немало удивился, узнав, что Кнуд сохранил английскую корону до самой своей смерти в 1035 году. Более того – всего через год после начала правления Кнуда скончался его старший брат Харальд, и Кнуд заполучил в придачу власть над Данией и Норвегией, став таким образом основателем и правителем одного из крупнейших государств своего времени!

«Это кое-что объясняет», – подумал Ингви.

Только представить себе...

Король такого масштаба получает стандартную квартиру в небоскребе, сталкивается каждый день со своими бывшими слугами, живущими абсолютно в тех же условиях, что и он сам, получает стандартные сто ремо в день!..

Наверно, это было для него невыносимо. Уйдя в комму-ну, он, благодаря своим прирожденным качествам, рано или поздно сможет – в этом у Ингви не было сомнений – добиться власти. Скорее всего, абсолютной власти. Пускай над трехстами или пятистами душами, но зато настоящей власти. Наверняка будет издавать свои собственные законы и принуждать всех жить по ним. А вся лучшая еда, лучшая одежда и самые красивые женщины будут доставаться только ему одному.

И никакой религиозный фанатизм тут, конечно же, ни при чем.

В тот вечер, сразу после телесериала «Бессмертные тоже плачут», шла передача про экстремальные виды отдыха.

На десятой минуте у Ингви появился план.

За те полчаса, что шла передача, план созревал, приобретал всё более и более ясные очертания и, наконец, был готов.

– Сколько стоит бутылка натурального красного вина? – спросил он у сидевшей рядом на диване Мирославы. Без какой-либо связи с темой телепередачи.

Получив ответ, Ингви мысленно прикинул: «Ну что ж, до первого числа как раз успею всё накопить».

– А почему спрашиваешь?

– Да так... просто.

Без подарка там появляться было бы невежливо.

А Кнуд всегда любил хорошее красное вино...

По прошествии десяти дней – первого октября – Ингви встал раньше обычного, в пять часов утра. Мирославе он еще с вечера сказал, что отправится в Лондон повидать друга. Не уточняя, что речь идет о Кнуде.

Добравшись на такси до аэропорта, он сел на самолет и уже через двадцать минут ехал по лондонскому метро на природу – к остановке, находящейся ближе всего к коммуне Кнуда.

В ресторане натуральной кухни, соседствующем с выходом из метро, он купил бутылку одного из самых дорогих красных вин. Перед тем, как заплатить, долго и придирчиво рассматривал голограмму на пробке, удостоверяющую, что данный продукт не произведен в синтезаторе путем атомной сборки. Затем – подойдя к ближайшему синтезатору – заказал там себе альпинистское снаряжение и парашют.

«Можно, конечно, спуститься к ним тем же способом, которым залезу наверх», – рассуждал Ингви. – «Но что если кто-нибудь из поселенцев поднимется по тросу и сбежит? Чтобы раздобыть для общины кабана или оленя? Как бы власти не обвинили меня потом в соучастии».

По карте путь от метро до стены коммуны казался не таким уж и большим. Какие-то смешные семь километров! Однако пробираться сквозь дремучий лес и болота оказалось не так то просто... В результате, Ингви очутился у зеркальной стены только к девяти.

На встречу с Кнудом оставалось всего три часа.

Новейшее альпинистское оборудование мгновенно доставило его на самый верх стены.

«С ума сойти», – подумал Ингви, увидев перед собой деревню поселенцев.

Он ожидал увидеть шалаши и дикарей, пляшущих вокруг них в шкурах. Но увидел дома, сложенные из бревен, ухоженные поля, мастерские – и много-много красиво одетых людей, занятых работой. Кто-то собирал урожай, кто-то орудовал молотом на наковальне...

Ингви прыгнул, и высокотехнологичный парашют сам открылся, когда надо.

– Где я могу найти Кнуда? – спросил он у изумленно смотрящей на него старушки, стаскивая с себя парашют. – Он полгода назад к вам пришел. Датчанин. Король ваш бывший.

К счастью, поселенцы не стали добиваться через суд, чтобы у них удалили из мозга владение общим языком Ремотуса. Иначе Ингви пришлось бы сейчас туго.

– Ступай вон к тем овцам, сынок, – показала пальцем старушка, подозрительно рассматривая пришельца с ног до головы.

Ингви направился с стаду овец, мирно пасущемуся на лугу, и еще издали узнал в пастухе Кнуда.

Выглядел он даже младше, чем во время их последней встречи. Видимо, пройдя через процедуру возвращения старения, человек не сразу начинал выглядеть на свой настоя-

щий возраст. Кнуд проделал это с собой всего полгода назад... Выходит, размышлял Ингви, старость начнет постепенно давать о себе знать, отсчитывая с этого момента.

Подойдя ближе, Ингви заметил, что у Кнуда насморк. Болезни, значит, не заставили себя долго ждать.

– Я исполнил твою просьбу, – сказал Ингви, встретившись с ним взглядом. – Когда добрался до Гроба Господня, то помолился там и за тебя.

Кнуд сначала не поверил своим глазам.

– Ингви! Как я рад, что ты присоединился к нам! – Он кинулся обнимать друга. – Но... подожди, ведь еще нет двенадцати. Как же ты сюда попал?

Кнуд чихнул.

– Будь здоров. В двенадцать я рассчитываю уже смыться отсюда. Я пришел увидеть тебя. Вот, держи. Это тебе.

Ингви протянул ему бутылку вина.

– Виноградников в таком климате, – пояснил Ингви, – у вас быть не может. Так что, надеюсь, ты останешься доволен.

– Благодарю. – Кнуд с удовлетворением разглядывал голограмму на пробке. – А ты знаешь... Я и не сомневался, что ты вознес за меня молитву у Гроба Господня. Без Божьей помощи я бы никогда не смог достичь того, чего я достиг. Ты бы только видел, Ингви! Такое было не под силу ни одному смертному!

– Ну, я читал. Впечатляет, да.

«В общем, я был прав», – решил Ингви. – «Всё дело в жажде власти. Начать-то пришлось с пастуха, но глазом никто и не успеет моргнуть, как станет вожаком их коммуны».

Подозвав кого-то, Кнуд попросил присмотреть за овцами.

– Пойдем, я покажу тебе свой дом.

Когда они проходили мимо кузницы, Кнуд предложил Ингви подождать снаружи, а сам заскочил внутрь. Спустя пару минут он вышел, держа в руке меч и ножны.

– Держи. Это мой подарок тебе. Уж не знаю, пригодится ли когда-нибудь. Повесь на стену. В твоей квартирке в этом зеркальном чуде. Пусть висит там и напоминает тебе о том, кто ты есть на самом деле.

Ингви с благодарностью принял подарок и, когда они двинулись дальше, заметил, что Кнуд сжимает в руке бутылку уже со взломанной голограммой и в ней не достаёт одной пятой содержимого.

Теперь ясно, как он сумел приобрести у кузнеца такой великолепный меч...

Ингви был очень тронут. И одновременно безмерно рад, что вручил другу нечто, что ценится у них тут, похоже, навес золота.

– Вот и мой дом, – сказал Кнуд, когда они остановились возле одного из деревянных строений. – Живу здесь вместе с пятнадцатью другими поселенцами. Но сейчас никого нет, все на работе. Заходи.

Никогда еще в жизни Ингви три часа не пролетали так быстро.

Переубеждать Кнуда было бесполезно. Да Ингви и не надеялся, что у него это получится. Он рассказывал ему о своем путешествии на Святую Землю. О том, как встретил Мирославу. О Константинополе, об Иерусалиме и Иордане. Кнуд, в свою очередь, всё никак не мог нахвастаться своим былым величием.

За пять минут до полудня Ингви уже стоял перед закрытым проходом в стене.

Рядом с дверью лежала, издавая громкие стоны, пожилая прокаженная женщина. Как рассказал Кнуд, эта поселенка

многие месяцы мужественно переносила свои страдания, твердо решив умереть в коммуне. Однако за последнюю неделю она всё же сдалась – и теперь с нетерпением ждала помощи там снаружи.

– Заходи еще в гости, – предложил Кнуд, когда дверь открылась.

– Теперь лучше ты ко мне, – пошутил Ингви.

Он прекрасно знал, что поселенца, покинувшего коммуну, назад уже не примут.

– Ну, это вряд ли. Даже если Господь обрушит на меня такие страдания, как на эту женщину, – он презрительно смотрел, как полиция забирает прокаженную, – я уж лучше повешусь.

Ингви шагнул наружу.

Обнаружив, что перед ними обычный человек с имплантом, офицеры долго не могли поверить своим глазам.

* * *

Отпраздновать наступление 2812-го года было решено совместно с Филиппом и Денисом.

– И я сама сварю на нас всех медовухи! – гордо заявила Мирослава.

В агро-лаборатории она без труда купила мед, хмель и прочие ингредиенты, а в ретро-каталоге атомного синтезатора заказала оборудование. Такое же точно, как в их новгородской корчме. Правда, для этого пришлось хорошенько освежить память, полазив в Сети по сайтам, посвященным истории кулинарного дела. За семьдесят лет, проведенные в монастыре, варить медовуху ей больше не доводилось.

За час до наступления полуночи все четверо встретились у подножья скал, величественно возвышающихся у границы

Южного квартала Москвы. Ингви с Мирославой притащили канистры с медовухой, а Филипп и Денис запаслись фейерверком. Воспользовавшись подъемником, они первым делом заняли себе столик в кафе самообслуживания, построенного на самом краю скалы. Долго пробыть на двадцатиградусном морозе у них вряд ли получилось бы, даже несмотря на теплые шубы и пуховики.

Ровно в полночь небо над Москвой окрасилось во все мыслимые и немыслимые цвета.

Израсходовав свои запасы пиротехники, все четверо побежали согреваться в кафе. Вдоль одной из стен возвышались одинаковые атомные синтезаторы, а всё остальное пространство занимали столики и стулья. Народу было полным-полно. Время от времени люди вставали из-за столиков, брели шатающейся походкой к синтезаторам и возвращались к своим шумным компаниям с едой и напитками.

Филипп отрубился уже через полчаса. Непривыкший к спиртному, он похрапывал, положив косматую голову на стол. Остальные трое продолжали налегать на медовуху, весело болтая о том о сем.

– Я вот, например, до сих пор не понимаю, – сказала Мирослава, – почему Архив-Служба выбрала такой дорожный способ воскрешения людей. Кто-нибудь мне может объяснить?

– А ты что, – удивился Денис, – знаешь способ подешевле?

– Естественно, знаю. Все знают.

Мирослава налила себе еще.

– Вы слышали про шимпанзе по имени Рудольф? – она посмотрела на Дениса, а потом на Ингви.

Ингви покачал головой.

– Это с которого точную копию сделали? – уточнил Денис, тоже доливая себе в стакан.

– Он самый. Ингви, давай тебе поясню, раз ты не в курсе. Этому опыту уже много столетий. Короче, ученые взяли когда-то живого шимпанзе, Рудольфа этого. И синтезировали его «поатомную копию». Так это назвали. То есть сидел себе Рудольф, кушал банан и ничего не подозревал. Глаза у него были завязаны повязкой. Рядом с ним поставили сканирующий аппарат, который мог за мгновение получить исчерпывающую информацию о конфигурации всех атомов в его теле, понимаешь? А в соседней комнате стоял здоровенный шкаф, который мог в последующее мгновение синтезировать на основе этой информации – просто из других атомов – существо с данной конфигурацией.

– Вроде этих шкафов что ли? – Ингви показал на атомные синтезаторы.

– Да. Только более сложный. В этих синтезаторах, как ты знаешь, ничего живого заказать нельзя. Даже муху. Не то что обезьяну.

– И этот Рудольф... дай, я ему объясню, – встрял Денис, – сидел себе спокойно и жевал банан. Ученые нажали на кнопку, и – опаньки! – в соседней комнате в шкафу появилась обезьяна с повязкой на глазах, жрущая свой банан. Ну, шкаф поскорее открыли, он вылез оттуда. На вид – от Рудольфа не отличить. Сняли у него с глаз повязку. Всех узнаёт, кто с ним из персонала раньше работал. На имя «Рудольф» отзывается. Помнит абсолютно всё, что Рудольф помнил, и ведет себя совершенно так же.

– А настоящий Рудольф? – спросил Ингви.

– Что настоящий Рудольф? – не понял Денис. – Рудольф сидел по-прежнему возле сканирующего аппарата с повязкой на глазах и с бананом во рту. А что с ним могло произой-

ти? Сканер специально так был сконструирован, чтобы не причинять организму вреда. Вот только почему ты, – он повернулся к Мирославе, – об этом эксперименте заговорила? Ты же сказала, что Архив-Служба могла бы воскрешать людей более дешевым способом, чем это делается. И, типа, все этот способ знают. При чем тут вообще изготовление клонов?

– Ну, для начала скажи, – ответила Мирослава, – ты понимаешь, что с человеком такой эксперимент тоже прошел бы без всяких проблем?

Денис даже не задумался.

– Естественно. Его запретили по этическим соображениям. Но не вижу причин, чтобы с человеком не получилось.

– Стойте, стойте, – запротестовал Ингви. – Как это так? Сделать копию человеческого тела – это, предположим, науке под силу. Раз получилось с шимпанзе, то получится и с телом человека. Но как быть с душой?

– О, опять ты за свое, – закатил глаза Денис. – Сколько тебе раз уже объяснять, что никакой души у человека нет?

– погоди, Денис, – вмешалась Мирослава. – Давай не будем тут устраивать религиозных дискуссий, ладно? Раз Ингви верит, что душа в человеке есть, то пускай считает, что с человеком эксперимент не удался бы. Это его право. Но Архив-Служба изначально разрабатывалась учеными. И весь Проект задумывался как научный проект. Согласны?

Денис и Ингви синхронно кивнули.

– Поэтому, – продолжала Мирослава, – можно просто констатировать, что для разработчиков Архив-Службы – что копирование обезьяны, что копирование человека – это одного плана явления. Так?

Оба опять согласились.

– А теперь к твоему вопросу, Денис. Задумайся вот над чем. Почему бы им просто не брать из Архива информацию о мозге – об атомной конфигурации мозга в последний момент жизни человека – и не синтезировать здесь на Ремотусе точную «поатомную копию»? И мозг-копию уже вставлять в выращенное на основе ДНК тело? С точки зрения энергозатрат это на порядок дешевле, чем искривлять пространство-время ради похищения оригинала! Тем более, что всё равно приходится синтезировать копию мертвого мозга, для подмены. А это дополнительные затраты.

– Ну-у-у, – протянул Денис. – Какое же это будет воскрешение? Я бы сейчас – если бы был таким клоном – ощущал бы себя, безусловно, тем самым Денисом из прошлого. Это понятно. Тут вопросов нет. Но ведь так можно и в кого угодно запихнуть мои воспоминания! И он тоже будет себя ощущать тем самым Денисом из прошлого. Да хоть вообще в андроида запихнуть их! Вопрос-то в другом совсем. А какой от всего этого толк тому Денису, который умер? Ему-то что до того, что создадут клона? Или андроида, считающего себя им? Понимаешь?

Ингви не без удовольствия отметил, что на этот раз у Мирославы появился сильный оппонент. Его-то самого она умела – во всём, что не касалось вопросов веры, – переубеждать за пять минут. Интересно, по зубам ли ей Денис?

– Хорошо. Давай объясню вот как, – сказала Мирослава после небольшой паузы. – Представь, Денис, что злобные инопланетяне, обладающие сверхтехнологиями, за мгновение разберут тебя по атомам, каждый атом перенесут вон туда, – она показала в дальний угол кафе, – и соберут тебя там обратно. Всё это за мгновение! Быстрее, чем в человеческом организме протекает какой бы то ни было биологиче-

ский процесс. Даже обмен сигналами между нейронами мозга. Представил?

Денис отхлебнул полстакана, после чего кивнул.

– Отлично, – продолжала Мирослава. – А теперь скажи. Это будешь ты? В том углу.

– Ну, я, конечно. Кто ж еще?

– Так. А теперь случай номер два. Представь, что сволочные инопланетяне, пока ты будешь разобран на атомы, успеют за всё то же мгновение подменить каждый атом на точно такой же, но взятый откуда-то еще. Углерод заменят на такой же точно углерод, водород – на водород, железо – на железо и так далее. А старые атомы распылят по всей Вселенной. Тогда это будешь ты? Собранный в том углу.

На этот раз Денис чуть помедлил с ответом.

– Да. Это буду я. Ведь атомы в моем организме и так постоянно заменяются на новые. Даже в нейронах головного мозга, где-то я читал, происходит метаболизм, в результате которого атомы постоянно заменяются свежими.

– Превосходно, – сказала Мирослава. – То есть если ты будешь знать, что с тобой через минуту сделают такое, то ты будешь мысленно готов, что вскоре окажешься в том углу? Ты не будешь говорить: «Это не я окажусь там, это мой клон окажется»?

– Нет, не буду так говорить.

– Очень хорошо. Теперь случай номер три. Предположим, что тебя не станут разбирать по атомам, а просто, оставив тебя сидеть тут, во мгновение ока занесут в кафе атомы, аналогичные твоим, и соберут в том углу твою точную копию. Это будешь ты?

– Нет, – даже не задумывается Денис. – Я же остаюсь сидеть, где сидел! Поэтому там будет копия, а здесь – я.

– И последнее, – хитро улыбнулась Мирослава. – Случай номер четыре. Одновременно со сборкой в углу твоей точной копии – ты, сидящий тут, превращен в атомную пыль и распылен по всей Вселенной. Что тогда?

Денис призадумался.

– Тогда... я умру, – сказал он. – А в углу будет копия.

– А что ж ты не говорил этого про случай номер два? – торжествовала Мирослава. – Там ведь было ровно то же самое! Напомнить? Твои родные атомы в том случае распыляются по Вселенной, а в углу в то же мгновение собирается нечто из новых атомов. И тогда ты назвал это нечто собой!

– Ну, хорошо, хорошо. Допустим, что по твоим софизмам всё именно так и выходит...

– Что значит «софизмам»? – обиделась Мирослава. – Это самая обычная логика, а не софизмы.

– Ладно, пускай по логике так входит. Но тогда ответь мне вот на что. Я сижу тут, значит, и пью медовуху. И знаю, что через минуту эти твои злобные инопланетяне смастерят мою «поатомную копию» в том углу, а меня не тронут. Окей. Но как же я могу представлять, что очутюсь в том углу – то есть увижу угол вблизи, а этот столик и вас троих увижу вдалеке – если точно знаю, что останусь при этом сидеть здесь с вами?! Понимаешь? Не раздвоюсь же я, чтобы одновременно видеть и так, и эдак! – Денис усмехнулся и долил себе еще. – Следовательно, мое «Я» продолжится здесь. Не в клоне. Не в клоне, запомнила? А это означает, что и в случае моей гибели при изготовлении клона – будет то же самое. Мое «Я» не перескочит в клона! Что и требовалось доказать.

«Нет, не по зубам он ей», – констатировал Ингви.

– С научной точки зрения, – невозмутимо ответила Мирослава, – «Я» суть порождение конкретного тела. И

если не брать в расчет случаи психических расстройств, то одно тело дает одно «Я». С этим ты согласен?

Денис кивнул.

– Именно поэтому, – продолжала Мирослава, – ты и не можешь себе представить, как это так: ты будешь и там, и тут. Ведь тело-то сейчас одно. Как же такое можно представить, имея одно тело? Ясно, что никак. Но если будет два тела, то каждое из них будет иметь по одному «Я». Одно будет там, а другое тут. А вот что же представлять себе непосредственно перед таким расщеплением... – Мирослава задумалась. – Ну, я бы это объяснила вот как. Ты сидишь, считаешь до десяти и знаешь, что на счет десять в том углу появится твоя копия. Раз, два, три, четыре, пять... Глаза закрыты. Шесть, семь, восемь, девять... На счет десять открываешь глаза. И видишь – вдалеке сидят Мирослава, Ингви, Филипп спит на столе. И ты сам там. Такой, каким себя в зеркале видишь. Но что это значит? А только то, что именно копия порождает данное «Я», то есть «Я-наблюдателя». С равной вероятностью всё могло быть и иначе! Шесть, семь, восемь, девять... На счет десять открываешь глаза. И видишь – рядом Мирослава, Ингви, Филипп спит на столе. А в дальнем углу кафе – ты сам, в одиночестве. И что это значит? А только то, что оригинал, а не копия, порождает данное конкретное «Я».

– С равной вероятностью, говоришь? – переспросил Денис. – Пятьдесят на пятьдесят что ли?

– Сто на сто, – улыбнулась Мирослава. – Ведь неизбежно тело-копия будет порождать «Я», идентичное оригиналу. И неизбежно тело-оригинал будет порождать «Я», идентичное копии.

– То есть я, открыв глаза, неизбежно увижу всё и так, и эдак? Нет, уж извини. Не могу себе такого представить. Мне столько не выпить.

– И я уже объяснила, почему не можешь.

Спор явно зашел в тупик. Каждый оставался при своем.

– А вообще забавно, конечно, – сказал Денис после долгой паузы, – если Архив-Служба на самом деле именно так и воскрешает людей.

– Что ты хочешь сказать? – удивленно уставился на него Ингви.

– Ну, если у всех физиков и правда такой подход, как у Мирославы, то почему бы им не пользоваться этим более дешевым способом?

– Но ведь Голос объяснил, как происходит воскрешение! Разве тебе он этого не говорил?

– Ну, говорил, конечно...

– Полагаешь, они могут врать нам?

– Дело не во лжи, – присоединилась Мирослава. – Вот и ты, и я были каждый по месяцу в Архив-Службе... Кстати, Денис, а ты был?

– Был восемь раз уже. Я тут давно живу, – с важным видом сказал он.

– Ну вот, мы все трое, значит, там были, – продолжала Мирослава. – Но что-нибудь помним? Нет. Подписывали бумагу? Подписывали. Знали, что подвергнемся внушению? Знали. А что если служителю внушают, что воскрешение происходит путем искривления пространства-времени и затем посылают в роли Голоса на беседу с воскрешенным? Тогда и мы сами, если были Голосами, могли десяткам и даже сотням людей вешать лапшу на уши – искренне полагая, что так оно всё и обстоит на самом деле.

– Но зачем им скрывать правду? – не понимал Ингви.

– Да вот хотя бы из-за таких, как ты, дружище. – Денис, громко рассмеявшись, похлопал Ингви по плечу. – Я-то сам, если бы мне сказали, что я клон умершего Дениса, скорее всего не очень сильно горевал бы по этому поводу. А если у человека твои взгляды? Что тогда? Давай-ка прикинем. Ингви умер, его душа улетела на Небеса... и жила она там себе на Небесах кучу столетий... Кстати, встретила с душой Мирославы через какое-то время. В общем, хорошо его душе было там летать среди ангелов, лучше не придумаешь... И вдруг – бац! – создают мерзопакостные ученые на Ремотусе «поатомную копию» мозга Ингви, каким он был в последнее мгновение жизни, и запихивают это дело в выращенное тело. Но как же душа? Она-то что, должна покинуть райские кущи и рвануться на грешную землю... тьфу, в смысле Ремотус... и вселиться в этого клона?

Ингви ничего не ответил.

– А если душа и может сделать такое, – весело продолжал Денис, – то почему же тогда воскрешенный Ингви ничего не помнит о столетиях блаженства на Небесах? Словно и не было их вовсе. Не иначе как душа его осталась там среди ангелов, а тут прогуливается по улицам богомерзкий клон, не имеющий души. О как!

– Всё проще, – спокойно ответил Ингви. – Архив-Служба наверняка пыталась изготавливать клонов. Раз уж Мирослава считает это оптимальным научным решением. Но – как я уже говорил вам – это оказалось невозможным. То, что у ученых получилось с шимпанзе... как там его звали? Адольф?

– Рудольф, – поправила Мирослава.

– ...то не получилось с человеком, – подытожил Ингви. – Вот и всё. И никаких конспирологических версий не требуется. И так всё очевидно.

Денис и Мирослава переглянулись, снисходительно улыбаясь.

– Эх, – вздохнул Денис, – а вообще здорово было бы поработать там у них в Архив-Службе, но сохраняя при этом ясность сознания и твердость воли. Да еще запомнить бы всё. Любопытно, что у них там на самом деле творится.

– Я слышала от одной коллеги, – сказала Мирослава, почему-то делая голос потише, – ей знакомый корейский биолог сказал... что к нему в лабораторию в Сеуле как-то раз наведывался сам Исаак Ньютон. И интересовался он как раз блокировкой внушения и защитой от стирания воспоминаний.

– Это еще кто такой? – спросил Ингви.

– Ньютон-то? Физик. Гениальный физик. Я с ним, кстати, тоже имела удовольствие один раз перекинуться парой слов на симпозиуме в Тель-Авиве, – похвасталась Мирослава. – В общем, не хотел он сначала говорить корейцу, зачем этим всем интересуется. Но в итоге признался, что мечтает оказаться в Архив-Службе со свежей головой, как он выразился, и запомнить всё.

– И что кореец? – поинтересовался Денис. – Помог ему?

– Отослал к какому-то другому биологу, более сведущему в этой теме. Моей коллеге он не рассказывал, что там в итоге Ньютон придумал. Я так поняла, что и сам кореец не знал. Скорее всего, ничего у него вообще не вышло.

– Интересно, – задумался Денис, – а Ньютон сейчас всё такой же религиозный, каким когда-то был? Он же, когда в 17-м веке жил, кучу времени тратил на написание богословских трудов! В конце жизни, по крайней мере. Толкование к книге пророка Даниила, по-моему. Трактаты там всякие.

– Что, правда? – удивилась Мирослава. – Такого я еще не слышала. Ты его ни с кем не путаешь?

– Ну, может быть, и путаю. Давненько я об этом читал. Или фильм смотрел. Ну и хрен с ним, с этим Ньютоном. Ваше здоровье!

Денис поднял очередной наполненный бокал.

– С Новым Годом! – ответила Мирослава, наполнив и подняв свой.

Ингви последовал их примеру, и все трое дружно осушили бокалы.

ГЛАВА 12

Вроде бы Радислав говорил, что в телепорте капсулу спускают под землю...

Окон нет. Не посмотреть. Никакого движения я вообще не ощущаю. Слово капсула со мной лежит там, где и лежала. В телепорте Москвы.

Крышка над моей головой тем временем открывается.

Выбравшись наружу с лежавшим рядом мечом, я замечаю, что вместо мымры у стойки стоит другая сотрудница.

– Добро пожаловать в Рим, – приветливо улыбается она.

Здание телепорта выглядит точь-в-точь как то, в которое я зашел всего пару минут назад. И только светящаяся вывеска «РИМ. ФЕДЕРАЦИЯ РЕМОТУС» подтверждает, что две тысячи ремо у меня взяли не просто так.

Учитывая, как легко я добрался на такси от дома до Центральной городской площади – не будучи испепелен Агентством Безопасности или протаранен террористами, – Филиппу благополучно удалось отключить систему мониторинга, а

эта повязка на правой руке действительно блокирует сигнал. Правда, мне пришлось на секунду снять ее в Москве, чтобы расплатиться за телепортацию... А это значит, что они могут быть уже где-то близко.

Выбежав из телепорта, я устремляюсь к ближайшей автобусной остановке. Мужчина в полосатом костюме остановил такси и уже собирается сесть в него.

На те жалкие пять ремо, что остались у меня на счете, с такси мне самому не расплатиться...

– Не двигаться, – внезапно появившись за полосатой спиной, я подношу лезвие меча к горлу мужчины. – Садимся в такси вместе. Вот так... А теперь поднесите правую руку к оранжевому диску. Так... И теперь скажите: «К городскому цирку».

Напуганный мужчина беспрекословно всё выполняет, и такси трогается.

Всю дорогу я тревожно кручу головой по сторонам, ожидая появления из-за каждого угла черного фургона с агентами, – но, похоже, удача и в этот раз на моей стороне.

Отпустив заложника возле цирка, я быстро шагаю по оливковой аллее в находящемся сразу за ним парке.

Только бы этот лысый хрен еще сидел на скамейке! Насколько помню координаты, присланные мне на имплант Филиппом, скамейка, на которой убийца Радислава сидит с киберприставкой на голове, должна находиться...

О, а вот и он!

Я осторожно подхожу сзади.

Не долго раздумывая, достаю меч из ножен и, хорошенько замахнувшись, рублю по шее.

Лысая голова падает на землю и, словно мячик, откатывается в сторону. Из шеи бьет фонтан крови.

Схватив голову, я бегу вдоль тех же оливковых деревьев обратно к цирку. Множество людей, ставших невольными свидетелями кровавой сцены, к моему огромному удивлению начинают бурно аплодировать обезглавленному телу.

– Смотрите, как натурально изображает! – слышу я чей-то восторженный возглас.

Прямо на бегу я отдираю контакты киберприставки от головы и закидываю усатую физиономию в мусорный ящик.

«Святая Земля начала 11-го века».

Так я и думал.

– Сколько стоит билет на текущее представление? – спрашиваю я у робота на входе в цирк.

Мне срочно нужно где-то спрятаться. Ведь надев на голову киберприставку, я стану на какое-то время абсолютно уязвим. А что может быть лучше, чем затеряться среди публики?

– Взрослый билет стоит четыре с половиной ремо, – отвечает робот. – Детский билет – два ремо.

Оранжевый диск на голове робота поглощает последние деньги с моего счета, и я захожу внутрь.

Зал до отказа набит людьми, пришедшими с маленькими детьми. На арене два огромных слона стоят на передних ногах.

Помнится, Денис рассказывал, что чем дальше в глубь веков забирался Проект, тем больше на Ремотусе появлялось воскрешенных детей... Подумать только: в его-то собственное время заводили всего по одному или по два ребенка! Ибо знали, как он говорит, что ни оспа, ни прочая хворь, скорее всего, не помешают им вырасти. А как только Проект добрался до времен, предшествующих изобретению прививок и пенициллина...

Я сажусь на задний ряд. Надеюсь, здесь никто не будет на меня тарашиться.

Еще раз осмотревшись и убедившись, что агенты за мной не гонятся, я прикрепляю контакты киберприставки к голове.

...И оказываюсь лежащим лицом в песке.

Всё тело жутко ноет от боли.

– Симон, да что с тобой такое? – слышу я чей-то голос. Меня тормозат за плечо. – Вставай уже!

«Симон», значит. Надо бы не забыть.

Я с трудом поднимаюсь, выплевывая песок изо рта, и оглядываюсь по сторонам.

Вокруг меня стоят девять человек. Один из них – кудрявый мальчик, на вид лет семи. Остальные – взрослые мужчины, двое из которых уже старики. Интересно, кто из этих девяти Мирослава?

По-видимому, я отрубил их приятелю голову в тот момент, когда его персонаж шел по самому краю вон той горы. Потеряв управление, виртуальный Симон покатился кувырком вниз. След на склоне горы внушительный. Остальные, видимо, спустились за мной.

– Я оступился, – говорю я.

И чуть не вскрикиваю от неожиданности.

Голос совершенно не мой! Если бы я играл раньше в эти чертовы виртуальные реальности, то хотя бы был подготовлен к такому.

– Идем. У нас не так много времени, – командует мальчик писклявым голосом, и все следуют за ним.

Я знаю эти места! Вон там вдалеке течет Иордан. И судя по его изгибу, очень похоже на то место, где был крещен Иисус. Да, это определенно оно самое. Только мы движемся

к нему не со стороны Иерусалима. Эта компания идет из Иерихона.

Подойдя к воде, все рассаживаются на траве вокруг своего малолетнего предводителя.

– Иосиф, дай мне крест, – обращается мальчик к одному из стариков.

Тот начинает обшаривать один карман за другим. Но всё тщетно.

– Учитель! – виновато произносит он. – Я оставил его в Иерихоне. Совершенно вылетело из головы, что я должен был захватить его.

Мальчик злобно смотрит на старца.

– Крест нам нужен, – говорит он, напряженно жуя губы и морща лобик.

Повисает неловкое молчание.

– Я скоро буду, – мальчик вскакивает и бежит вдоль берега к ветвистому дереву, склонившемуся к самой воде.

Быстро раздевшись, он заходит в реку и, отойдя от берега метра на два, приседает и скрывается под водой. Появившись снова, идет обратно к берегу, держа что-то в руке.

– Небольшая домашняя заготовка, – сообщает он нам, резво примчавшись обратно и демонстрируя увесистое металлическое распятие. – Кончик отколот, но это не страшно.

Я узнаю распятие, которое вытацил в том же самом месте из воды буквально за минуту до своей смерти. 15-го сентября 1017 года.

Так вот, значит, кто швырнул его туда...

Стоп. Как это домашняя заготовка? Он что, кинул крест в Иордан в той жизни, зная, что спустя много веков, на другой планете – в виртуальной реальности – сможет достать его?!

Мне кажется, я начинаю сходить с ума.

Нет, сейчас не время думать об этом. Как-нибудь потом. Сейчас надо слушать, что это молокосос – или кто там управляет им в реальности – будет вещать всем этим террористам, прячущимися в Игре за древнееврейскими персонажами с библейскими именами.

Интересно, они хоть знакомы друг с другом в реальной жизни? Мой персонаж, скорее всего, знает, кто тут из них Мирослава. Ведь они действовали в реальности сообща.

Кто они все вообще такие? До сих пор я знал о действиях только троих. Может быть, эти трое – обезглавленный мною тип, Мирослава и ночной охранник – были московской ячейкой? Тогда еще по две троицы – это ячейки Парижа и Рима. В самом деле, почему бы им не действовать по одной и той же схеме в каждом городе? А главарь их, этот Учитель, тогда получается десятым...

Всё сходится.

– Близок час, братья и сестры, – говорит мальчик, воткнув распятие в землю перед собой, – когда дьявольскому наваждению будет положен конец.

Все внимательно смотрят на него, ловя каждое слово.

– Как вам всем хорошо известно, – торжественно продолжает он, – на истребление дьявольского мира до сего самого дня не было Божьей воли. Ибо исчадие ада, именуемое «Архивариусом», непременно будет запущен богопротивными учеными в будущем – иначе бы он не работал до сих пор, – а это означает, что никакие планы по истреблению наваждения не увенчались бы успехом. Воистину, какой смысл пытаться отправить грешников Ремотуса и Земли в геенну огненную, если доподлинно известно, что они уцелеют и запустят свое дьявольское изобретение в прошлое? Однако сегодня – как только состоится повторный запуск «Ар-

хивариуса» – Господь говорит нам: идите, дети Мои, и исполните волю Мою!

Интересно, а что если перебить их всех прямо тут?

Нет. Наверняка принцип работы киберприставки такой же, как у нейрошлема. Ничто не сможет вызвать смерть реального человека. Виртуальные персонажи будут истекать здесь кровью, а террористы в это время спокойно отправятся к своей бомбе.

– Вы все хорошо потрудились во славу Господа, – говорит мальчик. – И сейчас, братья и сестры, я назову вам адрес, где мы впервые за всё это время соберемся вместе во плоти. Там мы вознесем последнюю нашу молитву. И оттуда всепоглощающий огонь да истребит нечестивцев по всему миру!

Он называет улицу, дом и квартиру. Самый обычный жилой небоскреб в Восточном квартале Рима.

– А теперь, – продолжает он, – преклоним напоследок колени наши перед Господом.

Все встают на колени перед распятием, торчащим из земли. И я тоже следую их примеру.

– Отче наш, сущий на Небесах! – говорит мальчик, склонив голову. – Да святится имя Твое! Да придет Царствие Твое! Да будет воля Твоя и на земле, как на Небе...

Когда «Отче наш» в исполнении писклявого голоса заканчивается, я поднимаю голову.

Никого рядом нет.

Они отключились уже все что ли?

В случае с нейрошлемом, если отключаешься, то твой андроид по-прежнему остается там, где был. И чтобы не бросать его прямо на дороге, приходится сначала добираться до ближайшего атомного синтезатора. А с киберприставкой, видать, не так...

Раз всё кругом – лишь созданная компьютерами иллюзия, то почему бы, в самом деле, виртуальному персонажу просто взять и не исчезнуть?

Ну, окей. Тогда я тоже отключаюсь.

Эээ. А как это тут делается? В нейрошлеме ты мысленно произносишь кодовую фразу «конец сеанса связи с андроидом». И всё. Можешь снимать шлем.

– Конец сеанса связи с персонажем! – произношу я в уме.

Ничего не происходит.

– Конец сеанса связи с Игрой!

Опять ничего. Твою мать...

– Конец сеанса связи с кибер-Симоном!

Ну, попробовать стоило. Конечно же, опять ничего.

Я перебираю, наверно, сотню мыслимых и немыслимых вариантов и комбинаций. Трачу на это уйму драгоценнейшего времени. И всё бестолку.

Да... В такой глупой ситуации я еще никогда не оказывался. Неужели я застрял тут? А что если таков и был их коварный план? Заманить меня сюда, понимая, что я не сумею выбраться. То-то я подозрительно легко сумел попасть к ним и всё подслушать.

Может, спросить здесь у кого-нибудь, как выходят из Игры?

Но даже вдалеке никого не видать. Такси тут в 11-м веке не вызовешь. Пока я дойду до людей, террористы уже устроят всем свой всепоглощающий огонь.

Остается самоубийство...

Если умру в Игре, то точно выйду из нее. Иначе быть не может. Ведь иначе люди бы тысячами застревали в ней! Такой механизм, по крайней мере, предусмотрен разработчиками в нейрошлемах.

Прыгнуть что ли с той горы головой на камни? Но могу не насмерть разбиться, и тогда будет только хуже.

Думай, Ингви, думай. Время уходит.

Утопиться в Иордане?..

А это идея!

Я бегу к тому самому дереву, возле которого мальчик заходил в воду и возле которого – вернее, возле реального прототипа которого – я, помнится, уже умирал однажды.

Сняв одежду, я поспешно обматываю ей сначала ноги, а потом и руки за спиной. Надеюсь, узел за спиной получился крепким и выдержит, когда я начну инстинктивно брыкаться под водой. Затем, стараясь удержать равновесие и опираясь головой о распростершийся параллельно воде ствол дерева, я маленькими прыжками удаляюсь все дальше и дальше от берега. Когда дерево заканчивается, вода достигает мне уже до пояса.

Выдохнув весь воздух из легких, я падаю лицом в мутную воду Иордана...

О Господи, я сейчас умру!

Организм мучительно сопротивляется. Воздуха совсем не осталось, но спасительного вдоха всё не происходит и не происходит.

Наконец, я не выдерживаю и захлебываюсь.

...И даже сорвав с головы чертову киберприставку, еще долго не могу надышаться.

Я по-прежнему сижу на заднем ряду цирка. Никто не оборачивается и не обращает на меня абсолютно никакого внимания. На сцене два льва прыгают через горящие обручи.

Мне срочно нужен транспорт!

До названного мальчиком адреса пешком идти около получаса. Но угнать такси во второй раз едва ли получится. Тот

мужчина в полосатом костюме, конечно же, уже сообщил обо всём в полицию, и сейчас в районе цирка разъезжает патрульная машина, а службе такси дали указание не выезжать сюда.

Я осторожно пробираюсь за кулисы.

Там полным ходом идет подготовка к следующему номеру. Мартышка, одетая в смешную юбку, стоит на задних лапах на спине лошади, а в передних лапах сжимает удила. Прыжок – и мартышка переворачивается в воздухе, после чего снова приземляется на спину лошади, умудрившись так и не выпустить удила из волосатых лап. Дрессировщица дает ей кусочек сахара.

– Мне срочно нужна лошадь, – говорю я ей, снимая мартышку.

– Вы с ума сошли! – вскрикивает дрессировщица. – Что вы делаете?

Я молча подношу к ее носу окровавленный меч. Девушка пятится назад.

– Считайте, что сошел с ума. – Я запрыгиваю на спину лошади и беру в руки удила.

В Англии мы ездили как раз на таких, отобрав их у местных жителей. Наши собственные низкорослые кони вызвали бы у врага приступ смеха.

Выбравшись из здания цирка через служебный вход, я скачу прямо по тротуару, то и дело выкрикивая: «Дорогу!»

Прохожие в ужасе расступаются.

И, как ни странно, пока что за мной никто не гонится.

А как я, собственно, проникну в квартиру? Позвоню им в дверь? Они посмотрят на дверной дисплей – и если обзавелись таким оружием, как у агентов, то испепелят меня, проделав в двери дыру размером с арбуз.

Я отчаянно перебираю в голове вариант за вариантом...

Возле Концерт-Холла мне становится не до этого. Прямо навстречу, пока еще вдалеке, несется черный фургон Агентства Безопасности. До нужного адреса рукой подать. Вон тот небоскреб – прямо за конусообразным зданием Концерт-Холла. Но мне не успеть проскочить.

Приходится, спрыгнув с лошади, поспешно забежать в гигантский конус, разукрашенный снаружи лепнинами, изображающими все музыкальные инструменты, когда-либо существовавшие за историю человечества. Агенты будут здесь через одну-две минуты. Благодаря своему оборудованию, они даже сквозь стены увидят все мои перемещения внутри...

Я подбегаю к пункту охраны.

– Немедленно сообщите о пожарной тревоге! – Мой меч касается горла охранника. – Через все громкоговорители! Срочная эвакуация здания!

Охранник, похоже, не из робкого десятка.

– Какой еще пожар? – смеется он. – Тут всё из негорючих материалов. Даже вон те занавески на окнах.

Я вонзаю острие весельчаку в ногу. Затем поворачиваю из стороны в стороны.

– Ой, не надо, – стонет он. И, набрав пароль, входит в систему оповещения. – Может, сказать, что бомба заложена? Это хоть не так глупо...

Я устало киваю.

И он делает оповещение.

Тут же по лестницам со всех этажей начинает течь нескончаемый поток людей, устремляющийся к выходу. И отсюда мне хорошо видно, как агенты безуспешно пытаются попасть внутрь, размахивая оружием и угрожая всех пере-стрелять.

Быстро пробравшись вдоль стены к самому дальнему окну, я осторожно открываю его и выпрыгиваю наружу. Фургон стоит всего в нескольких метрах справа, и один из агентов дежурит рядом, в данный момент повернувшись ко мне спиной. Остальные всё еще никак не могут попасть внутрь.

Я вонзаю меч в шею беспечного агента. Между каской и защитным жилетом. Ни издав ни звука, он падает как подкошенный.

Ну что ж. Подарок Кнуда мне придется оставить здесь...

Выхватив у лежащего тела автомат, я бросаюсь наутек. И только когда забегаю в нужный мне подъезд, фургон начинает преследование.

Лифт, как всегда, не заставляет себя долго ждать. И я взволнованно поднимаюсь, не убирая пальца со спускового крючка.

Ну, держитесь, сволочи!

Дверца лифта открывается...

Передо мной возникает ухмыляющийся агент Иванов. В руке он сжимает маленький блестящий предмет.

Я немедленно нажимаю на курок.

Ничего не происходит.

Какого черта?

Я жму на курок снова и снова.

– Ингви, неужели вы не знали? – удивляется он. – Всё наше оружие имеет встроенную систему защиты. Оно реагирует только на нажатие того сотрудника, которому было выдано.

Сказав это, он нажимает на кнопку блестящего предмета. В глазах у меня темнеет.

ГЛАВА 13

Открыв глаза, я сразу сощуриваю их из-за яркого света, направленного мне в лицо.

Я сижу, но не могу пошевелиться. По-видимому, пристегнут к стулу.

– Ингви, сейчас вы встанете, – спокойно произносит голос, в котором я сразу узнаю агента Иванова, – и поедете к себе домой. Деньги для такси и телепортации мы вам перевели на имплант. По дороге вы не будете ни с кем разговаривать, дома сразу ляжете спать...

– А не поцеловать ли тебе меня в зад? – обрываю я.

Агент умолкает.

Спустя пару мгновений он тихо обращается к кому-то другому:

– Ты точно не забыл взболтать перед тем, как вкалывать?.. Что говоришь?.. Вроде не забыл? Вроде? – злится агент. – Считай, что ты уже уволен!

Яркий свет потухает.

И я вижу, что агент Иванов выключил лампу, стоящую передо мной на столе. Рядом с ним стоит лаборант, держащий в одной руке колбу с какой-то жидкостью, а в другой руке шприц.

– Может, вколоть еще раз? – виновато предлагает лаборант.

– Не надо. Иди уже отсюда, – сердито бросает ему агент. И добавляет, повернувшись ко мне: – Ничего нельзя никому поручить. Ну вы видели, а? Не только задержать вас, но даже ввести порцию внушителя нормально не могут! Всё надо делать самому.

– Я тебя задушусь, мерзавец! – отвечаю я, тщетно пытаюсь освободить руки.

– Да это я вас задушить должен. Вы нам чуть было всю операцию не сорвали! Еще бы чуть-чуть, и начали ломиться в ту дверь!

– И с чего это вдруг, – говорю я, – Агентство Безопасности стало пособниками террористов? Они вам хорошо заплатили? Но что вы будете делать с вашими деньгами, когда они превратят всё человечество в пыль?

Агент Иванов широко улыбается.

– Вы напрасно полагаете, что мы с ними заодно, – отвечает он. – Мы уже подменили все украденные ими батареи на разряженные. Так что за судьбу человечества можете быть абсолютно спокойны.

Смысл его слов не сразу доходит до меня.

– То есть... вы хотите сказать, что их бомба не сработает?

– Именно. Все пять похищенных батарей уже прошли проверку в лаборатории в Токио и возвращены министерству энергетики. А благодаря Мирославе, которую мы к ним внедрили...

– Что?!

– ...благодаря ей, террористы до сих пор пребывают в заблуждении, что бомба собрана из заряженных батарей. Ведь всю проверку они поручили именно ей.

Нет. Я не верю. Он опять пытается надуть меня.

На этот раз у тебя это так просто не выйдет!

– Можете сами взглянуть, – предлагает он. – Пойдем.

Освободив ремни, которыми я был пристегнут, он помогает мне встать.

– Видите? – спрашивает он, подведя меня к двум дисплеям на стене.

На одном из них я вижу, как восемь человек молятся, стоя на коленях рядом с огромным белым контейнером. Я

сразу узнаю Мирославу и Олега... На другом дисплее видна группа из двадцати агентов.

– Наши ребята, – поясняет он, – находятся в соседней квартире, прямо у них за стеной. И в любую минуту готовы проделать дыру и произвести захват.

– Чего же они тогда ждут? – не понимаю я. – И кстати, почему террористов восемь? Я был в Игре, там их было десять. Одному я отрубил голову. Должно быть девять!

– Вот вы сами и ответили на свой вопрос, – объясняет агент. – Мы ждем появления девятого. Их Учителя. Всех остальных мы и так знали. А вот установить личность главаря нам до сих пор не удавалось. Весь смысл операции в том, чтобы выйти на него.

– Откуда мне знать, что вы не врете?

– Даже не знаю...

– Почему взлом системы мониторинга и спутниковой службы был произведен из вашего Главного управления на Земле?

– Это вы у них спросите. Надеюсь, они уже вычислили предателя.

– Что вы делали в том доме, у лифта?

– Лично инспектировал группу захвата. Но мне поступило сообщение от фургона, что вас упустили. И тогда я вышел, чтобы остановить вас.

– Почему сейчас вы не там?

– Руководство операцией будет происходить отсюда. Мы в офисе Агентства Безопасности.

Как складно на всё отвечает...

Может быть, и не врет.

– Как вы осуществляете связь с Мирославой? – придумаю я вопрос с подвохом.

– Мы вживили ей в мозг устройство, читающее мысли. Если она хочет нам что-то сообщить, что концентрируется и мысленно произносит всё, что захочет. И устройство передает сигнал сюда в офис. Аналогично действует обратная связь. Мы говорим ей что-то, и вживленное устройство, приняв сигнал, генерирует в ее мозгу соответствующие мысли.

– Я хочу немедленно поговорить с ней! – восклицаю я.

Ну всё...

Пусть только попробует сейчас сказать: «Это невозможно, потому что бла-бла-бла».

– Пожалуйста, – агент Иванов, пожав плечами, показывает на лежащие возле дисплеев наушники с микрофоном.

Я надеваю гарнитуру на голову.

– Мирослава! Это я.

Агент мотает головой:

– Она же не слышит вашего голоса, вашего тембра. Откуда ей знать, что за «я»? Ваши слова облекаются в ее собственную мысль.

Окей. Попробуем иначе.

– Мирослава, это говорит Ингви. Твой Ингви.

– Что?! – раздается в наушниках мужской голос.

Видя мое замешательство, агент снова спешит пояснить:

– Устройство, принимающее ее мысль, само генерирует голос.

На дисплее Мирослава, как и все остальные, неподвижно стоит на коленях, опустив голову. Как я могу быть уверен, что действительно общаюсь с ней?

– Твой Ингви, – повторяю я. – В офисе агентов сейчас сию. Будь добра, проведи левой рукой по волосам.

– Что ты делаешь в офисе? – удивляется всё тот же мужской голос.

– Проведи по волосам, чтобы я знал, что разговариваю с тобой.

Мирослава, не меняя позы, осторожно поднимает левую руку и проводит по волосам.

– А теперь отвечай, – говорит она, – что ты там делаешь?

– Твои дружки из агентства сами меня сюда привезли. Слушай, агент Иванов мне всё уже рассказал... – я поворачиваюсь к агенту и подмигиваю ему так, чтобы он точно заметил мой знак. – Он рассказал, как тебя вовлекли во всё это. Я хочу узнать только одно перед тем, как бомба взорвется. Когда ты перестала любить меня?

– Что значит «взорвется»? Что ты там вообще несешь?! – негодует Мирослава.

Ну надо же. Он говорил правду.

Агент сдирает с меня гарнитуру и напяливает ее себе на голову:

– Мирослава, сейчас говорит агент Иванов. Он просто хотел тебя проверить. Всё никак не верил мне, что мы хорошие. Думал, мы заодно с террористами. Всё, больше не будем тебя отвлекать. Будь готова к штурму, как только придет Учитель. Конец связи.

Агент снимает наушники.

– Давайте, я вызову вам такси до телепорта? – предлагает он. – У вас ведь сегодня День рожденья. Мирослава сначала даже не соглашалась участвовать в операции до конца. Настаивала, чтобы мы устроили инсценировку ее гибели и отпустили пораньше. И всё ради того, чтобы не сильно опоздать на празднование.

– Да, большое спасибо. Вы правы.

Перед тем, как уйти, я еще раз бросаю взгляд на дисплей. По чьей-то команде все восемь человек поднимают го-

ловы и возносят руки. Видимо, к небу. Лица двоих мужчин мне кажутся знакомыми.

Где же я их видел? И вроде бы совсем недавно.

Так и не вспомнив, я жму на прощание руку агенту Иванову.

– А зачем же вы тогда в телепорте, – укоряю я его, – соврали, что всех поймали? Почему было не сказать мне правду?

– Правду? Что мы уже много месяцев следим за всеми действиями террористов? Что позволили им мучить и убивать ничего не подозревающих техников энергостанций? Ну, знаете ли... Уж проще было что-нибудь соврать, чтобы вы больше не лезли в это. И потом, – агент пожимает плечами, – кто ж знал, что этот ваш компьютерщик разнюхает про взломы из земного Агентства и поднимет панику? Да, кстати... Не пытайтесь связаться с ним и с вашим напарником до восьми вечера, ладно?

– Почему это?

– Всё равно не удастся. Мы обработали их внушителем, дали установку сидеть дома и не общаться ни с кем. Вы же понимаете, что больше рисковать я не могу.

Всю дорогу до телепорта меня мучает совесть за то, что я совершенно напрасно испортил детям праздник. Быть может, кто-то из ребятишек упросил родителей пойти сегодня в цирк специально, чтобы увидеть, как та мартышка в юбочке скачет по арене верхом, выделявая свои прыжки? Да и сама мартышка, как только увидела, что я удаляюсь прочь верхом на ее лошади, выглядела так, будто вот-вот заплачет.

И всё из-за того, что я был введен в заблуждение этим Ивановым! Вот кто испортил детям праздник, а не я!

От этой мысли мне становится чуть легче.

– В Москву. Нашу Москву, – говорю я сотруднице телепорта.

Когда крышка капсулы закрывается надо мной, в голову лезут всякие глупые мысли.

Интересно, если Мирослава всерьез допускает, что Архив-Служба экономит деньги на искривлении пространства-времени и изготавливает клонов, то как насчет телепорта? Надо не забыть спросить сегодня на вечеринке... Наверно, скажет, что – может быть – залезаю в капсулу я, а в другом городе вылезает моя «поатомная копия». Мне опять скажут, чтобы я заткнулся про свою душу. А потом будут целый час спорит с Денисом, тот же человек вылезет из капсулы или не тот же. А Филипп, как обычно, всё проспит. Будет забавно.

Я невольно улыбаюсь. Вот фантазеры! Какие только глупости не придумают, утратив веру в очевидное. И как только они не понимают, что наше «Я» суть искра Божья, дух от Духа, а не какое-то там порождение нейронов? И что самое смешное – поверив в свои материалистические сказки, тут же начинают спорить друг с другом, кто из них прав! Что только лишний раз показывает, насколько противоречив и смешон их подход.

Выходя из капсулы в телепорте Москвы, я мысленно говорю себе: «Ну, здравствуй, клон Ингви!», и мне становится совсем весело. Настроение настолько улучшилось, что даже сотрудница больше не кажется мне мымрой.

– Хорошего вам дня! – желаю я ей, проходя мимо.

Она удивленно смотрит мне в след.

Выйдя из телепорта, я прогулочным шагом направляюсь к автобусной остановке.

Вроде бы сегодня в Игре было что-то... что-то такое, что я не смог понять... не было времени понять.

Ах да. То распятие в воде!

Откуда мальчик, этот их Учитель, мог знать про него? Он сам его туда закинул в прошлой жизни? Или случайно нашел, как и я?

И что куда интереснее – откуда вообще информация об этом распятии взялась в киберреальности?!

Ведь всю информацию извлекают из мозга добровольцев. Десятки или даже сотни тысяч людей, конечно же, бывали на том берегу Иордана, видели то дерево, смотрели на те облака над головой. И создатели Игры извлекли из мозга нескольких таких людей зрительные образы. Но кто мог знать про распятие под водой? Два? Три человека? Другими словами...

Другими словами – если каким-нибудь образом выведать у разработчиков Игры, кто именно послужил информатором для данного конкретного объекта киберреальности, то я элементарно вычислю личность Учителя!

Что если он разгадал засаду агентов и так и не появится сегодня на той квартире?

Ведь если он улизнет от агентов на этот раз, то не поставит ли человечество вновь под угрозу исчезновения через сто или двести лет?

Будет совсем не лишним подстраховаться.

– В офис создателей Игры! – команду я остановившемуся такси.

И я, кажется, знаю, как на этот раз обойтись без рукоприкладства...

Офис, к счастью, находится совсем недалеко от Центральной площади, поэтому уже спустя пять минут я стою перед их менеджером.

– Вы еще занимаетесь созданием киберреальности викингских набегов на Англию? – спрашиваю я ее.

– Да. Вы хотели бы стать информантом?

– Меня ваш представитель очень упрашивал около месяца назад. Дело в том, что я был личным телохранителем конунга Кнуда.

– О, как чудесно, что вы всё-таки пришли! – девушка вскакивает из-за своего стола. – Позвольте, я провожу вас в нашу лабораторию.

Мы поднимаемся на второй этаж, и она, представив меня, передает в руки обрадованного коллеги.

– Я хотел бы вас кое-о-чем спросить, – говорю я ему, когда мы остаемся вдвоем. – Перед тем, как соглашусь.

– Да-да, конечно. Слушаю вас.

– Меня интересует, кто был информатором конкретного объекта в одной из ваших Игр. Вы сможете определить это?

– Вообще-то мы не имеем права разглашать такого рода личную информацию... – мнется он. – А вы обещаете, что взамен предоставите нам в распоряжение свой мозг?

– Обещаю!

– Ну, тогда так и быть, – решает он и подводит меня к компьютеру. – Что за Игра?

– Святая Земля начала 11-го века.

На дисплее возникает карта. Я указываю конкретное место возле Иордана. И передо мной появляется до боли знакомая панорама.

– Так всё выглядело на тот момент, когда Игра поступила в продажу, – поясняет он. – Если вас вдруг интересует объект, который уже кто-то из игроков смастерил там позднее...

– Нет, нет. Вон там, в воде, – я показываю пальцем. – Возле дерева. Нужно достать со дна. Так... чуть дальше от берега... еще... Вот! Оно. Меня интересует, кто был информантом данного распятия.

– Одну секундочку.

Парень набирает какие-то коды доступа, находит по бесчисленным каталогам номер данного объекта, после чего нажимает на поиск.

– Вот, – произносит он, когда на дисплее появляется фотография со служебными комментариями внизу. – Всего один информатор данного объекта.

На меня с дисплея смотрит...

Радислав!

Я не верю своим глазам.

Жертва террористов, подвергшаяся таким мучениям, является их главарем? Их Учителем?

Это какой-то бред.

Или...

Наоборот. Хитрейший план...

– Стойте! Куда вы? – слышу я в спину. – А как же наш уговор?

– Я зайду к вам завтра!

Выбежав на улицу, срочно связываюсь по импланту с нашим участком.

Шеф, конечно же, уже давно сдал свой жетон. Но кто-нибудь, надеюсь, сможет мне помочь.

– Привет! Это Ингви, из утренней смены, – говорю я, когда передо мной появляется дежурный.

– А, привет.

Отлично. Он меня знает.

– Слушай, я забыл кое-что завершить... Мониторинг уже заработал?

– Включился минут двадцать назад.

– Отлично! Будь добр, глянь, где один козел сейчас.

– Ладно. Без проблем. Что за козел?

– Открой дело об убийстве в квартире, которым я утром занимался. Радиславом его звать. Его около четырех часов

назад забрало Агентство Безопасности. Где он был с тех пор, как его отпустили?

Спустя минуту дежурный сообщает:

– Он сразу поехал на природу. К Белому водопаду. Там пропадает из поля зрения, как ты понимаешь. Но вскоре едет оттуда к себе домой. И с тех пор сидит у себя в квартире.

Белый водопад...

Вспомнил, где я видел тех двух террористов!

Они прошли мимо меня по лесной тропинке. Один за другим. Еще как-то странно разглядывали меня. И следом, в джинсовом костюме и в бейсболке, шел Олег.

– Да, еще, Ингви, – добавляет дежурный. – Туда Радислав ехал без рюкзака, а обратно возвращался с огромным таким рюкзаком. Если тебе это интересно.

– Спасибо! Это очень важно!

Я отключаюсь.

Они что-то оставляли для него на природе?

Может быть, в одной из тех пещер?

Неужели компоненты для бомбы?!

Когда я гонялся за ночным охранником, то даже не обратил внимания, что он налегке. А ехал он туда от энергостанции – сейчас я это припоминаю – действительно с сумкой на плече.

Но ведь агент Иванов сказал, что все похищенные заряженные батареи уже прошли проверку в Токио и возвращены министерству энергетики.

Ничего не понимаю...

Часы у автобусной остановки тем временем показывают 19:25.

До запуска «Архивариуса» осталось чуть больше получаса!

Неужели Радислав взорвет бомбу у себя в квартире уже в двадцать часов и одну минуту? Как только убедится, что запуск прошел успешно...

– Стой, стой! – махаю я руками, увидев такси.

Назвав адрес, зачем-то прошу его ехать как можно быстрее. Будто это что-то даст.

Без пятнадцати минут восемь я уже подбегаю к двери квартиры, расположенной двумя этажами выше. Только бы она была дома! Только бы открыла!

Звоню в дверь.

– Кто там?

– Здравствуйте. Это офицер полиции, который разговаривал с вами сегодня утром, – едва удерживаюсь я, чтобы не перейти на крик. – Вы катались на горных лыжах за Полярным кругом, и я брал у вас показания.

Дверь открывается.

Слава тебе, Господи.

– Вы позволите воспользоваться вашим атомным синтезатором и окном? Я отниму у вас всего пару минут.

За спиной хозяйки квартиры появляется еще одна девушка. Наверно, подружки собрались вместе, чтобы посмотреть по телевизору запуск «Архивариуса».

– Да... конечно, заходите, – говорит лыжница, немного растерявшись.

Я, даже не дослушав, бегу к синтезатору.

– Веревка длиной десять метров, – быстро диктую я свой заказ, – средство для бритья, бан... эээ... нет... бун... нет... бим...

Дьявол, забыл!

– На чем раньше машины ездили? – ору я, обернувшись.

Девушки переглядываются.

Хозяйка явно жалеет, что открыла дверь сумасшедшему.

– Бензин, – подсказывает ее подружка.

– ...бензин, пластиковая колба, два секундомера, – заканчиваю я.

Атомный синтезатор, как всегда, безропотно выполняет заказ.

– Нет времени объяснять, – говорю я, смешивая в колбе жидкости. – Можно попросить вас еще об одном одолжении?

Открыв окно, поспешно обматываю один конец веревки вокруг ручки на ставне. Должна выдержать.

– О каком одолжении? – спрашивает побледневшая хозяйка.

– Держите, – я протягиваю ей секундомер. – Нет, лучше вы держите, – я вручаю его подружке. – Спуститесь на лифте на два этажа ниже и, когда пройдут ровно две минуты, позвоните в такую же квартиру!

Девушки опять недоуменно переглядываются.

– Ой, погодите, – я почесываю затылок, – еще кое-что...

ГЛАВА 14

Я сижу на подоконнике, напряженно всматриваясь в лежащий рядом секундомер.

Минута и сорок секунд...

Минута и пятьдесят секунд...

Пора!

Сбрасываю веревку вниз. Затем, взяв в одну руку колбу с раствором, хватаюсь другой рукой за веревку и, крепко обхватив ее ногами, спускаюсь вниз.

Двумя этажами ниже аккуратно выплескиваю содержимое колбы на зеркальную стену.

В ней тут же появляется отверстие, которое всё увеличивается и увеличивается, достигая в итоге не меньше метра в диаметре. Коллега не соврал... Я прыскаю еще – и стену разъедает по пола.

– Нет тут никакой Лены! – доносится до меня голос Радислава из прихожей. – Вы ошиблись адресом!

Запрыгнув в комнату, крадусь в прихожую. Пустую колбу ставлю на пол.

В углу комнаты на спине лежит тело Красимиры. В ее животе зияет ужасающая дыра. Посреди комнаты установлен такой же точно огромный белый контейнер, какой я видел на дисплее в офисе у агентов. Одна из стен комнаты показывает прямой репортаж о запуске «Архивариуса». Согласно обратному отсчету осталось чуть больше пяти минут.

Радислав, стоя спиной ко мне, продолжает раздраженно общаться через закрытую дверь:

– Не знаю я, в какой квартире ваша Лена! Послушайте, я же...

Внезапно он разворачивается и направляет на меня пистолет. В другой руке у него пульт.

– Опять ты?! – восклицает он.

Я поднимаю руки вверх.

– Разве ты не в курсе, – говорю я, – что все заряженные батареи, которые вы похищали для бомбы, уже давно возвращены министерству энергетики?

Радислав делает мне знак, чтобы я отошел от него подальше.

– Это тебе агент Иванов сказал? – усмехается он. – А ты не пробовал задать себе вопрос... почему это агент Иванов, руководящий моим поиском, не проследил, где охранники с

трех энергостанций были сегодня утром после окончания ночной смены? Зачем они все ездили к Белому водопаду возле Москвы? Для кого оставляли там сумки?

Значит, те двое тоже ночные охранники. Один из Парижа, а другой из Рима...

Я молчу.

– А дело всё в том, – продолжает он, – что агент Иванов искренне полагает, что он проследил, где были все трое. И он может поклясться, что каждый из них после окончания смены поехал к себе домой. И точно так же, – Радислав широко улыбается, – он абсолютно убежден, что заряженные батареи возвращены министерству.

– Не понимаю.

– Что ж тут непонятного? У нас в Агентствах Безопасности на Земле и на Ремотусе есть свои люди. И не было, поверь мне, совершенно ничего сложного в том, чтобы внедрить агенту Иванову эти ложные воспоминания.

Так вот оно что...

– Равно как и не было ничего сложного, – продолжает светиться улыбкой Радислав, – в том, чтобы воспользоваться имеющейся у земного Агентства возможностью отключать мониторинг в любом городе Конфедерации, стирать записи спутниковых служб и изменять сигналы от андроидов. Видишь ли, – он делает мне знак, чтобы я не опускал руки, – земное Агентство сохраняло за собой эти технические возможности для благих целей. На случай непредвиденных обстоятельств, неожиданных угроз. Ну, в общем, грех было не воспользоваться.

От Радислава-невротика, которого я знал раньше, не осталось и следа...

Это он какие-то таблетки для наглости принял? Или тогда в дельтаплане симулировал?

– Выходит, – говорю я, – этой ночью в трех городах один из вашей шайки проникал на станцию с имплантом убитого техника, затем при содействии охранника похищал резервную батарею и подменял ее использованной, а потом они клали ее в сумку охранника и...

– Нет, не клали. Охранник прыскал ему на кожу наркотик, который в малых дозах вызывает кратковременный ступор. За эти мгновения охранник подменял у него в руках только что похищенную батарею на еще одну разряженную, заранее припасенную для этого.

– А это-то зачем? – удивляюсь я, одновременно понимая, почему Денис обнаружил в квартире охранника наркоту.

– Ну, доверять в таком деле более, чем троим, это уже перебор, – отвечает Радислав, не спуская меня с прицела пистолета. – Только охранники знают, что взрыв произойдет здесь в Москве, в этой квартире. Остальные из нашей группы пускай думают, что бомба там, рядом с ними в Риме. Когда бомба взорвется, разницы они, я полагаю, всё равно не почувствуют.

– И ты сам всё это задумал и организовал?!

– Ну что ты. Я бы никогда не смог внедрить своих людей на посты директоров Агентств Безопасности... А, я тебе еще не говорил? Да, наши люди там – это их директора.

Я отказываюсь верить своим ушам.

– А директоров туда, – кивает Радислав, – назначает Президент Конфедерации. Это, как ты знаешь, одно из тех немногих полномочий, которые у него есть. Так что...

– Не может быть, чтобы он! – восклицаю я.

– Кстати, ты сегодня с ним даже пообщался. Он мне сам рассказал. Помнишь андроида шефа, который чуть было не скинул тебя с крыши?

– Им управлял Президент?!

– Так точно. Но что-то я тут с тобой уже заболтался.
Прощай, Ингви.

Я разрываю у себя на груди футболку.

Поднеся пальцы к сердцу, резким движением погружаю их внутрь.

Радислав нажимает на курок...

Но фонтан моей крови уже и так рвется наружу.

Я снимаю с головы нейрошлем.

– Спущусь к нему еще разок, – говорю я двум девушкам, которые, уже не обращая на меня никакого внимания, приготовились увидеть в прямом эфире, как «Архивариус» отправится в прошлое.

Как хорошо, что я в последний момент догадался не идти к нему во плоти!

– По техническим причинам, – сообщает вдруг диктор, – запуск откладывается на десять минут. А пока мы покажем вам немного рекламы.

Подружки издают громкий возглас разочарования.

Быстро спустившись по веревке, я снова оказываюсь в той комнате.

Радислав лежит на полу лицом вниз. Рядом с ним валяется дымящийся пульт. Из пистолета также идет едкий черный дым. Мой развороченный андроид валяется неподалеку. Никаких повреждений, кроме вырванного источника питания, в нем не наблюдается. Выходит, пистолет даже не успел выстрелить – так мгновенно вся техника вышла из строя.

Я сажусь на корточки возле Радислава и хочу перевернуть его.

В этот момент кто-то, подойдя сзади, приставляет мне к горлу нож.

– Думал, ты один такой хитрый? – слышу я голос Радислава.

Вот это да. Похоже, он всё это время сидел в ванной с нейрошлемом на голове. Какой же я идиот.

– Бомбу тебе уже не включить, – отвечаю я, показывая на испорченный пульт.

Внезапно заломив мне левую руку, он убирает от горла нож и тут же заламывает правую. Усевшись на меня сверху, обматывает их за спиной скотчем, который, видимо, держал припасенным в кармане.

– С чего ты взял? Включается и вручную. – Он связывает мне скотчем ноги. – Видишь ту красную кнопку на белом корпусе?

Я, к сожалению, ее вижу.

Он снова приставляет нож.

– Однажды, – немного помедлив, говорит он, – я уже пускал тебе кровь из горла. Тогда, в 1017...

Радислав не отводит глаз с экрана на стене.

До запуска «Архивариуса» еще семь минут.

– Я всегда хорошо стрелял из лука, – продолжает он. – Это не раз пригодилось мне, когда печенеги выскакивали из засад возле Днепра... А ты знаешь, – он пару секунд смотрит мне в глаза, – если бы Мирослава вышла провожать тебя к пристани, когда ты садился на мой корабль, я бы разделался с тобой, пожалуй, еще в Киеве.

– Так это ты?! – я всматриваюсь в лицо Радислава, и только сейчас улавливаю отдаленное сходство с тем жутко уродливым и косоглазым купцом.

Вдобавок смутно припоминаю, что его действительно звали Радиславом.

А Денис, кажется, говорил, что в прошлой жизни потерпевший был «торгашом» из моего столетия.

– Воскресли меня на Ремотусе, конечно, уже красавцем, – поясняет он. – Уродство Архив-Служба расценивает как

разновидность болезней, а болезни у нее подлежат искоренению.

– При чем здесь Мирослава? Я ничего не понимаю. И как ты вообще оказался там возле Иордана?

– О, конечно же ты ничего не понимаешь! Откуда тебе понимать? Ты и понятия не имеешь, что значит с детства жить таким уродом. Видеть, как люди в ужасе шарахаются от тебя. Чувствовать, как за спиной показывают на тебя пальцем. И понимать, что та единственная, которую ты любишь... та, ради которой ты отдал бы всё на свете... никогда не будет твоей... никогда...

– Ты любил Мирославу? – начинает медленно доходить до меня.

– На корабле, – продолжает он, – ты не рассказывал о ней. Даже когда начал немного болтать по-нашему. Я и понятия не имел, что вы вообще знакомы! – Радислав постоянно поглядывает на стену. – В Константинополе, очень удачно продав свой товар, я отправился в Софийский собор, чтобы вознести Богу благодарственную молитву. И повстречал там группу паломников, только что вернувшуюся из Иерусалима. Я скверно понимал по-гречески, но из их возбужденных выкриков сразу понял, что один из них – бывший уже много лет слепцом – прозрел, едва прикоснувшись к Гробу Господню! Он исцелился чудом, понимаешь?

– И ты тоже решил попробовать...

– Весь долгий путь до Иерусалима я пребывал словно в трансе. Я молился с утра и до ночи! Ведь сам Господь сказал: «Всё возможно верующему». Приближаясь к Святому Гробу, я уже твердо верил, что навсегда избавлюсь от проклятья своего уродства. Вера моя в это была непоколебима. И ты не можешь себе представить – никто не сможет

представить! – всю глубину отчаяния, которое я испытал, едва осознав, что чуда не произошло.

Я молчу.

Что же мне делать с этим несчастным?

Руки и ноги у меня обмотаны скотчем. В руке у него нож. А нажав на ту красную кнопку, он сотрет в порошок всю планету.

Вот бы запуск «Архивариуса» сегодня по каким-нибудь техническим причинам не состоялся!

– И совершенно случайно, – продолжает он, – я увидел там в Иерусалиме тебя. Ты беседовал о чем-то со своим греческим дружкой. Незаметно подойдя поближе, я подслушал ваш разговор. Вы говорили о Мирославе... Каково же было мне обо всём узнать! Вернувшись в Новгород, ты бы увез ее в свою чертову Данию – и я не смог бы даже видеть ее! Ты лишил бы меня даже этой, единственной радости в моей проклятой жизни. Допустить этого я не мог. Я поплелся на Иордан следом за вами, лишь поджидая удобного случая.

– Ты знал, что Мирослава внедрена Агентством?

– Разумеется, знал. Но когда понял, что внедрили именно ее – это было знаком свыше. Всевышнему было угодно подвергнуть меня испытаниям. Суровым испытаниям... пытки током, на которые я добровольно пошел, – ничто по сравнению с тем, что я испытал за мгновения до этого! Когда услышал ночью звонок в дверь, открыл – и там стояла она... А я ведь впервые увидел ее с тех пор, как она сбежала из Новгорода.

Радислав снова смотрит мне в глаза.

– Ты знаешь, – говорит он, – в те мгновения, когда она стояла передо мной в том рыжем парике и предлагала скрасить одинокому мужчине ночь, я был близок к тому, чтобы пустить весь наш план псу под хвост. Я знал, что человек в

маске должен вот-вот ворваться в квартиру и начать пытаться меня. И я едва удержался от того, чтобы придушить его еще на пороге – а потом силой завладеть Мирославой. Видит Бог, каких усилий мне это стоило! Но я прошел все Его испытания!

Да. Тяжелый случай.

До запуска «Архивариуса» остается, тем временем, три минуты.

– Теперь ясно, – говорю я, – почему на сайте, где я разместил свое объявление, до сих пор нет ответа. Похоже, ты несколько не раскаиваешься в содеянном... А кстати, как ты стал Учителем этой банды? Тебя рукоположил лично Президент? Или директор Агентства?

– Это неважно, – хмурится Радислав. – Важно то, что наша схема так же прекрасно сработала и на Земле.

– Что ты имеешь в виду?

– Их Учитель сидит сейчас в своей квартире и готов в любую секунду нажать на красную кнопку. А остальные девять молятся в другом городе возле липовой бомбы – и за стенкой у них группа захвата, ждущая появления Учителя.

– Откуда ты это знаешь?

– Как откуда? Я постоянно на связи с Президентом. Он сейчас на Ремотусе, в Американском Штате. Там, откуда руководят запуском «Архивариуса».

– А он-то почему пошел на такое? – любопытно я. – С тобой всё понятно. Обиженный на весь мир психопат, тронувшийся на почве неразделенной любви... А с Президентом что? Может, ты в курсе?

Радислав оставляет мое ехидство без внимания.

– Мне он не докладывал, – звучит сухой ответ.

Реклама на телевизионном экране тем временем подходит к концу. Обратный отсчет неумолимо извещает о том, что до запуска «Архивариуса» осталось тридцать секунд.

– Прощай, Ингви. – Он подносит мне к горлу нож. – Не могу допустить, чтобы ты отвлекал меня в самый важный момент.

Выходит, это конец.

Или...

Еще нет?

За окном, неуклюже спуская свое тучное тело по веревке, появляется Денис.

Радислав повернулся к окну спиной и из-за этого ничего не видит. Денис, тихо забравшись внутрь, хватается табуретку и, замахнувшись, приближается на цыпочках.

Хруст под его ногой...

Радислав оборачивается.

Денис замирает на месте в метре от него – так и стоя на цыпочках и замахнувшись табуреткой. Под ногой у него виднеется то, что некогда было пластиковой колбой, которую я неосмотрительно поставил на пол.

Радислав в замешательстве смотрит то на меня, то на напарника. Наконец – определившись – замахивается ножом, чтобы всадить его в Дениса.

В этот момент тяжелый прямоугольный предмет выбивает нож из его руки.

Мы с Радиславом оборачиваемся...

В прихожей стоит Филипп. Дверь за его спиной открыта. Похоже, он только что запустил в Радислава компьютерным устройством, с помощью которого секундой раньше взломал электронный замок.

Денис, воспользовавшись моментом, бросается на Радислава и валит его на пол.

Филипп подбирает валяющийся на полу скотч.

– Вы имеете право хранить молчание! – говорит он, хо-рошенько обматывая Радислава. – Все доказательства против вас всё равно будут вынуты у вас из мозга.

– Меня размотайте поскорей. Руки и ноги затекли. – Я еще не до конца верю в происходящее. – И на ту красную кнопку не нажмите случайно.

«Архивариус», блеснув своими причудливыми антенна-ми, исчезает со звездного пейзажа на стене-экране.

ГЛАВА 15

Десять вечера.

Парк возле нашего дома.

В «Усталом суслике» – кроме меня, Мирославы и Дениса с Филиппом – ни души.

Весть о гибели Земли повергла в шок всех обитателей Ремотуса. Тут уж не до ресторанов.

Но у нас настоящий праздник!

И дело вовсе не в моем Дне рождения. Про него все даже как-то забыли.

Мы-то знаем, что человечество было лишь на волосок от гибели! А ни один из жителей Земли, конечно же, не умер... И ребенку понятно, что они все просто оказались в далеком будущем. Обитатели Ремотуса рано или поздно обязательно воскресят их.

– А кто был Иосифом в вашей дурацкой Игре? – спраши-ваю я Мирославу, наливая себе еще натурального пива. – Если бы не он, мы бы сейчас тут не сидели. Ведь если бы он не забыл захватить с собой из Иерихона крест, ваш Учитель

не побежал бы в воду за тем распятием – и я бы не вычислил Радислава!

– Это была я, – смеется Мирослава.

– Не может быть, – говорю я.

– Честное слово! Я сама не понимаю, почему его забыла.

Просто вылетело из головы и всё тут.

– Это что ж тогда выходит? – Денис обводит взглядом нас всех. – Мы вчетвером спасли человечество? Сначала Мирослава забыла положить в карман крест. Потом Ингви раскусил Радислава. А потом мы с Филиппом не дали ему нажать на кнопку...

– Выходит, что так, – заключает Филипп.

– Интересно, нам поставят памятники? – Денис чешет затылок. – Ну, или хотя бы один памятник на четверых.

Мы все смеемся.

– А как вы с Филиппом поняли, – интересуюсь я, – что я в квартире Радислава и что мне нужна помощь?

– Ну, это было не сложно, – говорит Филипп. – Как только закончилось действие той дряни, которую вкололи агенты, я первым делом подумал: как там наш Ингви? Жив или нет? Было где-то без десяти восемь. Стал звонить тебе на имплант, ты не отвечал.

– Я как раз надел нейрошлем, не слышал вызова.

– И звонит тогда мне, – продолжает Денис. – Я тоже только-только очухался, ничего не знал. Связались мы, значит, с дежурным в участке – он и рассказал, что ты узнавал про Радислава. Попросили его глянуть на мониторинг – а там, говорит, ты по веревке спускаешься! Ну и помчались поскорее.

– Вы очень кстати успели, – констатирую я. – Интересно, на сколько лет их теперь в тюрьму упрячут?

– Надеюсь, дадут не меньше тысячи каждому, – негодует Мирослава. – А главной сволочи, Президенту, я бы вообще пожизненный влепила. Подумать только, ведь я за него голосовала! И как только ему такие мысли в голову могли прийти?

– О, это агенты скоро выяснят, – говорю я. – В новостях слышал, что Президент уже арестован.

– Не удивительно, что арестован, – зевает Филипп. – Мы же передали Радислава лично в руки этому твоему агенту Иванову. Вместе с бомбой. А в мозгу у Радислава предостаточно улик и на Президента, и на директоров Агентств.

– Я вот одного не понимаю, – возмущается Денис. – Почему во всех новостях говорят, что Агентство Безопасности предотвратило теракт на Ремотусе? Про нас при этом ни слова! При чем тут вообще Агентство?

– Да уж, – соглашаюсь я, – все эти хваленые агенты оказались далеко не такими крутыми, как я думал. Представляете... они даже не сумели нормально ввести мне внушитель! Вот клоуны! Говорит мне такой: «Сейчас ты встанешь, поедешь домой, ляжешь спать». А я ему: «Поцелуй меня в зад». Прикольно, да? Лаборант их то ли не смешал всё как надо, то ли не взболтал.

– Выходит, если памятник нам воздвигать, – почесывает бороду Филипп, – то надо бы и этого лаборанта там не забыть. Ведь не облажайся он, Ремотуса бы сейчас не было.

Мы все опять смеемся, но Мирослава, нахмурившись, начинает что-то быстро смотреть на своем импланте.

– Надо же, – говорит она себе под нос. – Сходится.

– Что там сходится? – интересуюсь я.

– Если верить биографии Ньютона на его сайте, – бормочет Мирослава, – он был в Архив-Службе одновременно с тобой.

– Эээ. И что? – не понимаю я.

– А то, что он мог найти способ – хотя и не представляю какой – не только свой мозг сделать невосприимчивым к внушению, но и мозг кого-нибудь из служителей... когда уже оказался там у них.

В этот момент стена ресторана превращается в экран, и начинается выпуск новостей.

– Как нам стало только что известно, – рассказывает диктор, – Агентство Безопасности, которое весь последний час под личным контролем нового директора изучает мозг арестованного Президента Конфедерации, уже выяснило обстоятельства, при которых у Президента возник план уничтожения человечества.

Мы все поворачиваемся к телеэкрану.

– По словам Агентства, – продолжает диктор, – эти мысли были внедрены ему год назад во время телепортации из нашего Каира на Землю. На данный момент не выяснено, каким именно образом произошло внедрение. Однако Агентство располагает неопровержимыми доказательствами, что к этому инциденту причастна каирская Архив-Служба. Предварительное внутреннее расследование, немедленно проведенное Архив-Службой, уже подтвердило эти обвинения. И вот прямо сейчас... – диктор растерянно смотрит куда-то в сторону, словно не веря своим глазам, – нам поступает... сенсационная новость. Суд только что выдал санкцию на арест бывших работников каирской Архив-Службы, которые вложили в мозг Президента мысль о совершении терактов. Пока не известно, зачем они это сделали. Настоящая сенсация, дорогие телезрители, заключается в том, что один из них – и в это трудно поверить – всемирно известный физик Исаак Ньютон! Второй подозреваемый – некий Ингви, сын Аки, проживающий в Москве.